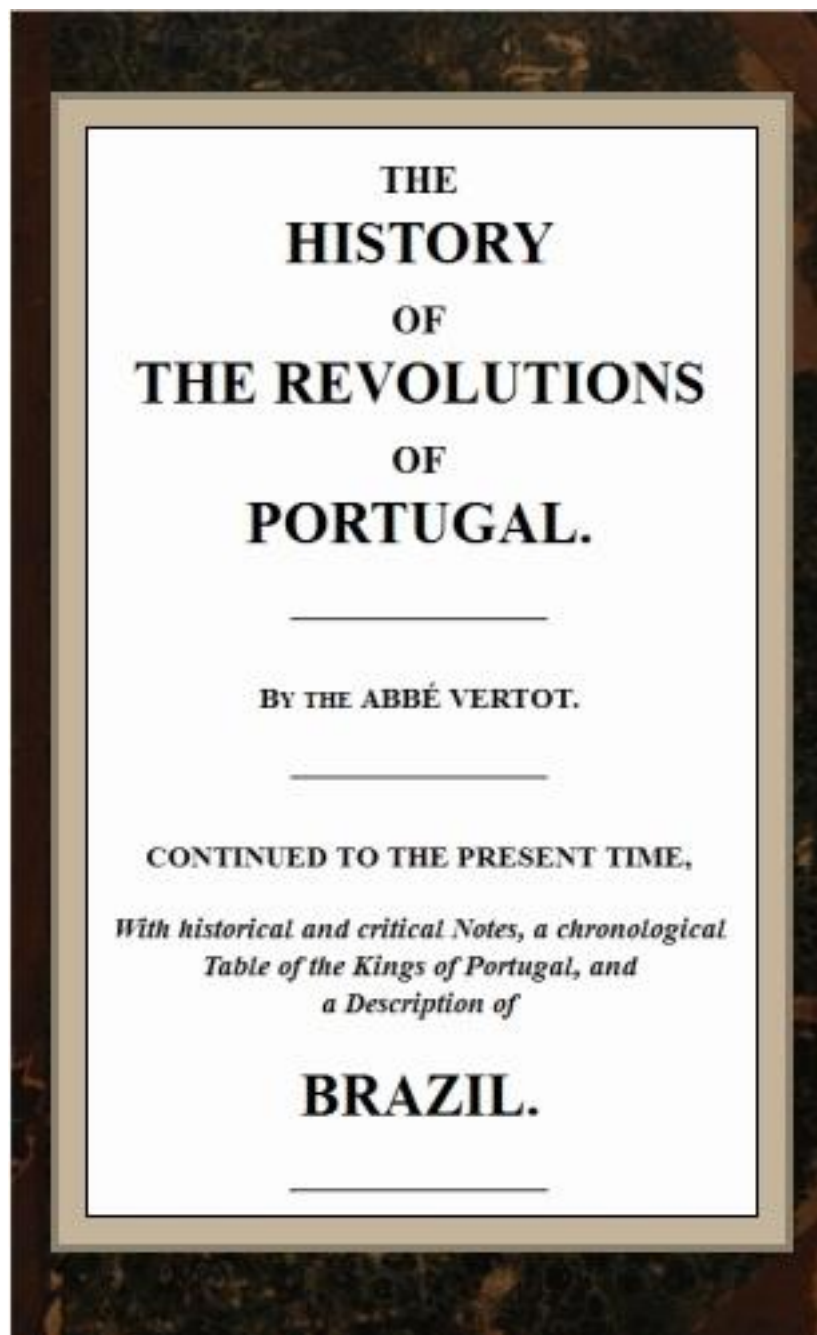

История революций Португалии

Пьер Мари Луи де Буажелен де Керду

аббат де Верто

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории революций Португалии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История революций Португалии

Author: abbé de Vertot

Pierre Marie Louis de Boisgelin de Kerdu

Дата выхода: 24 апреля 2014 [Электронная книга № 45471]

Последнее обновление: 24 октября 2024

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Крис Карноу, Чак Грейф и команда <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИЙ ПОРТУГАЛИИ" ***

Были предприняты все попытки воспроизвести оригинал в том виде, в каком он был напечатан.

Хотя некоторые необычные варианты написания оригинала были сохранены (например, Cotemporary, Portugeze, encreases, Uraguay, vinilla, recal), было исправлено несколько типографских ошибок; [список следует за текстом](#).

Оглавление:

Точный, исторический и критический каталог основных опубликованных работ по истории Португалии.

Хронологическая историческая таблица королей Португалии, от Генриха, герцога Бургундского, графа Португалии, до Иоанна IV, герцога Браганса и короля Португалии.

История революций Португалии.

Описание Бразилии.

Названия различных правительств в Бразилии, границы, население и торговля.

Естественная история Бразилии.

Примечание.

Сноски.

(примечание переводчика электронного текста)

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИЙ ПОРТУГАЛИИ

Автор: АББАТ ВЕРТО.

ПРОДОЛЖЕНИЕ До НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ,

С историческими и критическими замечками, хронологической таблицей королей Португалии и описанием БРАЗИЛИИ.

ЛУИ ДЕ БУАЖЕЛЕН, ШЕВАЛЬЕ ДЕ МАЛЬТ.

*Hos Viriathus agit, Lusitanumque Remotis
Extractum Lustris, primo Viriathus in ævo
Nomen Romanis factum mox nobile Damnis.
Silius Ital. де Белл. Каламбур. Библиотека. 3.*

ЛОНДОН:

Напечатано Р. Жюинье и для него, № 17, Маргарет-стрит,
Кавендиш-сквер.

Продано фирмой "Лонгман, Херст, Рис и Орм",
Патерностер-роу.

-

1809г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

На протяжении долгих лет в государственных школах изучением современной истории в основном пренебрегали; но теперь оно начинает рассматриваться (как, собственно, и должно

было быть всегда) как предмет величайшей важности. В Англии, в частности, это является одной из основных отраслей как государственного, так и частного образования.

"История революций Португалии" аббата де Вертота всегда считалась в равной степени занимательной и поучительной и, как таковая, в большей степени рассчитана на молодежь. Последние события в этой стране сделали его вдвойне интересным, и теперь, кажется, нет ничего, что могло бы завершить столь превосходное представление, кроме как продолжить повествование до настоящего периода. Это, однако, если изложить это точно, значительно превысило бы пределы, которые мы предлагаем себе в этой небольшой работе: поэтому мы должны предоставить столь трудоемкую задачу другим и просто довольствоваться представлением публике *анналов Португалии*, начиная с войны, которую португальцы называют войной *аккламации*, и заканчивая битвой при Веймере. Мы не можем даже претендовать на то, что обратили внимание на некоторые из основных событий, произошедших за этот промежуток времени, хотя мы были особенно внимательны при исследовании тех, которые *привели к революции и закончились* ими. Мы также попытались дать справедливое представление о характере различных королей Португалии, о талантах министров, которые защищали королевскую власть, и о качествах тех, кто нападал на нее.

Что касается революции, которая недавно угрожала полным уничтожением португальского трона, то события, которые ее вызвали, и те, которые, к счастью, остановили ее развитие, настолько свежи и так известны, что мы сочли излишним затрагивать эту тему.

Наше уважение к Вертоту всегда было настолько велико, что мы никогда не осмеливались прерывать ход его повествования; за исключением тех немногих замечаний, которые мы осмелились добавить, которые могут быть истолкованы подобным образом.

Этот знаменитый автор обошел молчанием многих монархов, правивших в Португалии до революции, которую он так подробно описал, и мы добавили хронологическую и историческую таблицу различных королей от Генриха Бургундского, графа Португалии, до Иоанна IV, герцога Браганса. Мы также составили точный исторический и критический каталог не только работ большей части авторов, цитируемых Вертотом в его заметках (чьи *имена* он только упоминает), но и всех наиболее важных книг, опубликованных с тех пор о Португалии и ее колониях.

Недавний отъезд семьи Браганса из Лиссабона и их прибытие в Бразилию привлекли всеобщее внимание и заинтересовали умы каждого. Поэтому у нас возникло искушение дать небольшой очерк страны, которая в настоящее время стала объектом немалого любопытства; к нему мы добавили, для удовлетворения тех читателей, которые, возможно, пожелают более подробного описания, список основных авторов, сделавших эту прекрасную, хотя и отдаленную часть нового света особым объектом своего внимания.

ТОЧНЫЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ И КРИТИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ *основных опубликованных работ по истории Португалии.*

Ресендиус (Эндрю, или Луи Эндрю). Иоанн III назначил его руководить образованием двух своих братьев. Он опубликовал две работы, которые пользуются большим уважением: первая, озаглавленная "*de Antiquitatibus Lusitaniae*" (напечатана in folio в Эворе в 1593 году); и вторая,

"Деликатесы лузитано-испанской кухни". Его брат Гарсиас опубликовал фолиант "История Иоанна III" на португальском языке.

Васконселлос (Антонио) опубликовал различные работы. Один из самых уважаемых озаглавлен "Анацефалоз - это то, что является актером на душу населения во время Лузитании".

Тексейра (Джозеф) встал на сторону короля дон-Антонио и последовал за ним во Францию, где пользовался большим расположением Генриха III и Генриха IV. Его работа под названием *Portugaliæ Ortus* пользуется не очень большой репутацией.

Фариа (де Соуза Эммануаль) родился в 1610 году и умер в 1659 году. Его повествования скорее красноречивы, чем историчны; он изнуряет себя разглагольствованиями и размышлениями, придавая одинаковую степень важности самым великим и самым незначительным событиям. Его главные герои всегда *герои*, и никогда *мужчины*. Его самый знаменитый труд разделен на три части: первая, содержащая древнюю историю Лузитании; вторая, о завоеваниях португальцев в Азии и восточных частях Африки; и третья, о войнах, которые происходили в той части Африки, которая находится напротив Андалусии, и королевства Алгарва. Эта работа любопытна и точна и была переведена на итальянский, французский и английский языки. Тот же автор опубликовал историю Португалии, закончившуюся во времена правления кардинала Генриха. Она выдержала несколько изданий; лучшее из которых было напечатано in folio в 1730 году и сохранилось до более поздней эпохи.

Брито (Бернард де) - цистерцианский монах, историограф Португалии, родился в 1569 году и умер в 1612 году. Он опубликовал *Monarchia Lusitana*, 7 томов. in folio, Лиссабон, 1597 и 1612. Это история Португалии, которая восходит ко временам графа Генриха и элегантно написана. Отец Антонио и отец Франсиско Брандхамо, члены того же общества, продолжили эту историю до правления Альфонсо III. Только два первых тома были написаны Брито, который, однако, был автором *Панегириков королям Португалии с их портретами*; а также *Древней географии Португалии*. Есть также другой Брито (Франсиско), который написал "Гуэрра Бразилика" в 2-х томах. фолиант, напечатанный в Лиссабоне в 1675 году.

Брандхамо и его продолжатель лишь описали события, происходившие в Португалии от узурпации власти Филиппом II до революции, с последствиями, которые сопутствовали ей в правление Филиппа IV.

Бираго из Мальтийского ордена писал на ту же тему. Брандхамо, желающий придерживаться предельной простоты стиля, становится очень сухим и превращается в простого газетного писателя; в то время как Бираго пишет более одухотворенно, его стиль более ровный, его размышления живые и остроумные, а его персонажи и описания интересные. При первом же появлении эта работа была переведена на все европейские языки. Работы Бираго и Брандхамо изначально были написаны на итальянском языке и отличались некоторой напыщенностью даже в самых незначительных отношениях. Они также несколько раз вводили *concettis* (каламбуры), смешнее которых ничего не может быть, особенно в истории.

Д'Эрсейра (дон Фернандо Луис де Менесес, граф) написал "*Portogallo restorado*", в котором описываются причины, ход и последствия революции до заключения мира, который Кастилия была вынуждена заключить с Португалией в 1668 году. Эта работа написана на португальском языке со всей деликатностью, силой и энергией, на которые способен этот язык. Однако иногда он бывает слишком скрупулезен, поскольку вдаётся в подробности, которые, хотя и очень

интересны его современникам и соотечественникам, мало представляют интереса для иностранцев: поэтому его книгу правильнее назвать подборкой превосходных материалов для написания истории, чем обычной историей самой по себе. Иностранный журнал за 1757 год содержит каталог многочисленных произведений этого автора.

Алегрет (граф де) написал "Жизнь Иоанна II" на латыни и в таком чистом и элегантном стиле, что автору эпохи Августа не пришлось бы краснеть, чтобы признать это. Его манера письма компактна, хотя и ясна; обильна, но не рассеянна. На протяжении всего произведения его главные герои постоянно находятся в поле зрения, в то время как характеры и разные персонажи, играющие роль в сцене, совершенно естественны и разнообразны.

Баррос (Джон де) родился в 1496 году, умер в 1570 году, был писателем, которого считали *Ливием* Португалии. Он жил в период, когда португальцы впервые распространили свои завоевания на Азию. Его стиль прост, но он не обладает той благородной и нервной простотой выражения, которой так отличается д'Алегретт. Работа Барроса разделена на десятилетия, все из которых никогда не печатались. Большая часть авторов, писавших об Индии, начиная с Барроса, просто перевели его работы, да и то в очень плохом стиле. Они действительно являются очень плохими копиями довольно хорошего оригинала. Поссевиен и президент де Ту горячо восхваляют Барроса, в то время как ла Буле ле Гу представляет его как ничтожного писателя, чья история Азии и Индии не стоит труда читать. Как похвала, так и порицание, безусловно, сильно преувеличены: однако несколько авторов продолжили эту работу и точно так же разделили ее продолжение на десятилетия. Баррос опубликовал первую в 1552 году, а вторую в 1563 году; четвертая так и не появилась до 1615 года, когда она была опубликована по приказу Филиппа III, который отдал приказ о покупке рукописи у наследников Барроса. Последующие десятилетия, с 5-го по 13-е, написаны не Баррошем. Лучшее издание этого труда было напечатано в Лиссабоне в 1736 году в 3-х томах. in folio. Она была переведена на испанский Альфонсо Уллоа.

Отец дю Тарри (иезуит) скопировал у Барроса меньше, чем любой из авторов, трактовавших ту же тему. Его "История Ост-Индии" содержит несколько экстраординарных и любопытных фактов, о которых Баррос либо по незнанию, либо по невнимательности никогда не упоминал. Главной темой истории иезуитов является распространение христианства среди идолопоклонников. Этот автор стремится к порядку и вкусу, но его описания живые, а размышления сильные.

Lafitau (Joseph Francis) published *Histoire des Découvertes, et des Conquêtes des Portugais dans le nouveau Monde*. Напечатано в Париже, 1733, 2 тома. in quarto; и в 1734, 4 тома. duodecimo. Эта работа точна и не написана плохо, чего нельзя сказать об "Истории" аббата Рейналя.

Мариана (Иоанна) умерла в 1634 году в возрасте 87 лет. Можно сказать, что его история Испании включает в себя историю не только Португалии, но и всего мира. Несмотря на мельчайшие и даже иногда неточные подробности, содержащиеся в его "истории Испании", его воображение настолько живо, плодородно и разнообразно; его стиль настолько плавен и содержателен, что его всегда считали одним из первых писателей своего времени и страны. Лучшим испанским изданием этой истории является мадридское издание 1698 года в 2-х томах. in folio.

Кьен де ла Нефвиль, родившийся в 1647 году, умерший в 1728 году, написал "Историю Португалии" в 2-х томах. кварто, опубликовано в 1700 году Аниссоном, королевским печатником. Эта работа продолжена не далее 1521 года. Автор пренебрег упоминанием нескольких очень важных фактов и очень мало обратил внимания на многие другие: его работа, однако, в других деталях заслуживает уважения и дала ему право на место в академии надписей в Париже; она также обеспечила ему пожизненную пенсию от короля Португалии в размере 1500 французских ливров.

Ла Клед (г-н де) был секретарем маршала де Куаньи. Он опубликовал *Новую историю Португалии* в 2-х томах. кварто, 1730; и то же произведение, 1735, в 9 томах. in duodecimo. Эта история заканчивается миром между португальцами и испанцами в 1668 году: к этому добавляется простое перечисление основных фактов, имевших место с той эпохи по 1713 год. *Ла Клед* в своем предисловии упрекает г-на ле Кьена де ла Нефвиля в том, что он (как уже упоминалось) упускает из виду или слегка обращает внимание на несколько важных обстоятельств. Он также обвиняет аббата Верто в том, что его рассказ о знаменитой революции 1640 года был написан скорее сговорчиво, чем достоверно. Величайшая похвала, которую мы, возможно, можем воздать *ла Кледе*, заключается в том, что португальцы ценят его историю своей страны, лучшую из когда-либо появившихся на иностранном языке.

Те из наших читателей, кто желает поближе познакомиться с авторами, писавшими о Португалии, могут обратиться к *Методу изучения истории* Лангле де Фреснуа, а также к тому тому "Всеобщей истории", в котором рассказывается о Португалии; примечания к нему содержат имена и работы тех авторов, из чьего источника они почерпнули свои факты. К сожалению, эта история заканчивается Утрехтским миром. Недавно двумя авторами из этой страны были опубликованы две работы, касающиеся истории Португалии. Англичане, написавшие о своих путешествиях в Португалию, а именно. Спрингель, Мерфи и Линк, предоставили несколько очень любопытных отчетов об этой стране, и их работы пользуются заслуженным уважением. Мы также особенно рекомендуем ознакомиться с книгой Дюмурье "Путешествие в Португалию"; эта книга, вообще говоря, превосходная; и мы несколько раз обращались к ней; однако ее следует читать с осторожностью; читатель также не должен полностью доверять даже изданию кварто, напечатанному в Гамбурге в 1797 году: поскольку автор теперь, должно быть, слишком хорошо знаком с английским языком и его ресурсами, чтобы верить^[1] "что нападение на Англию, так часто подготавливаемое французским правительством и так часто предотвращаемое золотом и интригами сент-Джеймского кабинета, не могло не увенчаться успехом, если французы серьезно попытаются это сделать; и что только мир, возможно, может отразить удар, который должен сокрушить англичан и вызвать революцию того же характера, что и та, что произошла во Франции".

Тот же автор, который в данный момент также в равной степени, нет, даже больше знаком с *щедростью*, чем с *ресурсами* британской нации, мы льстим себя надеждой, что он больше не будет придерживаться мнения,^[2] "что англичане оскорбляют, даже когда они, кажется, обязывают"; и что он, однако он будет последним, кто подтвердит то, что он предлагает, "что их манера оказывать услуги не вызвала ничего, кроме неблагодарности".

Имена основных авторов, писавших о Бразилии.

ПОРТУГАЛЬСКИЙ.

Vandelli (Dominicus). Естественная история. Ботаника.

Андрада (Д.) Естественная история. Минералогия. Алмазы.[\[3\]](#)

Васконселлос. Общая история.

Берредо. Всеобщая история.

Да Кунья де Азеридо Континьо, епископ Фернамбурский. История и торговля с Англией.

НЕМЦЫ.

Фабер (Уликус). Общее описание и путешествия.

Шмидель (Hulderivus). Общее описание и путешествия.

Стадион (Хоанес). Общая история и путешествия.

Никухоф (Йохан). Общее описание и путешествия.

Шнейдер (Йохан Готтлоп). Естественная история. Зоология.

Маркграф (Георг). Саксонец. Естественная и всеобщая история.

Французский.

Лериус (Хоанес). Общее описание и путешествия.

Condamine (Charles Marie de la). Частичное описание и Путешествия.

Фрогер (Ф.) Частичное описание и путешествия.

Голландский.

Баро (Рулекс). Частичное описание и путешествия.

Piso (Guileilmus). Естественная история. Ботаника.

English.

Нож. Общее описание и путешествия.

Линдли (Томас). Частичное описание и путешествия.

"Генеральная история путешествий" содержит несколько интересных сведений, касающихся Бразилии. Для описания животных и растений мы обратились к последнему изданию, опубликованному месье де ла Гарпом. Наше деление Бразилии взято у Пинкертон, и особенно у Мантеле; у настоящие же авторитеты в том, что мы говорим о правительствах, населении, городах и торговле этой страны. *Воспоминания д'Андрадо о бриллиантах Бразилии* были полезны нам по вопросу об алмазных копиях; и мы также консультировались с аббатом Рейналем и Дюмурье.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА КОРОЛЕЙ ПОРТУГАЛИИ,

От Генриха, герцога Бургундского, графа Португалии, до Иоанна IV, герцога Браганса и короля Португалии.

КОРОЛИ И КОРОЛЕВЫ	—Год рождения их				ДЕТЕЙ.	АЛЬЯНСЫ.	ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ.
	рожд ение	брак	коро нат.	смер ть			
Генрих Бургундский,	году	сдела вшег о	в 1112	году Альф онсо 1-м коро лем	Фердинанда Нугесса,	Лузитании, расположен ной между	Генрих был графом кантона графом Португалии.
1060	или	графо м	Тере зой,		португальски м дворянином.	В	1060 году Генрих был графом кантона....До ру и Минхо. Он назначил
Терезу, натурщицу		1095	в		день	Бермонд Паэз, граф	его резиденция в Гимараэсе, на
дочь Альфонсо			его		Уррака.	из Трасмара, прирожден ного	, на берегу реки Авеню. Генрих вступил в
VI, король			брач ной.			сын.	Испании, чтобы помочь Альфонсо IV,
Кастилия.							король Кастилии и Леона против
						мавров, которые вознагради ли его за услуги	

				, выдав ему в	замуж свою родную
				дочь Терезу, вместе с	Альфонсо Энрикесом, 1 112
1185	Генр их умер моло дым	1185	Генри умер молодым		с графством Лузитания.
Генрих впоследствии забрал у со своей матерью			своей матери	Иоанны,	
			Джон,		мавры Визео, Ламего, Брага
Тереза до 1128 год.			Мафальды,		и Коимбра. 1139, битва при Кампо Орике,
Мафальда, или			Уррака.		с тех пор Кабеса де Рейс называется
Матильдой, дочерью					ор (главы короля). Альфонсо, в
имени Амадея, графа				Первой жены Альфонсо	в ознаменован ие победы, одержанной
Морьеном и Савойей.				II, король Арагона.	в тот день более пяти мавритански х
				Вышла замуж сначала за Филиппа,	короля, добавила пять маленьких гербов
			Терезы, впоследствии	графа Фландрског о, и	к его гербу.

титул короля, который его армия получила	названный Матильдой.	вторым после Эда III,	в 1143 или 1147 году, государства собрали
	герцога Бургундии.	в Ламега подтвердил	
			Кампо Оурике и установил
		основные законы, касающиеся	
		Вертолет.)	(См. Вертот.)
			1147 организации (по данным некоторых авторов) двух военных заказов крыла и ООО "Авис"; на последний был не носится как в настоящее время до 1162 года.

						1147 или 1148 год. Захват Лиссабона:
Санчо I.	1154	1185	1211	Альфонсо, король,		Королевская резиденция находилась у
донны Дульсии, дочери			Ла Клед е.	Ферран или Фердинанд,		в тот раз в Коимбре.
о Раймоне Беранже IV, количество ,Барселона и король Арагона.					Джоанна, дочь Балдуин, император Константин ополя.	
			1212	Педро,		
			Фер-			
			рера с.	Тереза Мафальда или Матильда, Санча, настоятельница Лорвама, Бланка, Беренгара.	Аурембиакс , графиня Уржель. Альфонсо IX, короля Леона. Вальдемар, король Дании.	
						1217. Великая победа, одержанная над мавритански ми королями Кордовы и Бадахос.
Альфонсо II,	1185	1207	1211	1223	Санчо,	

прозванный толстый.				король, Альфонсо, король, Фердинанда, Винсента, Леонора.	Вальдемар, принц Дания. Он женился, или, как сейчас говорят, в	1245 году. Король Санчо был, как считалось, отлучен папой римским
Урраки, дочь Альфонсо III, король Кастилии.						ради наложницы донны, королевство. Он умер в 1248 году в Толедо.
и оставил	Санчо II, прозванный Санчо	1208	1223	1248		
Санчо в капюшоне,					Менсии, дочери дона Лопес Диас де Аро, который донна Уррака, естественни ца дочь Альфонсо III, .	
потому что у его матери был						
посвятил его святой						
Августин, и имел						
он получил образование среди обычные каноны.				короля Кастилии.		1267. Король Кастилии отдал от королевства Алгарве до

Альфонсо III.	1210	1238	1248	1279	Денис, король,	из которых, однако, он все еще	Альфонсо, Матильда Даммартин,
Альфонсо, графиня Булонская- . Филипа Хаспела, сына короля Филиппа Августа. Ее звали отрекся в 1254 году. Беатрикс де Гусман, незаконная дочь короля Кастилии.					Альфонсо, Винсент, Бланшироват ь, Констанции, Бланш.		продолжение узуфруктуари я. Винсента,
Денис, по прозвищу <i>the</i> <i>либеральном</i> <i>университете, и</i> <i>отец</i> <i>его стране.</i>	1261	1282	1279	1325	Альфонсо, король, Констанс.	Фердинанд IV, король Кастилия.	1290. Университет, основанный в Лиссабона, который был передан Коимбра в 1308 году. язык претерпел несколько улучшений;
язык претерпел несколько улучшений; дон Педро III, король , была написана					Елизавета, дочь из Арагона.....		о Амадиса де Галла автор: Васко Лобейра. Французы

приписать смерть	Альфонсо IV, прозванный	1291	1309	1325	1357	Альфонсо }	пытались, хотя и тщетно, , одному из своих народов.
храбрый или гордый.	или				Денис Янг		1319 г., учреждение ордена
Беатрикс, дочь	1290 новой истории.				Педро, короля Мария,		Христа. 1340. Знаменитая битва при <i>Тарисе</i>
Санчо IV, короле	из						или <i>Селдона</i> , в котором, согласно
Кастилия.	,Португалия				Леонора.		по мнению испанских историков, более чем
						Альфонсо XI, король	200 000 мавров были убиты.
Педро I, прозванный	1320	1339	1357	1367	Королевой	Кастилии.	В 1355 году король подвергает
суровому или <i>the</i>					Констанция,	Вторая жена Педро IV,	Инес де Кастро предадут суду
суровый.					Умер Льюис Молодые.	король Арагона.	смерть.
Констанция, дочь							1361 года рождения. Дон Педро отдал приказ

о	смерти Иоанна Эммануила,	Фердинанд а, короля	
Кастилии,	тело Инес де Кастро.	и Марии.....	схвачен и увезен со всей
			помпезность, подобающая королевской особе, королевском у
Инес де Кастро,	Автор:		монастырь Алкобаса, который еще предстоит построить
его наложница.	Инес де Кастро,	Фердинанд Арагонский,	погребен под белым мрамором
	Умерла Альфонсо	маркиза Тортоса.	памятник, на котором она изображена
	молодой.		с короной на голове
	Денис.		голова.
	Джон, герцог	Джейн, незаконная дочь	
	Валенсия,	Генрих II, король Кастилии. Мария Теллес, и, во-вторых,	
	Иоанн, внебрачный сын		
		от Терезы де Лоренцо,	дочери Генриха

					кто после этого	, который впоследств ии	II, король Кастилии.....
королем Португалии. Фердинанд.	1340	1372	1367	1383	стал король Португалии. Беатрикс,	дон Хуан I Кастильски й.	1381, англичане под командовани ем
Леоноры Теллез, жены							командовани е графа Кембриджско го,
Л. да Кунья.							брат герцога Ланкастера, пришел на помощь королю.
			Реге нт				1385. Битва при д'Альджубар отте
Иоанн I, прозванный	1357	1387	1383	1433	Эдвард,		против короля Кастилии.
Великий и отец			Коро ль		Педро, герцог		женский монастырь, построенный на поле битвы,
его страна.			1385		Coimbra,		которая впоследстви и стала местом захоронения
Филиппы, дочери					Генриха, герцога		португальски х королей.
герцога Ланкастера.					Визеу,		Фердинанд Нуньо Альварес

					Фердинанд,		Перрейра, коннетабль Португалии, был назначен
					Хуаном,	Филиппом <i>добрым</i> , герцогом	герцога Браганса, в награду за
					Изабеллу,	Бургундию.	за большие заслуги. Впоследствии и его наследница вышла замуж за Альфонсо Португальско го,
					и внебрачный сын.		внебрачный сын Иоанна I, от
						брака с которым произошла семья	
Браганса, ныне правлящая в Португалии.....Эдуар д. Леонора, дочь	1391	1428	1433	1438	Альфонсо, король,		1415, захват Сеуты в Африке.
Фердинанда, короля Арагон и Сицилия.					Фердинанда, герцога Визеу. Филипп умер		1420, открытие и завоевание Мадейра. 1422 год, первая христианская эра в
1422 году, когда христианская эра впервые началась в общем						молодом,	
					Леонора,		

пользовании по
всей Португалии

Кэтрин,

Фредерик
III,
император.

Альфонсо V,
прозванного

1432 1446 1438 1481

Джейн или
Джоанну,

Генриха IV,
короля
Кастилии.

1459.
Альфонсо V
учредил
орден
меченосцев.

Африканский.

1476. В
битве при
Торо
победила
Фердинандо
м, королем
Кастилии,

Изабелла, его
двоюродная
сестра.

у

его звали
Джон
Эммануэль.

звали
Иоанн
Эммануил...
.....

против
Альфонсо,
который
отправляется
во
Францию,
чтобы
потребовать
помощи от
, чтобы
получить
помощь
отЛюдовик
XI, с которым
он
познакомилс
я в Туре.
На
следующий
год он
приступил к
работе в
Houffleur, в
Нормандии,

Дон Жуан, или Иоанн II, прозванного <i>прекрасным</i> .	1455	1481	1495	Альфонсо умер 12 Июля 1491 года.	Португалии, куда он прибыл ноября. 15. 1482, Иоанна II, возведен Форт Сент Джордж на побережье Гвинеи.
Эммануэль, прозванный <i>удачливого</i> .	1469	1495	1521	Изабелла;	1483. Герцог Браганса обезглавил за сговор с королем Кастилия против государства.
Изабелла Арагонская, Стиледе Кастильском, вдова младенческих доном Альфонсо.	1497			Мишель, умерла в в возрасте двух лет лет, Бу Maria;	в 1486 году. Мыс Доброй Надежды, открытый Бартоломью Диузом, который сначала дал ему название <i>Капо Торменто</i> .
Мария Кастильская, Изабеллы.	1500			Иоанн III, король, Людовик, Фердинанда,	1492 год. Открытие королевств Конго и Бенина.
Элеонора Австрии,	1519			Альфонсо, кардинал,	

сестра Карла V, впоследствии замужем Франциска I.	Генри, кардинал , а король, Эдвард, Антония, Мария умерла в своем младенческой , Элизабет.	1493, папа чинит линии демаркации, которая ограничивает навигация двумя коронами Испании и Португалии в новом полушарии. Впоследствии и эта линия была измененной папой Александром VI. 1496. Эммануил изгнал Евреи.
	1497 , Васг ес и Пол Гама	1497 год, Васгес и Пол Гама обогнул мыс Доброй Надежды,
	впер вые обог нули мыс Добр ой Наде жды;	

они
откр
ыли

Эфиопия и в

1498 .
году
приб
ыл в
Каль
кутту
.

1498 год
прибыл в
Калькутту.

1500, Педро
Альварес
Кабрал или
Кабрал,
открывший
Бразилию.

1506,
Франсиско
д"Almyda
образуется
несколько
населенных
пунктов в
королевствах
из *Norsinque*,
Kumo,
Cananor,
и *Кочин*. Его
сын Лоренцо

завладел
островами
Мальдива

и островом
Цейлон.

Альбуркерке.

		В 1510 году вош ел Жак Синь ейра .			В 1510 году вошел Жак Синьейра
				Император Карл V.	остров Суматра. Альбуркерке застал Гоа врасплох.
			Мария Беатрикс.	Карл III, герцог Савойя.	1511, Захват острова Малакка.
			Элеонора;		1517, Фердинанд Перес Одуаде
			Принц и		высадились в Китае и получили разрешение
			принцессы.		построить город Макао.
					1520, Антония Корреа обнаружен Пегу.
Иоанна III. Екатерина Австрия.	1502	1521	1557	Альфонсо, Эммануэльск ая, Филипп,	Современны й автор обращает внимание

				Дениса,	на землетрясен ия, которые произошли при
				Иоанне,	в начале правления Иоанна III,
				Антония,	но мы не знаем, на каком авторитете
				Марии,	он основывает свою информацию.
				Изабелла,	1526, инквизиция возбудила дело
				Беатриче.	в Португалии.
Себастьян, сын	1554	1557	1578	Филипп II, король Испании.	1541. Введение иезуитов. короля, принявшего облик этому приказу и подчиняется настоятель, хотя с разрешения Святого престола он все еще сохранил свою корону.
младенца Иоанна V, сын Иоанна III.					
Генрих I,	1512	1578	1580	См. Историю	

кардинал.

.Испания.

1548.

Апельсиновые
деревья
первые
привез
из Китая,
выращен в
Португалии.

Антониу, великий 1531 1580 1595

приор Крато,
побочный сын

1578 года.
Себастьян
побежден

Людовиком II,
сыном

мавров в
битве при
Алькасере.

Эммануэля.

Подробности
этой
неудачной
экспедиции в
Африку (см.
Vertot.)

Себастьян
был первым
королем

Португалец ,
носивший
титул
величества

, дарованный
ему Филиппом

подаренный
ему
Филиппом

.II, из
Испании.

1580.

Антонио
потерпел
поражение
при
Алькантаре
от испанцев

						. Он улетел
						умер в 1595 году, и, сделав Генрих IV, его наследник, особенно
				защиты.		защита.
Испанские короли.						1581. Генеральные штаты Португалии проходившие в Томаре. Филипп II признал королем, при условии, Португалии , возможно, когда-нибудь рассматриват ься как отдельное и независимое королевство, которого Лиссабон должны быть столица. Так много людей Филипп III и II в
король Испании Филипп II,	1580	1598				
и Филиппа I из Португалии.						
				было сброшено в Тежу, что не захотели есть		Португалию.
1621	1640					рыбу, после чего архиепископ Лиссабон,
Португалия.						

привычными обрядами		Фил иппо в IV и III от	1640		, отпустил грехи и	торжественно и с Португалии
						благословил реку.
Иоанна IV, герцога Браганса,	1604	1640	1656	Альфонсо ви. к.		Vertot начинается его отношении
внука				Педро, король, Мария,		революции в этой эпохе, которой мы
Кэтрин, кто была						впредь до отъезда
дочь младенец				Екатерина,	Карл II, король	из рода Браганса для
Эдуарда, сына					Англии.	Бразилия, или, правильное говорить
о короле Эммануиле.						до битвы при Веймере.
						Титул князя Бразилии был впервые получила на предполагаемого наследника короны во время правления Иоанна IV.

Книги,

Опубликовано Р. ЖЮИНЬЕ по адресу: Маргарет-стрит, 17, Кавендиш-сквер.

И продан господами Б. Дулау и Ко. Сохо-сквер; Лонгман, Херст, Рис и Орм на Патерностер-роу; Бузи, 4, Олд-Брод-стрит; Лоу, 13, Аве-Мария-лейн и другие книготорговцы.

ОБЩАЯ ТАБЛИЦА всех французских глаголов, правильных и неправильных, по которой можно сразу найти их спряжение. Один лист, фолиант, цветной, 3s. 6d.

“Метод, который мистер Жюинье применил к этой Таблице французских глаголов, очень ясен и отчетлив, и мы склонны думать, что он окажет большую услугу ученику, как только он ознакомится с методом обращения к ней”. — Ежемесячное обозрение.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА различных частей речи, адаптированная к французскому языку. Один лист, фолиант, цветной, 4s. 6d.

КРАТКИЙ ТРАКТАТ по ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ; или Краткое изложение общих принципов этого языка, являющееся объяснением Генеалогической таблицы различных частей речи, для использования как в школах, так и в частных семьях. В переплете 2s. 6d.

“Краткость, сопровождаемая ясностью, является сильной рекомендацией для элементарного трактата, и этими качествами, по-видимому, обладает настоящая Грамматика г-на Жюинье. Несомненно, иностранцам очень желательно иметь удобное и адекватное Правило для определения рода таких существительных во французском языке, которые являются средним в английском. Это обещано в Предисловии и, таким образом, выполнено, однако, в интересах тех, кто понимает латынь.... Автор также обещает в своем Предисловии точную генеалогическую таблицу частей речи.... Далее он обещает Правила для четкого различения Несовершенного вида и двух предначертаний, определенного и неопределенного; и поскольку метод Автора в целом ясен, мы не сомневаемся, что он будет признан практически полезным”. — Британский критик.

ОБЩАЯ ТАБЛИЦА всех итальянских глаголов, правильных и неправильных, по которой можно сразу найти их спряжение. Один лист, фолиант, цветной, 3s. 6d.— Эта таблица, составленная Р. Жюинье по тому же плану, что и его Таблица французских глаголов, переработанная г-ном Зотти, была напечатана под именем Зотти.

GERUSALEMME LIBERATA di TORQUATO TASSO, con note, ossia Spiegazioni de’luoghi più oscuri, dilucidazioni Grammaticali ed imitazioni dai Classici Antichi. Il tutto riveduto da Romualdo Zotti, ad uso degli Studiosi della Lingua Italiana. 2 тома. 12мо. досок, 10с.

То же самое, тонкая бумага, 15 листов.

То же самое, сверхтонкая бумага, 8 об. 1л. 1с.

OPERE SCELTE DELL’ABATE METASTASIO, rivedute da L. Nardini, ad uso degli Studiosi della Lingua Italiana, 2da Edizione, riveduta da R. Zotti. 2 т. 12 м. досок, 10 с.

То же самое, тонкая бумага, 15 листов.

HISTOIRE DES REVOLUTIONS DE PORTUGAL, par l'Abbé de Vertot, continuée jusqu'au *temps présent*, enrichie de Notes Historiques et Critiques, d'une Table Chronologique des Rois de Portugal et d'une Description du Brésil, par Louis de Boisgelin, Chevalier de Malthe. 12mo. bound, 5s. 6d.

ИНДИЙСКАЯ ШОМБЕР (пар Бернарден де Сен-Пьер), 18 м. шитье, 2 с.

LA DUCHESSE DE LA VALLIERE, par Madame de Genlis, 2 vol. 12mo. сшито, 8с.

ABRÉGÉ DE L'HISTOIRE DE FRANCE faisant partie du Cours d'études, imprimé par Ordre du Roi, à l'Usage de L'Ecole Royale Militaire, NOUVELLE EDITION contenant l'*Histoire de la Révolution* jusqu'à la Mort de Louis XVI, avec un Abrégé, en vers, des Epoques les plus intéressantes de l'Histoire de France, 12mo. bound, 5s.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИЙ ПОРТУГАЛИИ

Королевство Португалия является частью обширной территории под названием Испания;^[4] большинство его провинций носят названия различных королевств, на которые оно разделено: Португалия расположена к западу от Кастилии и на самом западном побережье Европы; ее длина составляет всего сто десять лиг, а наибольшая ширина не превышает пятидесяти. Почва плодородна, воздух целебен, а жаркость климата смягчается освежающими бризами и плодотворными ливнями. Корона передается по наследству, а монарх абсолютен. Грозный трибунал инквизиции рассматривается этим принцем как самое безопасное и полезное средство изложения своих политических взглядов, и как таковое он использует с наибольшим успехом. Португальцы от природы вспыльчивы, горды и заносчивы, сильно привязаны к своей религии, хотя скорее суеверны, чем по-настоящему набожны; они рассматривают почти каждое событие как чудо и не только убеждают себя, но и пытаются убедить других, что они особые любимцы Провидения, которое никогда не перестает защищать их самым необычным образом.

Происхождение жителей этой страны так и не было достоверно установлено. Некоторые историки считают их потомками *Тубала*, и вряд ли было бы возможно по самым баснословным рассказам проследить их происхождение дальше; действительно, у каждого народа есть какие-то химерические представления на этот счет; однако нет ни малейшего сомнения в том, что эти провинции принадлежали последовательно карфагенянам и римлянам; но к началу пятого века вся Испания стала добычей аланов, свевов, вандалов и остальных варварских народов, обычно называемых готами, в то время как Португалией иногда управляли ее собственные правители. соответствующие короли, а иногда и подвластные кастильским монархам.

Во время правления Родерика, последнего короля готов, в начале VIII века мавры, или, точнее говоря, арабы, подданные калиф-Валид-Альманзара, переправились из Африки в Испанию и завоевали значительную часть этой страны, куда они были приглашены графом Жюльеном, испанским дворянином, чья неприязнь к Родерику за надругательство над его дочерью побудила его всеми возможными средствами претворять в жизнь замыслы врага, распространившего свои владения от Гибралтарского пролива до Пиренеев; они однако они не

смогли проникнуть в Астурийские горы, куда христиане бежали в поисках убежища, и ими правил принц Пеладжио, который основал в том месте королевство Леон, или Овьедо.

Португалия разделила судьбу других испанских провинций и стала подвластной маврам, которые установили множество различных правительств, которые после смерти Великого Альманзара обрели независимость и были преобразованы в небольшие княжества; они, однако, просуществовали недолго, они были разобщены соперничеством и столкновением интересов, в то время как роскошь и праздность довели их до разорения.

Генрих, граф Бургундии[5], потомок Роберта, короля Франции, преуспел в изгнании мавров из Португалии в начале двенадцатого века. Этот принц, движимый тем же ревностным религиозным духом, который был причиной крестовых походов тех времен, вступил в Испанию, решил прославиться в борьбе с неверными и начал свою военную карьеру под командованием Родерика де Бивара, знаменитого генерала, вошедшего в историю под именем *Сиды*. Он проявил такую необычайную доблесть в этих религиозных войнах, что Альфонсо VI, король Кастилии и Леона, поручил ему командование своей армией. Говорят, что этот французский принц победил мавров в семнадцати ожесточенных битвах и изгнал их из северной части Португалии. Король Кастилии, желая привлечь к себе на службу столь великого полководца, соединил его со своей дочерью принцессой Терезой и в то же время подарил ему все завоеванные им провинции в качестве брачного удела. Их граф значительно пополнил новыми победами: он осадил и взял города Лиссабон, Визеу и Коимбру; он преуспел в равной степени в трех провинциях, расположенных между Дору и Минью, которые Генрих превратил в значительную державу, и хотя он никогда не принимал титул короля, он был первоначальным основателем королевства Португалия.

Его сын, принц Альфонсо, унаследовал доблесть своего отца и унаследовал его владения, которые он даже пополнил новыми завоеваниями. Таким образом, герои закладывают фундамент империй, в то время как слабые и трусливые позорно теряют их. Солдаты графа Альфонсо провозгласили его королем после великой победы над маврами, и генеральные штаты, собравшиеся в Ламега, подтвердили этот августейший титул, который по праву перешел к его преемникам.

Именно в этом собрании, состоящем из главных лиц нации, были приняты основные законы, касающиеся наследования короны. Первая статья начинается следующим образом:—*Пусть король Альфонсо живет среди нас и правит нами!* Если у него будет потомство мужского пола, они будут нашими королями; сын унаследует своего отца, которому, в свою очередь, наследовал его сын, затем его внук; и так до окончания времен.

СТАТЬЯ II.

Если старший сын короля умирает раньше своего отца, корону наследует второй сын; в случае его смерти его место занимает третий, которому наследовал четвертый, и, таким же образом, все остальные сыновья короля.

СТАТЬЯ III.

Если король умрет, не оставив потомства мужского пола, и у него будет брат, он будет нашим королем; но ему не должен наследовать его сын, если только указанный сын не будет избран

епископами и штатами, в этом случае, но ни в каком другом, мы признаем его нашим сувереном.

СТАТЬИ IV И V.

Если король Португалии не оставит потомства мужского пола, его дочь станет нашей королевой при условии, что она выйдет замуж за португальского дворянина; который, однако, не будет носить титул короля до рождения ребенка мужского пола. В присутствии королевы он всегда должен располагаться по левую руку от нее, и ему не разрешается носить королевскую корону.

СТАТЬЯ VI.

Этот последний закон всегда должен строго соблюдаться, и старшая дочь короля никогда не должна выходить замуж ни за кого, кроме португальского дворянина, чтобы королевство не стало подвластным иностранному принцу. Если дочь короля нарушит эту статью и станет женой принца или дворянина другой страны, она не будет признана королевой; и это потому, что мы не допустим, чтобы нашим народом правил король, который не был рожден португальцем, поскольку только наши подданные и соотечественники, без какой-либо иностранной помощи, проливали свою кровь на нашей службе и своей доблестью возвысили нашу страну до королевского достоинства.

Благодаря строгому соблюдению вышеуказанных мудрых законов корона Португалии в течение нескольких столетий оставалась во владении королевской семьи Альфонсо. С тех пор его преемники значительно увеличили величие и могущество королевства, совершив важные завоевания в Африке, Индии, а затем и в Америке. Португальцы проявили определенную степень мужества и мастерства в проведении этих далеких и замечательных мероприятий, что по праву дает им право на самые теплые похвалы. Они также прославились тем, что внедрили христианскую религию в эти завоеванные страны, где португальские миссионеры значительно преуспели в распространении поклонения истинному Богу среди самых идолопоклоннических и варварских народов. Таково было положение Португалии примерно в 1557 году, когда на трон взошел король дон Себастьян. Он был посмертным сыном дона Джона, который умер раньше своего отца, короля Иоанна III, наследовавшего своему отцу великому королю Эммануилу.

Дону Себастьяну едва исполнилось три года, когда он стал королем. Его бабушка, Екатерина Австрийская, была назначена регентом во время его несовершеннолетия. Эта принцесса была дочерью Филиппа Первого, короля Кастилии, и сестрой императора Карла Пятого. Дон Алексис де Менезес, дворянин, исповедовавший строжайшее благочестие, был назначен губернатором юного принца; а литературная часть его образования была поручена попечению отца дона Луиса де Камары, члена общества иезуитов. Со стороны этих мудрых и образованных наставников не было упущено ничего, что могло бы способствовать обучению юного принца; его ум был рано сформирован к благочестию, и в то же время он был проникнут всеми возвышенными чувствами, достойными королевской власти. Но эти благородные и христианские принципы зашли слишком далеко. Менезес постоянно рассуждал о завоеваниях, достигнутых его предшественниками в Индии и на берегах Африки, в то время как иезуит не переставал объяснять своему ученику, что, поскольку короли носят свои короны только от Бога, их единственной целью в управлении государством должно быть не только добиться того, чтобы ему поклонялись у себя дома, но и в самых отдаленных странах, где даже его имя до сих пор

было неизвестно. Такая смесь благочестивых и воинственных идей произвела слишком сильное впечатление на молодого принца, от природы живого и порывистого. Все его мысли были обращены к завоеваниям: он не говорил ни о каких других предметах; и как только он взял бразды правления в свои руки, то задумался о личном нападении на Африку. Соответственно, он постоянно проводил совещания как с офицерами, так и с миссионерами и, казалось, решил добавить титул апостола к славному титулу завоевателя.

Гражданская война, недавно вспыхнувшая в королевстве Марокко, казалась благоприятной возможностью продемонстрировать его рвение и мужество. Мулей Махамет наследовал своему отцу Абдале, последнему королю Марокко, но его дядя по отцовской линии, Мулей Молук, сделал вид, что узурпировал корону, которая, согласно закону *шерифов*, последовательно переходила к братьям короля, а не к его собственным детям. Этот спор привел к кровопролитной войне между дядей и племянником. Первый, доблестный принц, глубокий политик и великий полководец, создав могущественную партию в королевстве, победил Махамета в трех различных битвах и закончил тем, что изгнал его не только из своих владений, но даже из Африки.

Побежденный принц попросил убежища при дворе Португалии и сообщил Себастьяну, что, хотя он был изгнан из Марокко, у него все еще было много тайных друзей в этой стране, которые ждали только его возвращения, чтобы заявить о себе в его пользу; что он также узнал, что Молук страдает затяжной болезнью, которая в конце концов должна оказаться смертельной; и что его брат Хамет слишком мало уважаем нацией, чтобы надеяться стать его преемником. Поэтому, если бы в столь критический момент ему удалось появиться во главе небольшого отряда войск на границах, он не сомневался, что его бывшие подданные заменили бы его на троне; который, если бы он вернул себе благодаря решению Португалии, он в будущем признал бы себя вассалом этой державы, во владение которой он скорее уступил бы свою корону, чем позволил бы ей оставаться на голове узурпатора.

Дон Себастьян, всегда живший впечатлениями о славе и все мысли которого были направлены на важные завоевания, взялся за это дело скорее с рвением, чем из благоразумия, и немедленно решил лично отправиться в Марокко. Он обошелся с мавританским королем самым изысканным образом и пообещал восстановить его в своих владениях во главе всей армии Португалии. Он действительно льстил себя надеждой вскоре водрузить знамя с крестом на всех мечетях Марокко; и напрасно самые благоразумные члены его совета использовали все убедительные доводы, чтобы отговорить его от столь поспешной меры. Его мужество, его христианское рвение, самонадеянность, естественная для молодежи и часто сопутствующая королевской особе, в сочетании с голосом лести, столь постоянно раздававшимся при дворе, заставили его считать эту победу столь же легкой, сколь и славной. Столь упрямый в своих взглядах и убежденный в своих превосходящих способностях, как будто верховное знание обязательно должно сопровождать верховную власть, он отказался прислушаться к голосу своих министров и совета, пересек море и выступил с армией, насчитывающей едва ли тринадцать тысяч человек, чтобы свергнуть могущественного монарха, почитаемого величайшим полководцем Африки.

Молук, узнав о планах и высадке короля Португалии, ожидал его прибытия во главе всей своей армии. Его кавалерия состояла из сорока тысяч человек, большинство из которых были старыми и опытными солдатами, еще более грозными из-за поведения и способностей их

предводителя, чем из-за их личной доблести. Что касается пехоты, то она состояла всего из десяти тысяч регулярных войск; и он очень мало полагался на толпы арабов и ополченцев, которые поспешили ему на помощь. Они, действительно, были гораздо более склонны к грабежу, чем к завоеванию, и всегда были готовы бежать или заявить о себе в пользу победившей стороны. Молук, однако, использовал эти войска для устрашения христианской армии, и, будучи разбросанными по всей стране, они постоянно вступали в стычки в виду лагеря. У них был секретный приказ бежать от португальцев, чтобы отвлечь их от укреплений на морском берегу и в то же время поддержать слепое доверие дон Себастьяна притворными знаками страха. Этот принц, скорее храбрый, чем благоразумный, ежедневно видя, что мавры не в состоянии устоять перед его войсками, приказал им оставить свои укрепления и двинулся на Молук с уверенностью в успехе. Варварский монарх, казалось, сначала отступил, желая избежать решающего сражения; в поле зрения появилось лишь несколько его войск, и он даже делал различные предложения дону Себастьяну, как будто не доверял своим силам и опасался за исход войны. Король Португалии, полагая, что трудность состоит не в победе, а в том, чтобы подойти к врагу, продолжал преследование. Но как только Молук заметил португальцев на достаточном расстоянии от берега и, следовательно, от их флота, он собрал свою армию на равнине и сформировал свою кавалерию в форме полумесяца, чтобы окружить все христианские силы. Его брат Хамет командовал этим корпусом; но, не имея большого представления о его храбрости, он позаботился сообщить ему, что этим отличием он обязан исключительно своему званию, заверив его в то же время, что если он окажется достаточно трусливым, чтобы бежать, он задушит его собственными руками, и что у него не осталось выбора, кроме победы или смерти. Состояние его собственного здоровья было таково, а слабость, вызванная продолжительной изнуряющей болезнью, была так велика, что он ожидал, что каждое мгновение будет для него последним; поэтому он решил, что день его смерти должен стать самым славным в его жизни. Он сам выстроил боевой порядок и отдавал свои команды с такой ясностью и присутствием духа, как будто находился в полном здравии. Он даже с нетерпением ожидал событий, которые, вероятно, произойдут после его смерти, и отдал особые приказы окружающим его офицерам, чтобы, если это произойдет в разгар боя, новость не стала достоянием гласности; чтобы поддержать доверие своих солдат, его адъютант должен подходить к своим носилкам как обычно и делать вид, что выполняет приказы, как будто он все еще существует. Таким мужеством и великодушием никогда нельзя в достаточной степени восхищаться. Похоже, действительно, что этот варварский принц так продумал свои планы и отдал приказы в свои последние минуты, что даже сама смерть не смогла отнять у него победу. После принятия этих мер его провели по рядам, где его присутствие, жесты и речи были направлены на то, чтобы призвать мавров сражаться за защиту своей религии и страны.

Сражение началось с каждой стороны выстрелом из пушек, когда две армии двинулись вперед и яростно атаковали. Вскоре сражение приобрело всеобщий характер, и мавританская пехота, состоявшая в основном, как уже упоминалось, из аларбов и других бродяг, легко уступила португальцам, чье мужество воодушевлялось присутствием их короля. Герцогу д'Авейру даже удалось оттеснить кавалерийский корпус к резиденции короля Марокко; который, увидев, что его солдаты в замешательстве и позорно бегут, прыгнул с носилок и, пылая яростью и негодованием, решил, хотя и почти в предсмертных муках, загнать их обратно в атаку; его офицеры тщетно противодействовали его замыслу, и он прорвался сквозь ряды своим мечом; но это усилие полностью истощило его немногочисленные оставшиеся силы, и он потерял сознание на руках своих конюших, которые несли его обратно к носилкам; когда же он был убит,

то был ранен в голову. Приложив палец к губам, чтобы сохранить тайну, он немедленно скончался; но хотя его смерть была настолько внезапной, что не было времени отнести его в его палатку, обе армии остались в неведении о его судьбе.

До сих пор успех, по-видимому, сопутствовал христианам; но мавританская кавалерия, образовав большой круг, мало-помалу сблизилась и, сомкнув свои ряды, полностью окружила маленькую армию дона Себастьяна. Мавританская кавалерия затем атаковала португальскую кавалерию со всех сторон, в то время как последняя, подавленная численностью, отступила к пехоте и, упав среди них, повергла всех в замешательство и смятение. Неверные немедленно воспользовались открытым и беспорядочным состоянием батальонов и, ворвавшись в них со своими саблями, легко одержали полную победу над войсками, уже более чем наполовину подавленными изумлением и ужасом. Поле битвы тогда превратилось в арену резни; со всех сторон не было ничего, кроме резни; несчастные на коленях умоляли о пощаде, в то время как другие искали спасения в бегстве, но они были так окружены, что спастись было невозможно, и смерть подстерегала их со всех сторон. Опрометчивый Себастьян пал жертвой своей неосторожности; но то ли из-за незнания своего ранга он был убит во время общего бегства, то ли он искал смерти скорее, чем пережить многочисленных знатных людей, убитых маврами, которых он сам привел к истреблению, так и не было установлено. Мулей Махамат, автор "Войны", пытался спастись бегством, но утонул, переходя реку Муказен. Так погибли в один роковой день три великих князя. Их смерти действительно были разными: Молук погиб от болезни, Махамет от воды, а Себастьян от судьбы оружия[6].

Себастьяну наследовал на троне Португалии его двоюродный дед кардинал дон Генри, брат его деда Иоанна III и сын короля Эммануила. Но этот принц был священником, имел слабое здоровье и был старше шестидесяти семи лет, и все, кто имел какие-либо претензии на корону, рассматривали его просто как защитника своих прав, поэтому каждый человек старался расположить его в свою пользу.

Кандидатов на этот раз было множество, и большая часть из них были потомками, хотя и в разной степени, короля Эммануила, Филиппа II, короля Испании, Екатерины Португальской, жены дона Жака, герцога Браганса, герцога Савойского, герцога Пармского, и Антония, рыцаря Мальты и великого приора Крато, которые в равной степени стремились выдвинуть и утвердить свои притязания. От имени этих князей появлялись различные публикации, и гражданские лица, задействованные в этом деле, пытались регулировать порядок наследования в пользу своих соответствующих клиентов.

Филипп II был сыном инфанты Изабеллы, старшей дочери Эммануила. Герцогиня Браганса происходила от дона Эдуарда, сына того же Эммануэля. Герцог Савойский был сыном принцессы Беатрикс, сестры императрицы. Матерью герцога Пармского была Мария Португальская, дочь принца Эдуарда и старшая сестра герцогини Брагансской. Великий приор был внебрачным сыном дона Луиса де Бежа (второго сына Эммануэля) и Виоланты де Гомес, по прозвищу *Пеликан*, одной из самых красивых женщин того времени, в котором она жила, и на которой, по утверждению Энтони, его отец был тайно женат. Екатерина Медичи также попала в списки и обосновала свои притязания на корону тем, что происходила от Альфонсо III, короля Португалии, и Матильды, графини Булонской.

Даже сам папа пытался извлечь какую-то выгоду из того, что король был кардиналом, как будто корона в этом случае обязательно должна охраняться как благо, переходящее к римскому двору.

Эти иностранные претенденты были не очень внушительными, поскольку большая часть из них была не в том положении, чтобы поддержать свои претензии. Таким образом, вопрос о престолонаследии лежал главным образом между королем Испании и герцогиней Брагансской. Последняя пользовалась большой любовью, а ее муж, хотя и не по прямой линии, происходил от королей Португалии. Она, однако, претендовала на корону лично, будучи уроженкой Португалии, а все иностранные принцы, как упоминалось в начале этой работы, были лишены королевского сана в соответствии с основными законами нации. Филипп согласился с этим принципом, поскольку он исключал герцогов Савойского и Пармского; но он никогда не согласился бы с тем, чтобы король Испании считался иностранцем в Португалии, тем более что это маленькое королевство не раз подчинялось королям Кастилии. У каждой партии были отдельные сторонники. Короля-кардинала осаждали постоянными просьбами; но он не мог отважиться принять решение в деле такой важности; ему также не доставляло особого удовольствия вечно слышать о своем преемнике. Он желал жить долго и царствовать спокойно: поэтому он передал обсуждение претензий кандидатов хунте, которая должна была решить вопрос о престолонаследии только после его кончины.

Смерть этого принца, который пользовался королевским достоинством всего семнадцать месяцев, вовлекла страну в споры и неразбериху. Друзья различных претендентов горячо выступали в их пользу; даже самые равнодушные были обеспокоены решением хунты, назначенной его покойным величеством в его последней воле и завещании. Тем временем Филипп II, прекрасно понимая, что мнения гражданских лиц не могут повлиять на решение столь важных вопросов, послал в Португалию мощную армию: ею командовал знаменитый герцог Альба, который вскоре решил дело в пользу своего господина.

В истории не упоминается, чтобы герцог Браганса брался за оружие, чтобы поддержать свои притязания на корону. Только великий приор использовал все возможные средства, чтобы противостоять кастильцам; народ провозгласил его королем и принял титул, как если бы он был пожалован ему генеральными штатами нации. Его друзья собрали в его защиту военную силу, но герцог Альба вскоре разбил ее вдребезги: действительно, превосходящее мастерство испанского генерала преодолело все препятствия; и португальцы, разобщенные между собой, без командующих ими генералов, лишены регулярных войск и не имея ничего, что поддерживало бы их мужество, кроме их естественной враждебности к кастильцам, терпели поражения во многих различных случаях. Большая часть городов и поселков заключила сепаратные договоры из страха быть отданными на разграбление. Филипп был признан законным сувереном и вступил во владение королевством как внучатый племянник и наследник покойного короля; он, однако, рассматривал право завоевания как свой самый надежный титул, и как он, так и его преемники регулировали свое поведение по одному и тому же принципу, поскольку Филипп III и Филипп IV, его сын и внук, всегда относились к португальцам гораздо больше как к покоренному народу, чем как к естественным подданным. Это королевство, таким образом, стало, как и прежде, простой провинцией Испании, и при этом португальцы никогда не были в состоянии даже попытаться освободиться от кастильского ига. Вельможи нации никогда не осмеливались появляться в великолепии, подобающем достоинству их происхождения, чтобы не возбудить подозрений в сердце испанских министров, поскольку в ту

эпоху богатство, происхождение или выдающиеся заслуги, несомненно, влекли за собой недоверие и преследования их обладателей. Можно сказать, что знать была заперта в своих загородных домах, в то время как народ был угнетен налогами.

Граф-герцог д'Оливарес, премьер-министр Филиппа IV, короля Испании, придерживался мнения, что вновь завоеванные страны никогда не могут быть полностью покорены: он очень хорошо понимал, что, несмотря на все его усилия, старая и естественная антипатия между нациями такова, что испанское владычество всегда должно быть ненавистно португальцам, которые никогда не могли без негодования смотреть на важные посты и правительства, занимаемые либо иностранцами, либо людьми, вышедшими из низов, единственное достоинство которых состояло в полном подчинении и преданности двору. Поэтому граф-герцог думал, что он не может более эффективно обеспечить власть своего государя, чем воспрепятствовав дворянству принимать какое-либо участие в государственных делах и настолько полностью обнищав народ, что у него не хватило бы ни смелости, ни власти предпринять какие-либо шаги для изменения ситуации: он также позаботился о том, чтобы использовать всю молодую часть нации и, более того, всех других, способных носить оружие, на иностранной службе, и это из политических соображений устранения недовольных и беспокойных настроений, чтобы у них не возникло соблазна нарушить спокойствие правительства.

Этот план, если бы ему в определенной степени следовали, вероятно, увенчался бы успехом, но состояние дел при испанском дворе и суровый и негибкий нрав премьер-министра, завели дело слишком далеко, и он произвел противоположный эффект. Они больше не поддерживали никаких отношений с португальцами и даже не снисходили до использования обычных предлогов для вымогательства денег у народа, но принуждали к уплате скорее контрибуций от побежденного врага, чем налогов, законно взимаемых с верных подданных. Поэтому португальцы, которым больше нечего было терять и которые не видели никаких надежд ни положить конец, ни смягчить свое положение без смены правительства, начали размышлять о средствах освобождения от владычества, которое всегда казалось несправедливым, а теперь стало тираническим и невыносимым.

Маргарита Савойская, герцогиня Мантуанская, была в то время правительницей Португалии, но, хотя и носила титул вице-королевы, ее власть была очень ограниченной; и государственные тайны, обладавшие фактически почти неограниченными полномочиями, были доверены Мишелю де Васконселлосу, португальцу, который, хотя и был государственным секретарем вице-королевы, на самом деле был абсолютным и независимым министром. Этот человек получал инструкции непосредственно от графа-герцога, чьим креатуром он был и для которого он стал не только приятным, но и необходимым, умело добывая частые и значительные денежные поступления из Португалии; и духом интриги, который облегчал исполнение его самых тайных намерений, он также сеял раздоры среди знати, которые искусно разжигал, делая вид, что оказывает особые знаки расположения одной стороне, которой такие отличия были еще более приятны из-за негодования и ревности, которые это вызывало у другой. Такие разногласия среди первых семей страны, были рассчитаны на обеспечение безопасности и спокойствия министра, у которого были веские основания полагать, что, пока главы этих семей были заняты планированием планов личной мести, у них никогда не возникнет соблазна предпринять что-либо враждебное правительству. Один герцог Браганса во всей Португалии находился в ситуации, способной вызвать у испанцев малейшее беспокойство. Этот принц был

кроткого и дружелюбного нрава, но скорее склонен к лени; его понимание было скорее твердым, чем живым; в бизнесе он постоянно обращал внимание на главное и вскоре познакомился со всем, что, по его мнению, стоило труда приобрести, хотя в целом он был врагом практического применения. Его отец, дон Теодориус, напротив, был порывист и вспыльчив и не упускал из виду никаких средств, чтобы передать своему сыну свою естественную антипатию к испанцам, которых он всегда считал узурпаторами короны, которая по праву принадлежала ему самому; поэтому он старался внушить молодому принцу не только достаточное честолюбие, чтобы пожелать обладать этой короной, но и дух и отвагу для осуществления столь великого и опасного предприятия. Дон Джон, действительно, перенял все чувства своего отца, но, смягченный природной мягкостью и умеренностью своего характера, он, несомненно, ненавидел испанцев, хотя и не настолько, чтобы заставить его приложить какие-либо большие усилия для наказания их несправедливости. Он не был лишен честолюбия и всегда лелеял надежды когда-нибудь занять трон своих предков; однако он ждал этого события гораздо терпеливее, чем его отец, и, хотя решил не упускать из виду столь важную цель, был осторожен с тем, чтобы не рисковать потерей самого восхитительного существования и обладания огромными богатствами ради неопределенной перспективы короны. Такое поведение, хотя и сильно отличалось от взглядов дона Теодориуса, было самым благоразумным; ибо, если бы он следовал планам своего отца, его замыслы, несомненно, были бы расстроены. Граф-герцог наблюдал за ним так пристально, что, если бы его бездеятельность и любовь к удовольствиям были всего лишь маской, скрывающей более глубокие взгляды, он вскоре был бы обнаружен, а его состояние разорено навсегда; ибо никогда нельзя было предположить, что испанский двор позволил бы столь могущественному врагу спокойно оставаться в лоне его страны.

Самый утонченный политик не смог бы поступить более осмотрительно по отношению к испанцам, чем дон Джон; и это просто потому, что он следовал своим собственным наклонностям. Он был, действительно, совершенно убежден, что, хотя его происхождение, богатство и притязания на корону не могли быть справедливо вменены ему в вину как преступления, они были бы расценены как таковые политическими судьями, в глазах которых самый могущественный всегда должен быть самым преступным. Поэтому он решил избрать линию поведения, которая должна была отвести всякое подозрение от испанцев: к счастью, этот план был не только самым благоразумным, но и наиболее приятным для его чувств; это побудило его избегать участия в общественных делах и полностью посвятить себя удовольствиям. Вилла Викоца, обычная резиденция герцогов Браганса, стала местом всех общественных развлечений; часы проходили в играх и пиршествах, а общество состояло из людей, вкус которых побуждал их наслаждаться деревенскими удовольствиями, в то время как они распространяли веселье и счастье на всех окружающих. Таким образом, природа и удача сговорились благосклонно относиться к дону Иоанну; первая наделила его качествами, соответствующими духу времени, в то время как вторая позволила ему использовать эти качества с наибольшей выгодой; хотя они и не были достаточно блестящими, чтобы напугать испанцев мыслью о том, что однажды он попытается взойти на трон, они были достаточно прочными, чтобы заставить португальцев надеяться на мягкое, мудрое и справедливое правительство, если их самих побудят выступить в его пользу.

Несмотря на всю осмотрительность его поведения, впоследствии произошло событие, которое вызвало у премьер-министра некоторые подозрения в его адрес, хотя дон Джон не принимал ни малейшего участия в этом деле. Народ Эворы, доведенный до отчаяния новыми налогами,

взялся за оружие, и в припадке мятежного гнева некоторые из самых яростных выступали с речами против тирании испанцев и публично высказывали пожелания в пользу дома Браганса. Тогда-то и осознали, но слишком поздно, насколько сильно Филипп II пострадал. допустили ошибку, позволив столь богатой и могущественной семье остаться в недавно завоеванной стране, над которой их право на царствование было слишком явно доказано. При таких обстоятельствах испанский совет принял решение об удалении герцога Браганса из королевства; соответственно, ему было предложено правительство Миланцев, от которого он отказался, сославшись на то, что ни его здоровье, ни знакомство с итальянскими делами не позволят ему принять столь важное и трудное назначение. Министр, по-видимому, согласился с этими причинами, в то время как он пытался найти другой способ привлечь его к посещению суда. Запланированное путешествие короля к границам Арагона, чтобы наказать мятежных каталонцев, было благовидным предлогом для его вступления в партию; поэтому он искренне призывал его присоединиться к кастильским войскам во главе знати его страны в экспедиции, которая должна закончиться славно и которой король командовал лично. Премьер-министр, стремясь ослабить власть португальской знати, уже опубликовал эдикт Филиппа IV, повелевающий всем идадьго немедленно отправляться в армию, поднятую против каталонцев, под страхом потери своих феодальных владений, зависящих от короны; поэтому он надеялся, что герцог Браганса, как наследственный констебль Португалии, не сможет отказаться от участия в походе по этому случаю. Герцог, однако, не доверяя никаким предложениям со стороны двора и видя насквозь искусственность его действий, умолял министра убедить короля принять его оправдания из-за огромных расходов, которые должен понести человек его достоинства, и которые, как он заявил, он совершенно не в состоянии оплатить.

Такие неоднократные отказы начали беспокоить министра; он действительно был прекрасно знаком с мягким и миролюбивым нравом герцога, но все же не мог не опасаться, что после того, как его притязания на трон были насильно поддержаны, искушение царствовать могло в конце концов взять верх над естественной ленью его характера.

Обеспечение безопасности герцога было целью столь важной для короля, его повелителя, что он был полон решимости использовать все возможные средства для осуществления своего замысла; но так велика была привязанность португальца к семейству Браганса, что нельзя было прибегать к открытому насилию; поэтому он стремился соблазнить его самыми лстивыми ласками и выманить из его убежища заверениями в самой искренней дружбе и знаками безграничного доверия.

Поскольку между Францией и Испанией разразилась война и несколько французских судов появились у берегов Португалии, министр считал это благоприятной возможностью для осуществления своего плана. Будучи генералом, необходимым для командования португальскими войсками, отправленными для предотвращения высадки французов на побережье, Оливарес возложил это назначение на герцога Браганса, наделив его всеми полномочиями укреплять города, увеличивать или выводить гарнизоны, распоряжаться судами во всех различных портах и, короче говоря, действовать так, как будто все королевство Португалия подчинялось только его власти. Тем временем он отправил секретный приказ дону Лопесу Озорио, командовавшему испанским флотом, зайти в тот же порт, что и дон Джон, под предлогом плохой погоды; и, убедив последнего согласиться на прием на борту, снять якорь и немедленно отплыть в Испанию. Удача, однако, не улыбнулась министру, ибо испанский адмирал, застигнутый жестокой бурей, которая уничтожила часть его судов, а остальные

рассеяла, не смог приблизиться к берегам Португалии. Эти различные разочарования, однако, не обескуражили графа-герцога, который приписал провал своего плана только случайности, поскольку, если бы дон Лопес однажды вошел в порт, дон Джон неизбежно был бы схвачен. Хитрому министру вскоре представился другой план, который написал принцу в самых нежных и конфиденциальных выражениях: он даже, казалось, рассматривал его как коадьютора в министерстве и управлении государством; выражая сожаление по поводу несчастья, постигшего испанский флот в момент, когда враг был особенно грозен, и добавляя, что побережье Португалии осталось без охраны, король пожелал, чтобы он лично посетил те места и порты по всему королевству, которые, вероятно, могли подвергнуться оскорблению со стороны французов; одновременно отправив ему заказ на сорок тысяч человек. дукатов, с целью, в случае необходимости, набора дополнительных войск и покрытия расходов на его путешествие. Тем временем министр не пренебрег указаниями губернаторов различных цитаделей, большинство из которых были испанцами, обеспечить, по возможности, личность герцога и немедленно отправить его в Испанию.

Такие знаки доверия и такие преувеличенные изъявления уважения слишком мало соответствовали характеру министра и его обычному поведению, чтобы герцог Браганса поверил в их искренность; поэтому этот принц не поверил его намерениям и ухитрился заманить его в ту самую ловушку, которая была расставлена для него самого. Он написал графу-герцогу, что с величайшим удовольствием и благодарностью принимает назначение генералом, что он льстит себе надеждой, что его поведение оправдает выбор его величества и докажет, что он достоин столь почетного знака отличия. Теперь, однако, он начал тешить себя надеждами на возможность вернуть трон своих предков; соответственно, он воспользовался своим положением, чтобы предоставить места и работу тем из своих друзей, которые могли бы впоследствии быть полезны его делу, и распорядился деньгами, полученными из Испании, для привлечения новых партизан и закрепления их в своих интересах. Он также позаботился о том, чтобы его сопровождала такая многочисленная свита при посещении различных мест и фортов, что у его врагов не осталось ни малейшей тени надежды когда-либо добиться успеха в овладении его персоной.

Верховная власть, которой он был облечен, не преминула возбудить зависть всего испанского двора; каждый выражал свое неодобрение в самых высоких выражениях, и только король, будучи посвящен в тайну премьер-министра, предпринимал попытки повредить ему во мнении этого принца, которому он был представлен как покровитель и союзник дома Браганса. Его враги горячо обвиняли его в неблагоразумии, когда он передал командование португальскими войсками человеку, чьи притязания на португальский трон носили очень серьезный характер, и который, будучи таким образом вооружен властью для отстаивания своих прав, мог, вероятно, поддасться искушению обратить это самое оружие против своего государя. Король, однако, еще больше утвердился в своей решимости придерживаться плана премьер-министра, увидев, что ни у кого нет ни малейшего подозрения о мотивах его поведения.

Все эти обстоятельства были очень благоприятны для замыслов герцога Браганса, чья высокая должность позволила ему путешествовать по всей Португалии, и именно в этом путешествии он заложил фундамент своего будущего величия. Великолепие его экипировки и слуг ослепляло глаза всех присутствующих, и он слушал с самым услужливым вниманием и приветливостью каждого, кто обращался к нему. Он обуздывал наглость солдат, в то же время расточая самые лестные похвалы офицерам, которых он привлекал в своих интересах, вознаграждая их по мере

своих сил. Такая обходительность очаровала дворянство, которых он принимал с отличием, подобающим их разным степеням звания и заслуг; короче говоря, он делал так много добра, где бы ни проходил, и действовал с такой добротой и великодушием, что приобрел еще больше друзей благодаря надеждам, которые они питали к его будущим милостям, чем от тех, кого он действительно одаривал: таким образом, каждый, кто видел его, думал обеспечить свое собственное счастье, принося Небесам обеты за его восстановление на троне его предков. Друзья и последователи этого принца в равной степени стремились поддержать его репутацию и не пренебрегали ничем, что могло бы укрепить ее на самом прочном фундаменте. В этом случае никто не проявил большей активности, чем Пинто Рибейро, управляющий его домом; он действительно предпринял самые эффективные шаги к тому, чтобы привести машину в движение и разработать регулярный план возвышения своего хозяина. От природы активный, бдительный и непревзойденный политик, он сгорал от нетерпения увидеть принца на троне Португалии, когда, без сомнения, льстил себе надеждой, что у него будет немалая доля в правительстве, созданию которого он так много способствовал. Герцог, действительно, часто признавался ему, что был бы счастлив воспользоваться любой представившейся возможностью, чтобы стать хозяином короны; но что он никак не мог решиться на столь великое предприятие, подобно нуждающемуся авантюристу, которому нечего терять. Он, однако, согласился, чтобы Пинто выяснил расположение народа и приобрел друзей для своего дела, при условии, что он не будет выполнять поручения своего хозяина, который должен был казаться совершенно не осведомленным обо всем, что происходило по этому поводу.

Пинто долгое время очень усердно выяснял и увеличивал количество недобросовестных клиентов в Лиссабоне. Он никогда не переставал шепотом жаловаться на нынешнее правительство по всему городу и выражался с большей или меньшей теплотой, в зависимости от характера и ранга тех, с кем он беседовал: эти предосторожности, действительно, едва ли были необходимы, ибо такова была всеобщая ненависть португальцев к испанцам, что не было никакой опасности, что первые выдадут какую-либо тайну, которая могла бы привести к разрушению последних. Пинто никогда не упускал случая напомнить знати о высоких и почетных должностях, которые занимали их семьи, когда Португалией управляли ее законные монархи; но ничто не затрагивало и не оскорбляло этот класс в такой степени, как *arriere-ban*, созданный королем для службы в Каталонии; эта экспедиция была представлена Пинто как изгнание, из которого будет очень трудно вернуться; что, несмотря на огромные расходы, с ними будут обращаться с величайшим высокомерием испанцы, чьим тайным интересом было подвергнуть храбрейших из португальцев опасности. самая неминуемая опасность; и это без предоставления им возможности разделить славу.

Всякий раз, когда случай приводил его в общество торговцев и горожан, он возмущался несправедливостью испанцев, которые разорили Лиссабон, да и всю Португалию, переведя торговлю с Индией в Кадис. Его разговор постоянно вращался вокруг крайней нищеты, до которой их довело столь тираническое правительство, и счастья тех людей, [7] которые так славно освободились от подобного рабства. Для духовенства он олицетворял частое нарушение иммунитетов и привилегий церкви и то, что самые значительные льготы и достоинства становились добычей иностранцев, вместо справедливой награды, причитающейся заслугам и образованности уроженцев Португалии. С теми, кто, как он знал, уже был недоволен, он подробно остановился на превосходных качествах герцога, своего господина, намеренно желая выяснить их мнение по этому вопросу, в то же время сожалея о ленивом характере этого принца и выражая свое сожаление по поводу того, что единственный

человек, который мог эффективно устранить подобные обиды, был так мало привязан к своей стране и так равнодушен к своему личному возвышению. Всякий раз, когда эта беседа, казалось, производила впечатление на его слушателей, он льстил одной стороне славным титулом освободителя своей страны, в то же время вызывая негодование тех, кто больше всего пострадал от жестокого обращения испанцев, и излагал остальным наиболее выгодную перспективу смены правительства. Таким образом, преуспев в возбуждении умов людей в целом и в привлечении конкретной партии в свои интересы, он, наконец, собрал многочисленную знать, во главе которой стоял архиепископ Лиссабона[8], представитель одной из первых семей королевства[9]. Этот прелат был образован, искусен в бизнесе, любимцем народа и ненавидим испанцами; которого он, в свою очередь, в равной степени ненавидел из-за предпочтения, которое они оказывали архиепископу Браги[10], креатуре вице-королевы, которой они присвоили звание президента палаты Пасо и которую они даже разрешено принимать участие в делах правительства. Среди людей выдающегося положения, составлявших это собрание, дон Мишель д'Алмейда заслуживает особого внимания; этот почтенный старый дворянин всегда пользовался особым уважением за высшие достоинства своего характера; он гордился тем, что предпочитал честь и счастье своей страны своим личным интересам; он был огорчен и взбешен, видя, как узурпатор превращает ее в рабство, и постоянно и мужественно отстаивал эти благородные чувства; ни мольбы его семьи, ни советы друзей никогда не могли заставить его отправиться во дворец, или ухаживать за ним перед министрами Испании, для которых такая необычная твердость не преминула сделать его объектом подозрений. Поэтому Пинто не постеснялся более открыто заявить о себе человеку, в принципах которого он был совершенно уверен и чьи чувства, будь они в пользу его партии, имели бы наибольший вес среди остальной знати. Дон Антонио д'Альмада, близкий друг архиепископа, вместе со своим сыном доном Льюисом участвовали в этом собрании; также как и дон Льюис д'Акунья, племянник этого прелата, который был женат на дочери дона Антонио д'Альмады. Мелло, великий егерь, дон Джордж, его брат Питер де Мендоса, великий камергер, дон Родриго и несколько других офицеров королевского двора, чьи наследственные должности были просто бесполезными титулами, поскольку королевство Португалия стало добычей иностранной державы. Архиепископ, естественно, красноречивый, перед Ассамблеей, и рисовал самые страшные картины о бедственном состоянии страны, поскольку она была предметом господства испанцев: он представлен в ярких цветах, жестокость Филиппа IID, уничтожив большое количество дворян, в целях обеспечения его завоевания, добавив, что он даже не пощадил духовенство; свидетели отмечали краткая отпущение грехов[11] добился от папы за то, что отдал на смерть две тысячи священников и монахов, которые стояли на его пути к узурпации; что, поскольку эти страшные времена, испанцы все-таки выстоял в той же системе политика, что у них были приговорены к смертной казни, по различным предложениям, несколько человек из высшего достоинства, чьим единственным преступлением была их привязанность к своей стране: что ни жизнь, ни собственность одного лица, в нынешней ассамблее был в безопасности; что дворянство относились с каждый знак презрения, и никогда не допускал никаких долей в правительстве, или им к любым занятиям; что духовенство было состоять из самых недостойных членов, поскольку Vasconcellos открыты уже взял на себя, чтобы осчастливить бенефиций в качестве вознаграждения за услуги своих созданий; что народ погрузили с налогами в стране, лишенной виноградарям, и поселки покинуты солдат, которые были насильственно угнаны в Каталонии, что в конце заказы, поступившие для дворян в ремонт в эту страну, на вид, arriere-бан был последний удар премьер-министра политика, который хотел таким образом избавиться от главных лиц страны, которую он рассматривал как всего лишь

препятствия на пути к своей остроконечной конструкции; что наименьшим злом они вынуждены были задержать был, нудный изгнание; что они хотели таким образом стареть, убогие, ссыльные в интерьере Кастилия, в то время как новая колония будет вступать в права владения имуществом как право завоевания; что, как к себе, пугающая перспектива таких набралось несчастий, бы заставить его молиться о скорейшей смерти, раньше, чем вот тотальное уничтожение своей страны, если бы не надежда, что такое большое количество выдающихся лиц, как то присутствовал, никогда бы не собрал зря.

Эта речь сильно взволновала собрание и воскресила воспоминания о былых страданиях. Каждый привел какой-нибудь пример жестокости в Васконселлосе. Некоторые были лишены своего имущества из-за его несправедливости, в то время как другие жаловались на то, что их лишили наследственных должностей и правительства в пользу его друзей и последователей. Некоторые были несправедливо заключены в тюрьму как подозреваемые, а другие сожалели о своих отцах, братьях и друзьях, которые были либо задержаны в Мадриде, либо отправлены в Каталонию в качестве заложников за верность своих соотечественников. Короче говоря, среди них не было ни одного, кто во имя общего дела не нанес бы такого же личного ущерба, который требовал бы отпущения. Дело Каталонии было предметом всеобщей нужды; поскольку ничто не могло быть более очевидным, чем то, что их полное уничтожение, а не отсутствие этой помощи, было мотивом, побудившим испанский двор отправить их так далеко от дома. Все эти соображения, соединенные с лестной надеждой отомстить за такие неоднократные обиды, побудили их принять действенные меры, чтобы сбросить столь тяжкое иго; и, не предвидя никаких возможных средств облегчить свои страдания, они корили себя за свою терпеливую покорность, которую начали рассматривать как низкую и трусливую, в то время как все были согласны с настоятельной необходимостью изгнать испанцев, хотя и расходились в способе правления, который им предстояло впоследствии принять.

Одна часть ассамблеи высказалась за республику^[12], почти по той же модели, что и в Голландии; в то время как другая предпочла монархию. Из последних одни предлагали герцога Браганса, другие - маркиза де Вилья-Реаль, а третья сторона - герцога д'Авейру, всех трех принцев королевской крови Португалии. Каждый высказал свое мнение по этому поводу в соответствии с привязанностью, которую он питал к этим разным принцам, и со своими личными интересами; но архиепископ, всегда преданный семье Браганса, умело воспользовался своим священным характером, чтобы в самых энергичных выражениях заявить, что выбор правительства не был произвольным, поскольку они по совести не могли нарушить свою клятву верности королю Испании в пользу кого-либо другого, кроме законного наследника короны, которым, как всем было известно, был герцог Браганса; поэтому у них не осталось выбора, кроме как признать его королем или терпеливо оставаться навсегда при правительстве Испании. Затем он перешел к описанию великой власти, несметных богатств и значительного числа вассалов, принадлежащих этому принцу, от которого почти треть королевства владела своими землями; добавив, что может быть очень мало надежд изгнать испанцев из Испании, если они не выберут его своим вождем; и чтобы побудить его занять столь важный пост, было бы необходимо предложить ему корону, даже если бы это не было его неоспоримым правом первого принца крови. Архиепископ не преминул похвалить приятные качества герцога, остановившись особенно на его благоразумии, мудрости, а также на мягкости и доброте, которыми отличались все его поступки: короче говоря, он произвел такое сильное впечатление на умы своих слушателей, что всеобщий голос был в пользу Браганцы; и они решили, прежде чем расстаться, не упустить ни одного средства, чтобы вовлечь его в свой проект. Затем

ассамблея разошлась, предварительно назначив конкретные дни и часы для будущих заседаний, чтобы обсудить наилучшие шаги, которые необходимо предпринять для скорейшего и счастливого осуществления этого проекта.

Пинто, как только осознал такой благоприятный поворот дел, написал своему хозяину, умоляя его перебраться в Лиссабон, где его присутствие так сильно воодушевило бы заговорщиков и где он смог бы согласовать с ними надлежащие меры для успеха столь трудного предприятия. Этот по-настоящему способный человек действительно был главной пружиной, приведшей в движение всю машину, и при этом, по-видимому, не имел никакого личного интереса в бизнесе или каких-либо иных мотивов, кроме рвения к общественному благу: он даже выразил свои сомнения в том, что его хозяина когда-либо можно было склонить к участию в заговоре, столь противном его природному характеру, который заставлял его избегать всех опасных предприятий или вообще всего, что требовало внимания и настойчивости; таким образом, возникли трудности, которые предотвращали все возможные подозрения в какой-либо тайной связи между ним и герцогом и в то же время были по своей природе легко преодолимыми. управляемый; возбуждающий, скорее, чем что-либо иное, дух народа к осуществлению своего замысла с удвоенным рвением.

Герцог через несколько дней после получения письма Пинто покинул Виллу Викоза и прибыл в Алмаду, замок в окрестностях Лиссабона, от которого его, собственно, отделяет только Тежу. Это путешествие не было рассчитано на то, чтобы вызвать подозрения, и, по-видимому, было предпринято во время его других визитов в различные крепости королевства. По этому случаю его сопровождало так много знатных людей и офицеров армии, и его экипажи отличались таким великолепием, что он гораздо больше походил на государя, вступающего во владение своими владениями, чем на простого губернатора, посещающего вверенные ему места. Прибыв так близко к столице Португалии, он счел визит к вице-королеве абсолютно необходимым. Большой двор дворца и все аллеи, ведущие к нему, были в этот раз запружены людьми, жаждущими увидеть, как он пройдет, и вся знать ждала его, чтобы сопроводить к вице-королеве; действительно, весь город выглядел как публичный праздник, и радость, которую внушало его присутствие, была такой, что казалось, ничто не желало посадить его на трон, кроме герольда, провозгласившего его королем, или достаточной решимости в нем самом, чтобы претендовать на этот титул как должное. Этот принц, однако, был слишком мудр и осмотрителен, чтобы доверить завершение столь грандиозного замысла увлечениям легковверного и непостоянного народа, который обычно поддавался первым эмоциям, весьма отличным от того настойчивого одобрения, которое столь необходимо в предприятии столь важного характера. Поэтому он, простившись с вице-королевой, вернулся в Альмаду, не заезжая в город и даже не посещая дворец Браганса, чтобы не обидеть испанцев, которые и так были слишком встревожены свидетельствами радости, выраженными народом.

Пинто не преминул отметить своим друзьям осторожное, более того, робкое поведение своего хозяина в этом случае, заявив, что они не должны пренебрегать возможностью его визита в Альмаду, подробно объяснить свой замысел и даже настаивать на том, чтобы он принял корону как единственное средство спасти свою страну от полного разорения. Поскольку этот совет был одобрен заговорщиками, Пинто попросили использовать свое влияние на своего хозяина, чтобы дать им возможность лично объяснить свои намерения, и он с радостью принял это поручение. Герцога Браганса убедили согласиться на интервью при условии, что к нему

одновременно будут допущены только трое депутатов, не желая объяснять свои чувства перед более многочисленным обществом.

Мишель д'Алмейда, Антуан д'Альмада и Мендоса, избранные для этой цели, были тайно допущены ночью в кабинет принца; тогда Альмада в самых ярких красках представил ему жалкое положение королевства, в котором все слои населения в равной степени страдают от жестокости и несправедливости кастильцев; что даже сам герцог, несмотря на свое княжеское достоинство, не был защищен от их злобы, поскольку он не мог быть слеп к различным планам, составленным премьер-министром с целью его разорения; что для того, чтобы избежать такого глубоко продуманные планы, у него не было другого выхода, кроме как взойти на трон своих предков, и чтобы помочь ему в достижении столь грандиозного замысла, он был послан большим количеством самых выдающихся людей королевства, которые предложили свои услуги и были готовы пожертвовать своими жизнями и состоянием, чтобы продвигать его интересы и отомстить за дело Португалии тираническим и узурпаторским испанцам. Затем Альмада принялся доказывать, что положение Испании сильно изменилось со времен Карла Первого и Филиппа II, когда эта страна установила закон и распространила террор по всей Европе, что та же монархия, которая в то время формировала такие обширные представления об империи, теперь едва могла защитить свои собственные владения от частых и успешных нападений Франции и Голландии, с которыми она тогда находилась в состоянии войны. Что большая часть его сил была задействована в Каталонии; что оно испытывало нехватку войск и денег и управлялось слабым принцем, которым самым управлял министр, пользующийся всеобщей и заслуженной ненавистью всего королевства. Затем он изложил союзы, которые герцог мог разумно ожидать заключить с большей частью принцев Европы, которые, будучи естественными врагами австрийского дома, несомненно, предоставили бы ему свою защиту; что Голландия и Каталония должны научить его тому, чего можно ожидать от великого министра^[13], чей возвышенный гений, казалось, был полностью нацелен на полное уничтожение одной и той же семьи: что Голландия и Каталония должны научить его тому, чего можно ожидать от великого министра. близость Португалии к морю позволила бы ему получить всю необходимую помощь; короче говоря, поскольку большая часть испанских гарнизонов покинула страну для пополнения армии в Каталонии, у него никогда не могло быть такой благоприятной возможности доказать свое право на корону, обезопасить свое имущество, жизнь и семью и избавить нацию от рабства и угнетения.

Герцог Браганса, хотя и был внутренне очарован этой речью, ответил со своим обычным спокойствием и сдержанностью, и хотя он не отказался полностью от предложения депутатов, он не сказал ничего такого, что могло бы заставить их поверить, что он решил его принять. Он, действительно, заверил их, что он так же, как и они, убежден в плачевном состоянии нации и в том, что его собственное положение далеко не безопасно: он похвалил их рвение на благо своей страны и выразил то высокое понимание, которое он питает к их взглядам в его пользу; но что он не может не сомневаться, что еще не пришло время для таких насильственных мер, которые, если не будут приняты эффективно, всегда будут сопровождаться самыми ужасными последствиями.

Этот ответ, единственный, который они могли получить, сопровождался такими дружелюбными и ласковыми манерами и такими вежливыми признаниями каждому депутату, что у них были все основания полагать, что их поручение далеко не неприятно герцогу; но что единственными

шагами, которые его можно было побудить предпринять в этом деле, было бы дать свое согласие, когда благодаря их усилиям успех предприятия больше не будет вызывать сомнений.

Герцог после этого свидания составил новые планы со своим верным Пинто и вернулся на Виллу Викоца, подавленный чувствами, которых он никогда прежде не испытывал и которые мешали ему наслаждаться теми удовольствиями, которые он прежде вкушал в своем уединении. Его первой заботой по прибытии домой было сообщить обо всем, что произошло, его жене. Эта принцесса, которая была испанкой и сестрой герцога де Медина Сидония, гранда Испании и губернатора Андалусии, с колыбели обнаружила в себе самые возвышенные чувства, которые постепенно переросли в неумеренную страсть ко всему благородному и славному. Ее отец, рано поняв, что ее понимание равно ее мужеству, не пренебрегал ничем, что могло бы способствовать развитию таких поразительных качеств. Ее образованием руководили люди с выдающимися способностями, которые не преминули внушить ей те чувства честолубия, которые мир считает признаком благородного ума, и как таковые оценивали первое из качеств принца^[14]. С самой ранней юности она занималась распознаванием характеров и могла самыми изобретательными и деликатными средствами разгадывать тайные чувства тех, с кем общалась: она действительно стала такой искусной и проницательной, что даже замыслы самого искусного придворного не могли ускользнуть от ее внимания. Короче говоря, она не только обладала достаточным мужеством, чтобы взяться за самое трудное предприятие, если оно казалось ей великим и славным, но и наделена способностями обеспечить его успех. Ее манеры были полны достоинства, но в то же время непринужденны, а ее мягкость в сочетании с величием внушали всем, кто смотрел на нее, любовь и уважение. Она легко усвоила манеры португалки, и ее вполне можно было принять за уроженку Лиссабона. Ее первой заботой при вступлении в брак было завоевать уважение и доверие мужа, и она прекрасно преуспела в своем замысле благодаря своему примерному поведению, непоколебимому благочестию и услужливому согласию с его любимыми занятиями. Равнодушная ко всем удовольствиям, естественным для ее возраста и качеств, она проводила каждый свободный час, совершенствуя свое понимание и добавляя свежую силу к естественной силе и справедливости своих суждений. Герцог Браганса чувствовал себя счастливым, обладая такой по-настоящему образованной и любезной женщиной; его уважение к ее качествам и доверие к ее суждениям были безграничны, и его никогда нельзя было убедить предпринять какие-либо решительные шаги в таком важном деле, как рассматриваемое, без ее ведома и совета. Поэтому он сообщил ей обо всех деталях, связанных с заговором, именах заговорщиков, их рвении к делу и обо всем, что произошло как в Лиссабоне, так и на конференции в Альмаде; добавив, что сразу же после известия о каталонской экспедиции он предвидел, что дворяне полны решимости восстать скорее, чем покинуть королевство, и что, если он откажется от предложенного сана, следует опасаться, что они выберут другого вождя; и все же он не мог не признать, что величие опасности наполнило его опасениями. Мысль взойти на трон своих предков, если смотреть на нее издали, действительно ослепляла и приятно льстила его воображению, но теперь, когда настал момент попытаться счастья и рискнуть на столь рискованное предприятие, он не мог без страха смотреть вперед на событие, которое могло закончиться гибелью его самого и семьи: что очень мало можно полагаться на характер непостоянного народа, которого малейшая трудность обескураживает, и что недостаточно иметь в своей партии знатных людей, если только их не поддерживают вельможи королевства; но он был далек от того, чтобы льстить себе их заинтересованностью в его благосклонности, у него были все основания полагать, что они

окажутся его самыми жестокими врагами, поскольку естественная для человечества ревность никогда не позволила бы им подчиниться власти того, кто до сих пор был им равен.

Эти соображения, соединенные с огромной властью короля Испании и очень малым доверием к помощи иностранных принцев, почти перевесили в уме герцога стремление к королевской власти; но герцогиня, обладавшая большей твердостью и воспламененная честолюбием, немедленно приняла участие во всем замысле заговора. Перспектива столь грандиозного предприятия пробудила природную смелость ее характера и пробудила в ее груди все честолюбивые чувства. Она спросила Брагансу^[15] каким образом он будет действовать, если его отказ от короны приведет к превращению Португалии в республику, и как он будет вести себя между этой новой формой правления и королем Испании? на что герцог ответил, что он всегда должен оставаться нерушимо преданным интересам своей страны. - Итак, ваше решение, - возразила герцогиня, - диктует мне ответ, который я должна дать, и который вы сами должны дать депутатам; и поскольку вы таким образом готовы подвергнуть себя величайшим опасностям как подданный республики, несомненно, будет гораздо выгоднее и славнее взяться за оружие для защиты короны, которая является вашим законным правом и которую народ и знать сгорают от нетерпения возложить на вашу голову. Затем она самым убедительным образом изложила его неоспоримые притязания на трон Португалии, заметив, что в том жалком положении, в которое кастильцы довели эту страну, для человека его власти и положения было преступлением бездействовать, и что у его детей и позднейших потомков будет повод упрекнуть его память за то, что он таким образом, по слабости и робости, пренебрег столь благоприятной возможностью. Она особенно подробно остановилась на прелестях королевской власти и удовольствии править страной, где теперь он был простым подданным, постоянно подвергающимся опасности; что ничего не могло быть проще, чем самому завладеть короной, и даже без иностранной помощи; поскольку он был достаточно силен в Португалии, чтобы изгнать испанцев, особенно на нынешнем удачном этапе восстания в Каталонии. Короче говоря, она открывала перед ним такие блестящие перспективы, что он был полон решимости последовать ее совету и решил присоединиться к партии; но герцогиня, как и он сам, придерживалась мнения, что было бы благоразумнее подождать, пока число заговорщиков увеличится, прежде чем он положительно заявит о своих чувствах; и что он не должен открыто участвовать в этом деле, пока заговор не созреет для исполнения.

Тем временем двор был немало встревожен радостью, выраженной лиссабонцами при появлении Браганцы, и это произвело немалое впечатление на министра, который начал подозревать проведение частных собраний в этом городе; кроме того, определенные сообщения, о которых обычно шепчутся накануне важных событий, значительно усилили его опасения.

Король созвал по этому случаю несколько советов и решил разрушить все надежды на революцию в Португалии, немедленно вызвав герцога Браганса в Мадрид, как единственного лидера партии, которого следовало опасаться в этой стране. Поэтому граф-герцог отправил курьера к этому принцу, сообщив ему, что его величество требует его присутствия, желая из его собственных уст узнать точное состояние войск и крепостей в Португалии; добавив, что его друзья стремились увидеть его при дворе, где он мог быть уверен, что его примут со всеми почестями, подобающими его происхождению и заслугам.

Удар грома не мог бы привести герцога в большее смятение, чем это известие. Серьезные намерения и различные предлоги, которые до сих пор использовались, чтобы выманить его из родной страны, утвердили его в мысли, что он неприятен правительству и его гибель неминуема. Но теперь положение было еще более отчаянным; предлагаемые занятия и притворные ласки сменились абсолютными приказами, которые в случае неповиновения приводились в исполнение насильем. Опасения, что его замыслы раскрыты, овладели его разумом; и подобно тому, как все те, кто вынашивает великие планы, полагают, что весь мир занят тем, что следит за их действиями и проникает в тайные уголки их сердец, этот способный, хотя в некоторых отношениях робкий и подозрительный принц считал себя вовлеченным в величайшее из всех возможных бедствий. Однако он, желая выиграть время, отправил, по совету герцогини, умного и преданного джентльмена, принадлежащего к его двору, заверить премьер-министра в своем немедленном посещении его величества, дав ему в то же время секретный приказ постараться, насколько это возможно, изобрести различные предлоги для столь долгой задержки прибытия его господина; герцог надеялся таким образом предотвратить грозу, нависшую над его головой, и ускорить успех заговора. Сразу же по прибытии джентльмена в Мадрид он сообщил королю и премьер-министру, что он всего лишь опередил своего господина, который немедленно последует за ним; и, наняв большой отель, он великолепно обставил его, нанял большую свиту слуг, ливреи которых он уже предоставил, жил на значительные средства, короче говоря, ничем не пренебрегал, чтобы доказать, что прибытия герцога ожидают с минуты на минуту и что он намерен появиться при дворе с блеском, соответствующим достоинству его происхождения.

Через несколько дней этот джентльмен притворился, что получил сообщение о серьезном недомогании герцога; но это оправдание вскоре было исчерпано, и он представил меморандум премьер-министру, в котором от имени своего господина просил, чтобы его величеству было угодно утвердить ранг, который он должен был занимать при испанском дворе; и он льстил себя надеждой, что решение этого вопроса может занять некоторое время, поскольку естественно было предположить, что гранды выступят с возражениями в поддержку своих требований; но премьер-министр, который подозревал о столь частых задержках и горел желанием поддержать его. нетерпение увидеть его в Мадриде быстро преодолело все эти трудности, предложив его величеству принять решение в пользу герцога, причем самым почетным и выдающимся образом.

Как только заговорщики узнали о приказах, полученных герцогом, они, опасаясь, что он может слишком внезапно поднять тревогу, послали Мендосу, чтобы привести его в чувство и сразу же убедить благородно и мужественно присоединиться к их партии. Выбор предпочтительно пал на этого дворянина, поскольку он был губернатором форта близ Вилья-Викозы, что помешало бы испанцам заподозрить тайную цель его путешествия. К герцогу, предававшемуся удовольствиям охоты, присоединился Мендоса, и, воспользовавшись случаем, они вместе поехали верхом в самую чащу леса, последний представлял опасности, с которыми он неизбежно столкнулся бы, если бы отважился явиться ко двору Испании; что, отдав себя таким образом в руки своих врагов, он навсегда разрушил бы надежды знати и народа; что значительное число знатных людей решили пожертвовать своими жизнями и состоянием ради его дела и ждали только признания своих чувств, чтобы проявить себя; что момент, наконец, настал. , когда у него не оставалось иного выбора, кроме смерти или короны; что все дальнейшие проволочки были опасны и что он должен был отдавать себе отчет в том, что дело такой важности, доверенное такому множеству людей, не могло долго храниться в секрете от

испанцев. Герцог больше не колебался, но согласился с чувствами Мендосы и поручил ему объявить своим друзьям, что он твердо решил встать во главе их.

Мендоса немедленно вернулся домой, чтобы не вызвать никаких подозрений о причине своего путешествия у тех, кто, вероятно, видел его с герцогом; и просто написал заговорщикам, что был на охоте и долгое время находил дичь очень пугливой, но что наконец-то он хорошо порезвился. Через несколько дней он вернулся в Лиссабон, где ознакомил своих друзей со всем, что произошло; и герцог, желая увидеть Пинту, немедленно отправился в путь, предварительно получив необходимые инструкции для информирования своего господина о характере их плана и способах приведения его в исполнение. Пинто также ознакомил его с разногласиями, имевшими место при лиссабонском дворе, где вице-королева в самых резких выражениях жаловалась на гордыню и наглость Васконселлоса; заявив, что она больше не может допустить, чтобы депеши от испанского двора были адресованы в первую очередь ему, хотя и удостоенная расплывчатого титула, она оставалась совершенно бессильной. Ее жалобы действительно были более обоснованными, поскольку, будучи принцессой высших достоинств, она была во всех отношениях способна осуществлять вверенные ей полномочия. Это она прекрасно знала, но ей было не так легко понять, что выдающиеся качества ее ума и сердца были главными причинами того, что ей была предоставлена столь незначительная доля в правительстве. Пинто не преминул заметить по этому поводу, что ничто не могло быть более благоприятным для замыслов его господина, чем это недоразумение, поскольку споры во дворце привлекли бы внимание испанских министров и не дали бы им времени следить за его действиями.

Герцог Браганса после отъезда Мендосы снова впал в свою обычную нерешительность; чем больше заговор приближался к осуществлению, тем больше росла его неуверенность. Пинто приложил все возможные усилия, чтобы предотвратить его колебания, и даже добавил угрозы к аргументам и мольбам, заявив, что он должен быть провозглашен королем вопреки себе и что последствиями его нерешительности будут еще большие опасности и еще более значительные потери. Герцогиня присоединилась к этому верному слуге, упрекая его в низкой трусости, в том, что он предпочитает безопасность хрупкого существования королевскому достоинству; пока, наконец, герцог, покраснев оттого, что женщина превзошла его в храбрости, не уступил ее доводам. На него действительно оказывали давление постоянные письма от его агента в Мадриде, который заявлял, что он больше не может придумывать оправдания своему отсутствию и премьер-министр больше не примет их. Поэтому, понимая, что нельзя терять времени, он решил приступить к своим действиям без промедления. Он, однако, отправил ответ в Мадрид, желая, чтобы его господин попытался выиграть время, представив графу-герцогу д'Оливаресу, что он уже был бы в Испании, если бы ему не нужны были деньги на дорогу и на то, чтобы появиться в стране с блеском, подобающим его положению; но что, как только он сможет раздобыть достаточную сумму для этих целей, он немедленно отправится ко двору. Его очередной уход был проконсультироваться с герцогиней и своим верным Пинто, на properest методов, которые должны быть приняты для обеспечения успешной деятельности его предприятия, и герцог наконец решил, что его первая атака должна быть на Лиссабон, который будучи столицей, была, когда после установки в его интересах, естественно, влияют на остальные царства, и что в тот момент, Лиссабон, объявленные в его пользу, он должен заставить себя быть провозглашен королем во всех городах в пределах своей компетенции; что те из его друзей, которые были воеводами крепостей и неприступных местах, должны сделать то

же самое; и то, что заговорщики должны расшевелить людей из малых городов и сел в разных светлости, так что в общем и Внезапное волнение, те немногие испанцы, остальные будут в недоумении от того, какой стороной повернуть свое оружие; что он пошлет своего собственного полка в Элваш, губернатором которого был полностью в его интересах; но что у него не было еще неопределенным, в каком порядке он должен владеть собой Лиссабон, многое зависит от возможностей, которые может предложить себя, когда он должен начать свою атаку; он был, однако, мнение, что их первая попытка должна быть на дворец, для того, чтобы обеспечить лице Вице-Королева, а вместе со всем испанцам, которые могут служить в качестве заложников по принуждению к капитуляции цитадели, которая в противном случае может сильно раздражать город когда однажды в их владения. Затем герцог вручил Пинто верительные грамоты для Алмейды и Мендосы, в которых сообщил им, что предьявитель, прекрасно осведомленный о его намерениях, просто написал, чтобы выразить надежду, что они останутся верны своему обещанию и будут тверды и энергичны в момент его исполнения. Сделав это, герцог немедленно отправил Пинто в Лиссабон, предварительно оказав ему такие знаки доверия и уважения, которые не оставляли ему места для сомнений в том, что, каким бы ни было будущее величие его господина, он всегда сохранит одно и то же место в его пользу.

По прибытии в Лиссабон его первой заботой было вручить свои письма Алмейде и Мендосе; он также послал за Лемосом и Корреа, которых он давно заручился поддержкой своего хозяина. Это были богатые горожане, которые служили во всех главных учреждениях города, нанимали значительное количество ремесленников и пользовались большим уважением в народе. В течение некоторого времени они поддерживали недовольство граждан по отношению к испанцам, тайно сообщая о новых налогах, которые будут введены в начале следующего года; они даже намеренно уволили нескольких своих рабочих, особенно самых недовольных среди них, под предлогом того, что торговля разорена, они больше не в состоянии их содержать, и это с той целью, чтобы бедность и сопутствующий ей голод могли побудить их к восстанию; освобождая их, однако, время от времени, чтобы прочнее закрепить их в обществе. их интерес. Они также поддерживали тайную переписку с высокопоставленными лицами в каждом квартале города, что позволило им заверить заговорщиков, что при условии, что они будут ознакомлены с их планом вечером до того, как он будет приведен в исполнение, они возьмутся за то, чтобы расшевелить большую часть народа, и что в час, который они сочтут наиболее удобным для этой цели.

Пинто, таким образом заручившись поддержкой искусников в своем деле, не пренебрег ничем, чтобы удержать других заговорщиков в верности их цели; призывая каждого в отдельности быть готовым к сигналу о нападении; умоляя их в то же время привлечь на помощь своих личных друзей под предлогом какой-то частной ссоры, не посвящая их в истинное положение дел; справедливо полагая, что есть много людей, наделенных большой храбростью, с мечом в руке, которым хладнокровно нельзя доверить великую и важную тайну.

У Пинто были основания быть довольным твердостью и мужеством тех, к кому он обращался, каждый из которых выражал самые горячие пожелания и величайшее нетерпение отомстить испанцам; он провел совещание с Алмейдой, Мендосой, Альмадой и Мелло, и, по-видимому, ни в чем не было недостатка для исполнения их замысла, они единогласно назначили начало своих операций на субботу первого декабря. Герцогу Браганса было немедленно отправлено уведомление, чтобы он мог добиться провозглашения себя королем в тот же день во всей провинции Алентежу, вся которая находилась непосредственно в его ведении. Затем было

решено, что они должны собраться еще раз, чтобы принять окончательные меры для обеспечения успеха своего предприятия.

Это последнее собрание состоялось 25 ноября во дворце Браганса, когда они обнаружили, что их партия состояла почти из ста пятидесяти джентльменов, большинство из которых были главами семейств со всей их прислугой, и около двухсот горожан и ремесленников, все деятельные, надежные люди, настолько уважаемые в городе, что они не могли не привлечь к своему делу широкую общественность.

Решение о смерти Васконселлоса было принято единогласно, как жертвы, принесенной в жертву негодованию всего королевства Португалия; некоторые из них предлагали разделить ту же участь архиепископу Браги, утверждая, что его выдающийся гений сделал его самым грозным врагом; и что нельзя предположить, что он отнесется к их попытке равнодушно или не поставит себя во главе испанцев и других своих приспешников, проживающих в городе. Что, пока они будут пытаться овладеть дворцом, он может либо броситься в цитадель, либо прийти на помощь вице-королеве, интересам которой он был особенно предан; что в деле такой важности было бы верхом неосторожности щадить врага, который, скорее всего, дал бы им повод раскаться в своей ложной жалости и несвоевременном сострадании.

Эти доводы имели большой вес для большей части собрания, и прелат, несомненно, погиб бы вместе с Васконселлосом, если бы дон Мишель д'Алмейда не^[16] выступил в его защиту и представил заговорщикам, что смерть человека с характером архиепископа и достойным положением вызовет всеобщее возмущение; что духовенство и инквизиция, которой всегда страшились самые могущественные князья, была бы крайне разгневана на герцога Браганса, которого они считали бы не только мятежником и узурпатором, но и отлученным от церкви и отлученным от общения с верующими; и что сам князь был бы глубоко оскорблен тем, что его вступление на престол было запятнано таким бесчеловечным поступком. Затем он предложил так строго следить за каждым действием прелата в день, назначенный для исполнения их цели, что для него было бы невозможно предпринять что-либо, противоречащее общественному благу. Короче говоря, он так убедительно ходатайствовал в свою пользу, что его друзья, не в силах отказать человеку столь выдающихся достоинств, согласились сохранить ему жизнь.

Теперь ничего больше не оставалось делать, как организовать порядок атаки; и было решено разделиться на четыре отряда, чтобы, войдя во дворец четырьмя разными путями, проходы были бы слишком надежно перекрыты, чтобы испанцы могли сообщаться друг с другом или оказывать друг другу какую-либо помощь. Дон Мишель д'Алмейда был назначен атаковать немецкую охрану у входа во дворец, в то время как его брат Мелло (великий егерь) и дон Эстеван д'Акунья должны были застать врасплох испанскую роту, которая постоянно несла охрану в части замка, называемой фортом. Мелло де Менезес, великий камергер, Эммануэль де Саа и Пинто должны были ворваться в апартаменты Васконселлоса и расправиться с ним; в то время как дон Антонио д'Альмада, Мендоса, дон Карлос де Норонья и Антонио де Салданья должны были овладеть личностью вице-королевы вместе со всеми испанцами, находившимися в то время во дворце, чтобы в случае необходимости служить заложниками. Пока они, таким образом, занимали эти различные должности, несколько офицеров в сопровождении знатных горожан должны были быть отправлены провозгласить дону Иоанна, герцога Браганса, королем Португалии, по всему городу; и чтобы люди, собравшиеся таким образом на улицах, были использованы в качестве вспомогательных сил на случай сопротивления. Затем конференция

разошлась, после того как было решено собраться в субботу первого декабря в соответствующих домах дон-Мишеля д'Алмейды, Альмады и Мендосы, где заговорщики должны были вооружиться по этому случаю.

В то время как друзья Брагансы таким образом горячо продвигали его интересы в Лиссабоне, а сам он был занят привлечением сторонников в стране, премьер-министр, обеспокоенный такими постоянными задержками, отправил курьера с четкими приказами о его немедленном появлении при дворе; и чтобы герцог больше не мог ссылаться на нехватку денег в качестве оправдания своего отсутствия, он в то же время отправил ему распоряжение о выплате из королевской казны десяти тысяч дукатов.

Его послание было настолько ясным и абсолютным, что герцог больше не мог откладывать свой отъезд, не вызвав ни малейших подозрений. Теперь не могло существовать никакой возможной причины для его неповиновения, которое, как следовало опасаться, было бы наказано таким образом, что неизбежно разрушило бы все его честолюбивые замыслы и сделало бы его план несостоятельным; поэтому он немедленно отослал большую часть своих домочадцев с приказом отправляться в Мадрид; и в присутствии курьера казался занятым устройством всего, что касалось его правительства, как будто собирался в долгое путешествие. Он также отправил джентльмена к вице-королеве, чтобы сообщить ей о своем отъезде, и написал премьер-министру, что может рассчитывать на то, что его прибытие в Мадрид не будет отложено более чем на восемь дней. Затем он вручил курьеру солидную сумму денег под предлогом покрытия расходов на его поездку и в качестве вознаграждения за то, что тот доставил ему приказания своего государя; но на самом деле для того, чтобы снискать его расположение и побудить его с уверенностью сообщить о своем предполагаемом отъезде. Тем временем он позаботился о том, чтобы проинформировать заговорщиков обо всем, что произошло, заявив о настоятельной необходимости привести в исполнение их замысел в назначенный день, чтобы испанцы не приняли мер, препятствующих его успеху. Однако в тот момент они находились в таком замешательстве, что у них было мало надежд на столь скорое начало намеченных операций.

Некий знатный человек^[17], житель Лиссабона, всегда был особенно откровенен в выражении своего отвращения к испанцам и их правительству; он никогда не награждал их никаким другим эпитетом, кроме как тиранами или узурпаторами, публично жаловался на их несправедливость и особенно критиковал каталонскую экспедицию, которую он возглавлял. за предсказанным последовали бы самые фатальные последствия.

Алмада, часто беседовавший с ним на эту тему, имел все основания полагать, что в Лиссабоне нет более ревностного и лучше воспитанного португальца: поэтому он полагал, что тот будет очарован планом освобождения своей страны; но каково же было его изумление, когда, отведя его в уединенное место, чтобы сообщить о заговоре, этот человек, такой смелый и жестокий на словах, но подлый и трусливый на самом деле, заявил, что не будет принимать участия в сделке; возражая против шаткого фундамента, на котором они строили свои надежды. успеха! Вся гордость и мужество, которые он проявил, пока опасность казалась на расстоянии, утонули в самом низменном страхе при мысли о том, чтобы принять в ней участие. "Где, - крикнул он Альмаде, - вы можете раздобыть достаточное количество войск, чтобы предпринять столь масштабное предприятие?" Какую армию вы можете противопоставить испанским войскам, которые будут разбросаны по всей стране при первой попытке, которую вы предпримете для осуществления вашего замысла? Кто из вельмож стоит во главе этого дела? и достаточно ли они

богаты, чтобы покрыть расходы на гражданскую войну? "Я боюсь, - продолжал он, - что вы, далекие от того, чтобы отомстить испанцам за наше дело и освободить нашу страну от их тирании, внесете свой вклад в ее гибель, предоставив им предлог, который они давно искали, для завершения разрушения Португалии".

Д'Альмада, у которого было так мало оснований ожидать признания в подобных чувствах, пришел в отчаяние от своей необоснованной уверенности и, не удостоив его ответом, схватился за шпагу и с горящими глазами бросился к нему. "Ничего не остается, - воскликнул он, - как лишить меня жизни вместе с моей тайной или понести наказание за то, что вытянул ее из меня своими лживыми уверениями". Его подлый противник, всегда стремившийся предотвратить надвигающуюся опасность и приходивший в ужас при виде обнаженного меча, немедленно соглашался на каждое предложение Альмады; он предлагал присоединиться к заговорщикам и даже умудрялся опровергать все, что тот до сих пор выдвигал; связывая себя самыми торжественными клятвами хранить тайну и не пренебрегая ничем, чтобы заставить Альмаду поверить, что нежелание, которое он поначалу проявил к этому плану, не было следствием страха или нежелания обижаться на испанцев.

Эти клятвы и протесты, однако, были далеки от того, чтобы успокоить Алмаду, который строго следил за всеми действиями этого человека, пока тот знакомил заговорщиков со всем, что происходило. Тревога стала всеобщей, и когда они задумались о переменчивом и незначительном характере человека, о котором шла речь, у них было слишком много оснований опасаться, что либо приближение личной опасности, либо надежда на богатое вознаграждение могут побудить его предать их; поэтому они решили отложить исполнение своего плана и настояли на том, чтобы Пинто написал своему хозяину, чтобы тот не начинал свои операции, пока не получит от них дальнейших известий; но Пинто, хорошо осознавая опасность промедления в делах такого рода, когда задержка в один день может повлечь за собой фатальные последствия, тайно написал принцу, умоляя его не обращать внимания на другое письмо, которое было просто продиктовано минутной паникой, которая пройдет еще до того, как курьер сможет прибыть на Виллу Викоа. Это событие подтвердило правдивость его утверждения, ибо на следующий день, обнаружив, что все по-прежнему твердо придерживаются своей цели, они устыдились своей внезапной тревоги; и подозреваемый человек, не давший никаких новых поводов для опасений, действительно повторил свои заверения в верности, то ли из-за перемены чувств, то ли из страха перед необоснованным обвинением стольких выдающихся людей, они решили следовать своему первоначальному плану: но как только они разрешили одну дилемму, они попали в другую, не менее запутанную.

Предусмотрительный Пинто, постоянно находившийся на страже, позаботился о том, чтобы разместить нескольких заговорщиков в качестве шпионов в разных частях дворца: эти люди ходили взад и вперед, на них никто не обращал внимания, и на них смотрели просто как на часть праздной толпы, которая обычно собирается при дворе. Накануне дня, который должен был начаться смертью Васконселлоса, они увидели, что министр плывет по Тахо; это обстоятельство, которое осталось бы незамеченным равнодушными зрителями, которые никогда бы не поверили, что они заинтересованы в его переправе через реку, вызвало всеобщую тревогу среди заговорщиков, и они мгновенно убедились, что этот хитрый и способный министр не только разгадал их план, но и отправился на противоположный берег с целью собрать войска, расквартированные в соседних деревнях. Попытки и смерть немедленно представились в самых ужасных красках их перепуганному воображению; им представлялось,

что их жилища уже окружены судебными приставами, а некоторые из них даже были готовы спастись от жестокости испанцев, бежав в Англию или Африку. Так прошла большая часть ночи, во всех муках страха и отчаяния; но радость вскоре сменилась ужасом, когда те из их друзей, которые остались в порту понаблюдать, сообщили, что священник только что вернулся с большого праздника, на который он был приглашен, весело играя на гобоях. Убедившись, что во дворце никто ничего не заподозрил, где все было погружено в сон, не подозревая о завтрашней опасности, они удалились в очень поздний час.

Как ни мало времени оставалось до осуществления их плана, у заговорщиков был еще один повод для беспокойства; столь верно, что предприятия такого рода всегда ненадежны и часто опасны, особенно когда страх наказания и надежда на награду могут вызвать трусость и предательство. Джордж де Мелло, брат великого егеря, обычно проживал у родственника в отдаленном предместье города; и поскольку заговор вот-вот должен был состояться, этот дворянин придерживался мнения, что у родственника, которого он также долгое время считал другом, будут основания жаловаться на недостаток доверия, если он скроет от него дело, в котором любовь к своей стране должна быть интересна ему в равной степени, как и ему самому; поэтому он решил склонить его присоединиться к конфедерации и сопровождать его утром на место встречи. Соответственно, вернувшись с собрания, он удалился с ним в его кабинет, изложил все дело, призвал его быть членом партии и вести себя так, как подобает человеку его звания и истинному португальцу. Удивленный таким экстраординарным умом, он, однако, притворился, что очень рад скорой перспективе освобождения своей страны; и, поблагодарив Мелло за столь почетные доказательства доверия, он заявил, что счастлив разделить свою жизнь со столькими честными людьми в столь справедливом и славном замысле. На этом совещание закончилось, они удалились отдохнуть несколько часов, прежде чем отправиться на место встречи; но как только Мелло вернулся в свою комнату, его угрызла совесть за опрометчивую самоуверенность; он упрекнул себя за то, что так бесцеремонно вверил судьбу такого количества уважаемых людей в руки человека, в чьей чести он не был достаточно уверен и на лице которого, как ему показалось, он заметил следы тайного беспокойства, смешанного с удивлением и ужасом перед перспективой столь опасного предприятия. Короче говоря, он не мог удержаться от дрожи, опасаясь, что страх перед пытками или уверенность в награде заставят его выдать свою тайну.

Охваченный этими душераздирающими размышлениями, он ходил по своей комнате, пока его не разбудил неясный шум людей, говоривших вполголоса, словно боясь разоблачения, он открыл окно, чтобы внимательнее прислушаться к происходящему, и при мерцающем свете увидел в дверях своего родственника, собирающегося садиться на лошадь. Вне себя от ярости, он слетел с лестницы и, выхватив меч, яростно спросил, куда он направляется? и какие важные дела могли заставить его покинуть свой дом посреди ночи? Другой, крайне удивленный, попытался привести какие-нибудь нехорошие причины для своего отъезда; но Мелло, угрожая предать его смерти, заставил его вернуться в свою комнату и, завладев ключами от дома, наблюдал за его передвижениями до часа, назначенного для встречи, куда он уговорил его сопровождать его.

Наконец настал день, когда Браганса должен был возвыситься до королевского сана и даровать ему почетный титул освободителя своей страны или заклеить его именем мятежника и врага государства.

Рано утром заговорщики отправились к дону Мишелю д'Алмейде и в другие дома, где было решено, что дворяне должны надеть оружие. Уверенность в успехе, мужество и решимость озарили все лица; и не мало примечательно, что в заговоре, организованном таким количеством священников, граждан и джентльменов, большая часть которых была движима противоположными интересами, ни один из них не оказался предателем дела. Каждый, казалось, так стремился начать атаку, как будто он сам был лидером предприятия и ему было суждено носить корону в награду за свои услуги. Даже женщины желали принять активное участие в торжестве этого дня; и история запомнила донну Филиппу де Вильена, которая, вооружив двух своих сыновей и выдав каждому по кирасе, обратилась к ним со следующими словами: “Идите вперед, дети мои, уничтожьте тиранию, отомстите за наше дело нашим врагам; и будьте уверены, что, если фортуна не улыбнется вашим надеждам, ваша мать ни на минуту не переживет печальной участи стольких храбрых и честных мужчин!”[18]

Все до единого вооружившись, они направились ко дворцу разными улицами; большую часть доставили туда на носилках, чтобы лучше скрыть свою численность и вооружение. Они разделились, как было условлено, на четыре отряда и таким образом с невыразимым нетерпением ждали восьми часов, времени, назначенного для штурма: с каждой минутой их опасения усиливались, как бы появление такого количества людей во дворце в столь необычный час не пробудило подозрения в сердце министра; но наконец часы пробили, и Пинто подал сигнал выстрелом из пистолета, они немедленно бросились на свои разные посты; дон Мишель д'Альмейда и его отряд напали на немецких гвардейцев, которые были застигнуты врасплох и большей частью безоружны. , вскоре потерпели поражение, почти не встретив сопротивления.

Тем временем великий егерь со своим братом Мелло и доном Эстеваном д'Акунья напали на испанский отряд, стоявший на страже справа от дворца, называемого фортом; за ними последовала большая часть горожан, участвовавших в этом предприятии, которые с мечами в руках ворвались в караульное помещение, в котором окопались испанцы. Никто в этом случае не отличился более доблестно, чем священник из Азамбуджи, который маршировал во главе заговорщиков, держа в одной руке распятие, в то время как в другой он размахивал мечом, и громким и грозным голосом призывал народ уничтожать своих врагов, в то же время яростно атакуя испанцев, которые бежали перед ним; поистине, таково было благоговение, внушенное священным предметом, которым он был вооружен, что никто не осмелился напасть на него или даже защищаться; так что после очень слабого сопротивления испанский офицер был убит. и его люди были вынуждены сдаться; и, чтобы спасти свои жизни, присоединиться к общему крику “Да здравствует герцог Браганса, король Португалии!”

Пинто, ворвавшись во дворец, встал во главе тех, кому предстояло атаковать Васконселлос, и двинулся с таким уверенным и решительным видом, что один из его друзей, которого он встретил на проходе, охваченный паникой, с трепетом спросил, куда он направляется с таким количеством вооруженных людей; и с какой целью они были созданы? На что он с улыбкой ответил: “Только для того, чтобы сменить твоего хозяина и, избавив тебя от власти тирана, передать тебя под власть законного государя!”

Войдя в апартаменты государственного секретаря, они были встречены у подножия лестницы гражданским судьей[19]Франсиско Соарес д'Альбергария, который только что покинул Васконселлос и, вообразив, что шум вызван какой-то частной ссорой, собирался вмешаться, но

его уши приветствовали повторяющиеся крики "Да здравствует!" герцог Браганса! он считал себя обязанным честью и возложенными на него обязанностями воскликнуть: "Да здравствует король Испании и Португалии!" Это выражение дорого ему обошлось, один из заговорщиков немедленно выстрелил в него из пистолета и тем самым присвоил себе заслугу наказания за акт лояльности, который теперь стал рассматриваться как преступление.

Первый секретарь госдепартамента Антонио Корреа, встревоженный выстрелом из пистолета, мгновенно подлетел к месту происшествия. Этот человек, подвергавшийся жестокостям своего господина и всегда относившийся к дворянам с явным презрением, был замечен доном Антонио де Менезесом сразу же после того, как он вонзил свой кинжал ему в грудь; но даже этого удара было недостаточно, чтобы убедить несчастного, что его власти пришел конец, ибо, не веря, что кто-то осмелится напасть на него, он решил, что его приняли за другого, и, надменно повернувшись к Менезесу, воскликнул: "Как! - воскликнул он. - Ты смеешь ранить меня?" На что он получил в ответ только повторные удары ножом, пока в изнеможении не рухнул на пол. Его раны, однако, оказались не смертельными, и в тот раз он избежал смерти, чтобы спустя некоторое время погибнуть еще более позорно от руки палача.

Избавившись таким образом от клерка, который мешал им подняться по лестнице, заговорщики влетели в квартиру секретаря. Его сопровождал Диего Гарсес Палья, капитан пехоты, который, увидев яростно наступающий отряд вооруженных людей, вскоре догадался, что они покушаются на жизнь Васконселлоса; и хотя у него не было особых обязательств перед этим министром, он великодушно воспротивился с мечом в руке их появлению в дверях, надеясь тем самым способствовать побегу секретаря; но, будучи раненым в руку мечом и подавленный численностью, он выбросился из окна и, к счастью, при падении почти не пострадал.

Толпа заговорщиков немедленно ворвалась в комнату и принялась жадно разыскивать Васконселлоса, каждый сгорал от нетерпения нанести первый удар; но после того, как они напрасно перевернули кровати, столы и заглянули в сундуки, они пришли в отчаяние, надеясь, что таким образом он избежит их мести; когда старая служанка, которой пригрозили немедленной смертью, указала на встроенный в стену шкаф, где он был найден скрытым под кучей бумаг.

Уверенность в своей участи лишила его дара речи; и главный камергер дон Родриго де Саа, сначала выстрелив в него из пистолета, остальные нанесли ему несколько ударов шпагами и, выбросив его из окна, закричали: "Тиран мертв; свобода навеки; да здравствует дон Иоанн, король Португалии!"

Эти крики были радостно подхвачены населением, увидевшим, как среди них упало тело. Они мгновенно ухватились за это и, казалось, соперничали друг с другом в том, чтобы отомстить за причиненные обществу обиды и положить конец правлению тирании.

Так пал Мишель де Васконселлос, который, хотя и родился португальцем, всегда был заклятым врагом своей страны и другом испанцев. Наделен непревзойденным гением управления делами, быстр, внимателен и непостижимо трудолюбив в бизнесе, плодотворен в вымогательстве денег у людей, следовательно, упрям, чужд жалости и способен на поступки самой утонченной жестокости. При таком расположении духа, не имея ни родственников, ни друзей, не существовало человека, который имел бы хоть малейшее влияние на его разум. К соблазнам удовольствий он был совершенно нечувствителен, и его никогда не беспокоили

угрызения совести, он накопил огромные сокровища при исполнении своих служебных обязанностей, большая часть которых теперь была разграблена разгневанными людьми, которые требовали права вершить правосудие и возмещать убытки, которые, как они утверждали, они понесли в ходе его правления.

Пинто, не теряя времени, присоединился к остальным заговорщикам, назначенным для захвата дворца и захвата личности вице-королевы. Прибыв на место, он обнаружил, что план уже был приведен в исполнение и что везде они были одинаково успешны. Действительно, как только они подошли к двери апартаментов принцессы, которые народ яростно угрожал поджечь, если их немедленно не откроют, вице-королева в сопровождении своих фрейлин и архиепископа Браги появилась у входа в свои покои, льстя себя надеждой, что ее присутствие успокоит знать и обуздает буйство черни; затем, подойдя к главным лицам среди заговорщиков, она обратилась к ним со следующими словами: “Я не могу претендовать на то, чтобы отрицать, господа, что секретарь справедливо навлекла на себя негодование народа тем, что жестокость и наглость его поведения, но теперь, когда его смерть освободила вас от столь одиозной администрации, ваше негодование, несомненно, должно быть смягчено; поэтому я советую вам подумать о том, что, хотя эти волнения в настоящее время могут быть объяснены ненавистью общественности к секретарю, они, если будут продолжаться, будут рассматриваться как акты мятежа; и я не смогу оправдать ваше поведение или заступиться за вас перед королем”. Дон Антонио де Менезес в ответ на эту речь заявил, что такое собрание выдающихся людей взяло в руки оружие не только для того, чтобы уничтожить отвратительного негодяя, который должен был погибнуть от рук палача, но что они собрались вместе, чтобы возложить корону на голову этого герцога Браганса; корону, которая была узурпирована у его семьи, на которую он один имел законные права и которую они решили вернуть ему, даже если в жертву будут принесены их жизни. Вице-королева попыталась ответить, сославшись на авторитет короля; но Алмейда, опасаясь, что более продолжительный разговор может привести к обескураживанию его партии, резко прервал ее, воскликнув, что португальцы больше не признают никакого другого монарха, кроме герцога Браганса. В тот же миг заговорщики единодушно закричали: “Да здравствует дон Иоанн, король Португалии!”

Вице-королева, увидев, что они преодолели все ограничения, сочла возможным добиться большего успеха в городе, где ее присутствие, вероятно, оказало бы некоторое влияние на горожан, когда заговорщики больше не поддерживали ее; поэтому она готовилась спускаться по лестнице; но дон Карлос де Норонья упросил ее вернуться в свои апартаменты, заверив, что с ней следует обращаться так же уважительно, как если бы она все еще оставалась правительницей страны; но что великой принцессе в высшей степени неприлично подвергать себя оскорблениям народа в первые моменты революции. , и чья грудь высоко бьется от желания свободы. Эти слова слишком ясно доказали, что она может считать себя пленницей: распаляясь от негодования, она надменно спросила: “И чего же тогда мне бояться людей?” - Ничего более, мадам, - яростно ответил Норонья, - кроме того, что они могут выбросить ваше высочество из окна.

Архиепископ Браги, дрожа от гнева при виде высказываний Нороньи, выхватил шпагу у солдата, стоявшего рядом с ним, и попытался пробиться сквозь толпу заговорщиков, чтобы отомстить за оскорбления, нанесенные вице-королеве. Это усилие едва не стоило ему жизни, когда дон Мишель д'Алмейда, крепко обняв его, убедительно попросил подумать об опасности, которой он себя подвергает, и, насильно оторвав его от себя, в очень резких выражениях показал, что

его жизнь висела на тончайшем волоске, что ему стоило величайшего труда уберечь ее от ярости заговорщиков, которым его личность была достаточно отвратительна, не раздражая их еще больше бесплодной храбростью, весьма неподобающей человеку с его священным характером. Эти увещевания вынудили его отступить и даже скрыть свою ярость, надеясь, однако, что время предоставит ему благоприятную возможность отомстить Норонье и доказать свою приверженность интересам Испании.

Все оставшиеся испанцы, как во дворце, так и в городе, были захвачены заговорщиками. Маркиз де ла Пеубла, мажордом вице-королевы и старший брат маркиза де Леганеса; дон Дидасе де Карденас, генерал кавалерии; дон Фернандо де Кастро, контролер военно-морского флота; маркиз де Байнетто, итальянец и начальник конницы вице-королевы, с несколькими военно-морскими офицерами, находившимися тогда в порту, были взяты в плен; и это с таким трудом и так спокойно, как будто их взяли по приказу короля Испании. Большая часть, действительно, не могла оказать никакого сопротивления, находясь в постели, и никто не пытался проявить себя в их пользу.

Антонио де Салданья во главе своей партии, сопровождаемый толпами народа, проследовал к верховному трибуналу *Реласаона*, где он обратился к собравшимся с речью о счастье, ожидающем португальцев в результате восстановления их законного короля, уничтожения тирании и восстановления законов страны под управлением справедливого и мудрого принца, законов, которым так долго бросали вызов.

Эта речь была встречена всеобщими аплодисментами и сопровождалась самыми оживленными возгласами в пользу нового короля. Гонсало де Соуза, первый президент этого суверенного суда и отец историка с тем же именем, с которым мы часто консультировались в ходе этой работы, немедленно обнародовал свои указы от имени дона Иоанна, короля Португалии.

В то время как Антонио де Салданья был, таким образом, занят тем, что добивался от трибунала *Реласаона* признания герцога Браганса своим сувереном, дон Гастон Коутиньо освободил заключенных, удерживаемых жестокостью испанских министров. Эти несчастные, так внезапно освобожденные из страшной темницы, постоянно думая о скорой смерти, и восстановленные в правах, которыми теперь наслаждалась их страна, были так благодарны своим избавителям и так опасались снова попасть в руки своих мучителей, что сформировали другую группу заговорщиков, не менее озабоченных тем, чтобы обеспечить трон герцогу Браганса, чем группа знати, которая первоначально планировала революцию.

Как ни велика была радость заговорщиков по поводу успеха их предприятия, Пинто и вожди не были свободны от беспокойства. Цитадель все еще оставалась во владении испанцев, которые могли бы оттуда легко обстрелять город и заставить жителей жестоко раскаяться в той безрассудной радости, которую они проявили по этому поводу. Это также могло бы обеспечить доступ к королю Испании и позволить ему восстановить свою власть. Поэтому было решено, что без того, чтобы они могли стать хозяевами этого места, их прежний успех им ничего не даст; соответственно, они немедленно отправились к вице-королеве и потребовали приказа для губернатора эвакуировать цитадель и передать ее в их распоряжение. Это предложение она немедленно отвергла и, упрекнув их в том, что они мятежники, с негодованием спросила, намерены ли они сделать ее соучастницей своих преступлений. Альмада, разгневанный ее отказом, с огнем в глазах яростно поклялся, что, если она сию же минуту не подпишет приказ,

он прямо вонзил нож в сердце всем пленным испанцам. Принцесса, напуганная его жестокостью и дрожащая за жизни стольких выдающихся людей, льстила себя надеждой, что губернатор слишком хорошо знает свой долг, чтобы выполнить приказ, который, как он должен быть уверен, был вырван у нее силой; поэтому она подписала бумагу, которая, однако, произвела совсем не тот эффект, которого она имела основания ожидать. Губернатор, дон Луис де Кампо, испанец по происхождению и от природы робкий и нерешительный, увидев вооруженных заговорщиков у ворот цитадели, сопровождаемых огромной толпой людей, которые угрожали изрубить его на куски вместе с остальным гарнизоном, если он немедленно не сдастся, счел себя слишком счастливым, чтобы так легко спастись и найти такое благовидное оправдание своему трусливому поведению. Соответственно, он сдал цитадель; и заговорщики, преодолев таким образом все препятствия, послали Мендосу и великого егеря сообщить герцогу Браганса о своем успехе и заверить его от имени горожан, что теперь для их счастья не требуется ничего, кроме присутствия их государя. Его присутствие, однако, не было одинаково желанным для всех: вельможи королевства смотрели на его продвижение с тайной завистью, а те вельможи, которые не были вовлечены в заговор, хранили глубокое молчание, что доказывало их неуверенность в событии столь экстраординарного дела. Некоторые из них даже осмелились заявить, что они далеко не уверены, что герцог одобрит столь смелое предприятие, за которым неизбежно последуют самые ужасные последствия. Фавориты и приверженцы испанцев были встревожены еще более жестоко; и, не осмеливаясь показаться народу, который, опьяненный их недавно обретенной свободой, не преминул бы оскорбить их, они постоянно оставались взаперти в своих покоях, ожидая в величайшем волнении ответа герцога, который определил бы их судьбу и научил их, на что им следует надеяться или чего опасаться после завершения его замыслов. Тем временем свита герцога, прекрасно осведомленная о его намерениях, продолжила свои действия и собралась во дворце, чтобы отдать распоряжения о ведении государственных дел до прибытия его величества.

Архиепископ Лиссабона был единогласно объявлен президентом совета и генерал-лейтенантом короля. Прелат сначала отказался от этой чести, возразив, что нынешнее положение города, да и всего королевства, требует больше способного полководца, чем человека с таким священным характером. Однако в конце концов он, под предлогом того, что уступает просьбам своих друзей, согласился подписать приказы при условии, что архиепископ Браги будет действовать как его коллега во всех делах и отправках, которые необходимо ускорить до прибытия короля. Таким образом, этот хитрый и расчетливый церковник льстил себя надеждой, что, притворившись разделяющим с ним власть, архиепископ Браги станет его сообщником, следовательно, преступником в глазах испанцев, и особенно, если он примет пост губернатора, который, как он решил, должен быть всего лишь номинальным достоинством: и если он откажется от него, он не только навсегда потеряет себя с герцогом, но и станет ненавистным для всей Португалии и будет рассматриваться как объявленный враг своей страны.

Архиепископ Браги прекрасно осознавал расставленную ему ловушку; но его привязанность к вице-королеве связывала его с интересами Испании, и он наотрез отказался принимать хоть малейшее участие в управлении государством. Таким образом, вся тяжесть дел легла на архиепископа Лиссабона; дон Мишель д'Алмейда, Пьер де Мендоса и дон Антонио д'Алмада были назначены государственными советниками.

Новое правительство начало свои операции с того, что завладело тремя большими испанскими галионами, стоявшими в порту Лиссабона. По этому случаю было отправлено несколько вооруженных судов, снаряженных более молодой частью жителей, которым не терпелось проявить себя в столь важном деле; но их рвение не имело возможности проявить себя, поскольку галионы были неспособны к сопротивлению, а офицеры и большая часть матросов были взяты в плен при первом раскрытии заговора.

В тот же вечер во все провинции были разосланы курьеры, чтобы привлечь население к публичному вознесению благодарности Всемогущему Богу за восстановление их свободы; провозгласить герцога Браганса королем Португалии и обеспечить безопасность всех испанцев по всему королевству. В Лиссабоне были сделаны великолепные приготовления к приему нового монарха, прибытия которого ожидали с часу на час; и архиепископ сообщил вице-королеве, что ей необходимо покинуть дворец, который теперь должен быть занят королем и его домочадцами. Для нее были приготовлены апартаменты в королевском дворце Хабрегас, на другом конце города, куда она отправилась, получив послание архиепископа, и прошла через город с надменным видом, не произнеся ни единого слова; сцена действительно была совершенно иной, и вдали от свиты придворных, которые обычно ожидали ее у подножия лестницы, ее почти не сопровождал никто из слуг. Один только архиепископ Браги привел доказательства своей постоянной привязанности, о чем он публично засвидетельствовал в тот момент, когда его ревность к ее интересам, вероятно, могла стоить ему жизни.

Тем временем герцог Браганса был жертвой самой мучительной неопределенности: его разумом овладевали то надежды, то страхи. Невозможность получить оперативные сведения на Вилле Викоза, в тридцати лье от Лиссабона, усилила его тревогу, которая стала невыносимой при мысли о том, что его судьба зависит от событий текущего момента. Его первым намерением, как уже упоминалось, было вызвать восстание во всех городах, находящихся в его подчинении, в тот самый день, когда заговорщики должны были начать свои операции в Лиссабоне; но впоследствии он счел более благоразумным дожидаться сведений из этого города, чтобы обеспечить отступление в случае неудачи либо в королевстве Алгарве, либо в городе и цитадели Эльвас, которые по праву принадлежали ему; он даже считал возможным убедить испанцев, если события потребуют этого, что он не участвовал в заговоре; особенно учитывая интересы Испании. принадлежность к этой нации, естественно, побудила бы их желать ему невинности.

В таком смятенном состоянии духа он отправил разных курьеров по дороге в Лиссабон, но, хотя он ежечасно ожидал новостей, весь день и часть ночи прошли в том же ужасном напряжении; пока, наконец, Мендоса и Меллу, которые путешествовали со всей возможной быстротой, не появились и, почтительно бросившись к его ногам, с самым живым выражением радости, сияющим на их лицах, убедили его более убедительно, чем словами, что теперь он может считать себя королем Португалии. Эти дворяне начали рассказывать обо всем, что произошло, но принц нетерпеливо прервал их и повел в апартаменты герцогини, где они приветствовали ее с таким уважением, как будто уже восседали на троне Португалии, заверяя ее в верности и привязанности ее новых подданных; и в доказательство того, что она признана суверенной, обратились к ней титулом величества, который был еще более приятен для ее слуха, поскольку короли Португалии прежде удостоивались только титула высочества.

Легко судить о восторге этих принца и принцессы, которые были таким образом избавлены от состояния самой жестокой тревоги и так счастливо вознесены на такую высоту величия. Замок огласился радостными возгласами, и вскоре великолепная новость разнеслась по окрестностям. В тот же день он был провозглашен королем во всех подвластных ему городах; и Альфонсо де Мелло провел ту же церемонию в городе Эльвас. Толпы людей из этих разных мест стекались, чтобы засвидетельствовать почтение своему новому государю; и эти первые знаки долга и привязанности, хотя и оказанные поспешно и сбивчиво, отозвались большим чувством в сердце принца, чем то, что он впоследствии получил во всем блеске государственного положения и церемонии.

Архиепископ-регент, с нетерпением ожидавший прибытия нового короля, отправлял курьера за курьером, чтобы подчеркнуть огромную важность его немедленного появления в Лиссабоне. Последний из этих курьеров встретился ему в понедельник на равнине Монтемор, на полпути от Вилья-Викозы, где этот робкий принц, чтобы скрыть истинную цель своего путешествия, притворился, что занят соколиной охотой; но как только он распечатал депеши регента, он отправился с почтой в Альдеа-Галега, в десяти лигах от того места, где он тогда находился; и, найдя по прибытии лодку и двух рыбаков, он сел в нее и переправился через Тахо, в том месте шириной в три лиги, в Лиссабон.

Г-н д'Эбланкур, посланник Людовика XIV при португальском дворе, рассказывает в своих мемуарах, что герцог Браганса высадился во дворе дворца, который образует длинную площадь, окруженную с трех сторон дворцом Альфандега и различными частными домами, в то время как четвертая открыта для Тежу, от которого она отделена террасой, огражденной стеной, что эта очень просторная площадь была запружена людьми всех мастей, которые в течение последних двух дней находились в постоянном ожидании принца, постоянно поворачивая лица к Альдеа-Галега; но ни у кого из них, добавляет этот автор, не было ни малейшего подозрения, что в маленькой рыбацкой лодке, направлявшейся к берегу, находился их король, который незамеченным пересек площадь и не был известен народу, пока он не вззошел на нечто вроде строительных лесов, на которых был установлен трон, после чего португальцы приветствовали его и провозгласили королем со всеми проявлениями радости.

В ту ночь в самых людных частях города были устроены великолепные фейерверки, и пылали костры, особенно перед домами горожан, каждый из которых был так ярко освещен восковыми лампами и факелами, что весь город выглядел как всеобщий пожар. Это обстоятельство заставило испанца заметить, что этому принцу действительно повезло, и он купил прекрасное королевство за бесценок.

Всеобщее восстание по всей Португалии было непосредственным следствием восстания в Лиссабоне; и революция завершилась так быстро, что казалось, будто каждый город королевства не ждал ничего, кроме примера из столицы, чтобы взяться за оружие в пользу герцога. К этому принцу ежедневно отправлялись курьеры с известиями о том, что испанцы изгнаны из различных провинций и городов, все из которых были готовы признать его своим королем. Начальники фортов и других укрепленных пунктов проявили так же мало решимости, как комендант цитадели в Лиссабоне, и то ли из-за недостатка войск, храбрости или боеприпасов они позорно сдались; большая часть из них не сделала ни единого выстрела. Все, казалось, опасались разделить участь Васконселлоса и трепетали, подвергаясь ярости разъяренного населения. Они действительно покинули Португалию со всей поспешностью и

трепетом преступников, сбежавших из тюрьмы, и менее чем через две недели в королевстве не осталось ни одного испанца.

Один только дон Фернандо де ла Куэва, который был губернатором цитадели Святого Жоама в устье Тежу, казалось, был решительно настроен противостоять всеобщей революции и сохранить вверенное ему место для короля, своего повелителя. Его гарнизон состоял из испанцев, которые, сражаясь под командованием храбрых офицеров, энергично сопротивлялись первой атаке португальцев. Тогда было признано необходимым начать регулярную осаду, и из Лиссабона были присланы пушки, они открыли траншеи и прорвались через контрэскарп, несмотря на непрерывный огонь и частые вылазки осажденных; но переговоры, как всегда самый безопасный и, как правило, самый короткий способ покончить с делами такого рода, король предложил губернатору такие выгодные условия, что тот оказался больше не в состоянии сопротивляться; он был, действительно, настолько ослеплен заманчивыми обещаниями значительной суммы денег и командорства в ордене Христа, что заключил договор, и сдал цитадель под предлогом недостаточности своих войск для ее защиты, хотя главные офицеры гарнизона отказались подписать капитуляцию.

Король счел неуместным откладывать свою коронацию, которая укрепила бы его королевское достоинство и сделала бы его личность более священной в глазах его народа, назначил церемонию на пятнадцатое декабря, когда она состоялась со всей возможной пышностью[20]. Присутствовали герцог д'Авейру, маркиз де Вилья-Реаль со своим сыном герцогом де Каминья, граф де Монсам и все другие вельможи королевства. Его величество был принят у ворот собора архиепископом Лиссабона во главе духовенства и несколькими другими епископами; генеральные штаты страны торжественно признали его королем Португалии, и все они немедленно принесли присягу на верность.

Через несколько дней королева в сопровождении многочисленной свиты прибыла в Лиссабон. На некотором расстоянии ее встречал весь двор, и в ее свите уже были офицеры, назначенные для ее прислуги. Сам король выехал из Лиссабона, чтобы встретить ее; он действительно хотел не только отнестись к ней со всем великолепием, подобающим ее новому сану, но и каждым своим поступком доказывать ей, что считает себя в большом долгу перед ней за свою корону. Эта принцесса была наделена таким врожденным достоинством и проявляла такое величие и нежность, что, казалось, была рождена для того, чтобы украшать трон, который она сейчас так счастливо занимала.

Таким образом было прекращено предприятие, которое проводилось со степенью секретности, которая кажется почти чудесной, учитывая количество и различные описания лиц, которым оно было доверено. Однако это было естественным следствием столь давнего и широко распространенного отвращения к испанскому правительству; отвращения, которое возникло при первом установлении монархии из-за частых войн между этими соседними нациями; которое значительно усилилось из-за торговых споров и соперничества, вызванного открытием Америки; и которое, с тех пор как португальцы перешли под власть Кастилии, превратилось в самую смертельную ненависть.

Весть об этом внезапном перевороте вскоре достигла испанского двора. Премьер-министр был невыразимо огорчен и доведен до отчаяния тем, что его планы были таким образом обмануты. Король, его повелитель, находился в тот момент в столь неприятном положении, что ему не нужно было ничего нового, чтобы усугубить свои затруднения; у него было достаточно дел,

чтобы защищаться от Франции и Голландии, а пагубный пример, поданный мятежными каталонцами, наполнил его разум самыми тягостными предчувствиями.

Из всего его двора только король оставался в неведении об этом важном событии, никто не осмеливался заговорить с ним на эту тему из страха вызвать гнев министра, который нелегко простил бы такое служебное рвение. Однако об этом деле заговорили так публично, что все надежды на более длительное сокрытие оказались тщетными; и граф-герцог, опасаясь, что кто-нибудь из его врагов может раскрыть это дело способом, невыгодным для его интересов, решил первым сообщить об этом его величеству; но, будучи прекрасно знаком с характером этого принца, он ухитрился представить дело в такой искусной манере, что король поначалу не осознал масштабов своего несчастья: “Сир, - сказал он, обращаясь к нему с уверенным видом и открытым выражением лица, - я не знаю, что случилось. пришел поздравить вас с удачным событием, ваше величество только что получили значительную голландскую собственность и несколько очень прекрасных поместий. “Каким образом, граф?” ответил король, крайне удивленный этими словами. “Герцог Браганса, - продолжал министр, - безумно поддался соблазну народа, провозгласившего его королем Португалии; поэтому его владения конфискованы и переходят в собственность вашего величества, который, путем полного уничтожения этой семьи, в будущем будет безопасно и мирно править этим королевством”.

Однако этот принц, несмотря на слабость своего характера, не был настолько ослеплен открывшимися перед ним великолепными перспективами, чтобы поверить, что такие блестящие надежды могут быть осуществлены без величайших трудностей; но, давно привыкнув рассматривать объекты с той же точки зрения, что и его министр, он просто ответил, что необходимо как можно скорее подавить восстание, которое в противном случае могло бы сопровождаться самыми опасными последствиями.

Тем временем король Португалии проявлял особую активность в том, чтобы распорядиться всем таким образом, чтобы обезопасить свой недавно приобретенный трон и поставить его на самое прочное основание. Сразу по прибытии в Лиссабон он назначил губернаторов во все приграничные города и позаботился о выборе верных, храбрых и опытных людей, которые отправились прямо к своим соответствующим правительствам в сопровождении достаточного количества военных и, не теряя времени, укрепили и привели в наилучшее состояние обороны различные места, вверенные их ведению. Его величество также отдал многочисленные распоряжения по набору войск и созвал генеральные штаты страны сразу после своей коронации. Затем он приказал строго изучить его притязания на корону, чтобы в сердцах португальцев не осталось ни малейших сомнений по этому поводу. Затем состоялся торжественный акт, в результате которого принцесса, его мать, признала его законным королем Португалии как потомка младенца Эдуарда, сына короля Эммануила; таким образом, исключая короля Испании, который происходил от дочери упомянутого Эммануила; эта дочь, вышедшая замуж за иностранного принца, была, согласно основным законам Португалии, лишена возможности править этим королевством^[21].

Его величество объявил на этом собрании, что поскольку продукции его собственных родовых поместий достаточно для содержания его семьи, он должен оставить все королевские владения, или земли короны, для использования королевством в целом; и чтобы доказать народу, чего ему следует ожидать от мягкости и справедливости его правительства, он отменил все налоги, столь сильно наложенные на них испанцами.

Главные государственные должности были предоставлены тем заговорщикам, которые проявили наибольшее рвение в его деле. Пинто, однако, не принимал участия в этих различных повышениях, король благоразумно рассудил, что его авторитет еще недостаточно укрепился, чтобы позволить ему назначить одного из своих слуг неблагородного происхождения на большую и ответственную должность; но это не помешало ему иметь величайшее влияние на умы его величества и, более того, на все королевство; ибо, хотя он не мог похвастаться титулом министра или государственного секретаря, тем не менее, его хозяин пользовался таким глубоким доверием, что он выполнял все функции этих двух великих должностей.

Устроив таким образом все к своему удовлетворению во внутренних районах своего королевства, он усердно старался заключить строгий союз со всеми врагами короля Испании и даже, если возможно, привлечь к себе новых. Поэтому он попытался убедить своего шурина, герцога Медина Сидония, который был губернатором Андалусии, сделать себя независимым в этой провинции, или, другими словами, последовать его примеру и взять на себя верховную власть. Маркиз д'Айамонте, испанский дворянин, состоявший в родстве с королевой Португалии, был задействован в этих переговорах, об успехе которых станет известно в продолжении этой работы.

Новый король Португалии разослал послов ко всем дворам Европы, чтобы убедить их признать его суверенитет. Он провел лигу, наступательную и оборонительную, с голландцами и каталонцами; ad он был уверен в защите Франции^[22]. Король Испании явил величайшее доказательство своей слабости, так и не предприняв решительного нападения на границы Португалии в течение всей кампании, что, скорее всего, объяснялось тем, что восстание в Каталонии задействовало все его силы; что бы он ни предпринимал, всегда оказывалось безуспешным, и его войска никогда не получали ни малейшего преимущества. Некоторое время спустя были получены разведданные о том, что Гоа и все другие страны, подвластные португальскому правительству, будь то Индия, Африка или Перу, присоединились к революции в метрополии. Таким образом, все, казалось, объединилось, чтобы обеспечить королю Португалии череду удач, мирное правление дома и победы за границей; когда посреди такого кажущегося счастья он был на грани потери своего скипетра вместе с жизнью посредством отвратительного заговора, тайно составленного не только в Лиссабоне, но даже в центре его двора.

Архиепископ Браги был, как уже упоминалось, креатурой Испании. Он был одним из министров этой страны в Португалии и не надеялся на восстановление в должности, если только испанское правительство не будет восстановлено. Он действительно опасался, что, хотя новый король до сих пор, казалось, уважал его священный характер, воздерживаясь от того, чтобы заставить его разделить тюрьму, в которую он приговорил испанцев, он, скорее всего, подвергнется такому же позору, как только король убедится в прочности своего правительства. Но что главным образом побудило его предпринять серьезную попытку в пользу Испании, так это его неизменная привязанность к вице-королеве: он был в отчаянии при мысли о том, что она была пленницей в стране, над которой, по его мнению, она имела право царствовать; и его негодование возросло до еще большей степени из-за того, что ему не разрешили с ней увидеться. Действительно, не только он, но и все другие выдающиеся личности, которым поначалу было разрешено посещать ее, получили такой же запрет; было достаточно доказано, что принцесса злоупотребила снисхождением, предоставленным ей его величеством, и использовала любую возможность, чтобы подстрекать португальцев к восстанию против его

власти. Архиепископ расценил такое поведение как невыносимо тираническое. Эта принцесса, в его воображении, казалось, обращалась к нему одному за защитой и просила освободить ее из его рук в обмен на те милости, которые она так постоянно оказывала ему; воспоминание о ее доброте подлило масла в огонь, который пожирал его, и заставило его решиться на все, чтобы доказать свою благодарность и отомстить за нанесенные ей обиды; но поскольку вряд ли было возможно ни заставить врасплох, ни подкупить охранявших ее стражников, он был полон решимости сразу же поразить в корень зло и смертью короля освободить принцессу и ее детей. восстановите ее авторитет.

Приняв это решение, он задумался, каким способом он мог бы наилучшим и скорейшим образом осуществить свой замысел: у него были все основания полагать, что он недолго будет наслаждаться должностью президента дворца и что, скорее всего, ему придется удалиться в Брагу. Ненависть народа к испанцам была такова, что он очень хорошо знал, что привлечь их на свою сторону будет невозможно, следовательно, он не мог принять меры, столь успешно принятые его величеством; и дворяне не согласились бы на его предложение, поскольку они были основным средством возвести его на трон. Его единственным ресурсом тогда были вельможи; большая часть из которых, не только не внесшая вклада в революцию, но и весьма недоброжелательно подчинившаяся возвышению дома Браганса. Заручившись покровительством испанского министра, он обратился к маркизу де Вилья-Реалю, которому сообщил, что новый король, от природы робкий и подозрительный, никогда не упустит случая унижить свою семью, чтобы его преемник не пострадал от таких могущественных подданных; что герцог д'Авейру и он сам, хотя оба принцы крови, не занимали ни одной из высших государственных должностей, поскольку все подобные отличия были дарованы в качестве награды племени мятежников; что все здравомыслящие люди были шокированы тем, что принц, подобный маркизу де Вилья-Реалю, встретился с таким могущественным подданным. с таким презрительным обращением и влачит постыдное бездействие в центре своей провинции: что его высокое происхождение и огромные богатства ставят его выше подчинения власти мелкого короля; и что он потерял в лице испанского монарха единственного суверена, который, имея так много различных королевств и правительств, мог бы поставить его в положение, соответствующее достоинству его происхождения.

Архиепископ, заметив, что его речь произвела немалое впечатление на Вилья-Реаля, сообщил ему, что он получил приказ от короля Испании пообещать ему вице-королевский титул Португалии в награду за его верность; однако он был далек от намерения даровать ему это звание, не имея другой цели, кроме как добиться свободы герцогини Мантуанской и восстановить ее в ее прежнем положении; но необходимо было соблазнить Вилья-Реаля самыми блестящими перспективами, и ему это так хорошо удалось, что он решил, что Вилья-Реаль должен быть освобожден. он согласился поставить себя вместе со своим сыном, герцогом де Каминья, во главе этого заговора.

Однажды заручившись поддержкой этих двух принцев, его следующей заботой было заручиться поддержкой своего близкого друга, великого инквизитора, в своих интересах. Привлечение такого человека в партию имело величайшее значение, поскольку его примеру, несомненно, последовали бы все офицеры инквизиции; группа людей, которые все еще более опасны для добрых, чем для злых, и которые обладают наибольшим влиянием на умы португальцев. Архиепископ сослался на соображения совести, чтобы побудить их присоединиться к его предприятию; и напомнил им об их клятве верности королю Испании,

которую никогда не следует нарушать в пользу мятежника: к этим аргументам он добавил более весомый - корыстный, представляющий, что *ни один* из них не мог разумно рассчитывать на то, что сможет сколь-нибудь долго занимать свой нынешний пост при правителе, который никогда не упускал случая занять все должности у своих личных друзей и фаворитов.

Прошло несколько месяцев, и число заговорщиков увеличилось; среди них главными были комиссар де ла Крусада; граф д'Армамар, племянник архиепископа; граф де Баллере; дон Августин Эммануэль; Антонио Корреа, клерк Васконселлоса, которого Менезес заколол при первом раскрытии заговора, в результате которого на трон взошел дон Иоанн; и Лоран Пирес де Карвалью, хранитель королевской казны; все они были выходцами из Испании, обязанными своим положением и состоянием Васконселлосу. эта страна, и у кого могло быть мало надежд на их сохранение, кроме как путем восстановления кастильского правительства.

Евреи, которые в большом количестве проживают в Лиссабоне и внешне придерживаются христианской религии, также были вовлечены в этот заговор. Недавно они предлагали огромные суммы его величеству, чтобы заставить его положить конец преследованиям инквизиции и позволить им публично исповедовать свою религию: эти предложения были отклонены, и негодование, которое они испытывали по этому поводу, стало для архиепископа отличной почвой, на которой он мог строить свои надежды склонить их присоединиться к его партии. Поэтому он организовал частные встречи с некоторыми руководителями, которые были в величайшем трепете из-за столь несвоевременного заявления о себе; этот неосторожный поступок не мог не подвергнуть их всей злобе и жестокости инквизиции. Хитрый прелат воспользовался их страхами и пообещал им защиту великого инквизитора, который, как они хорошо знали, был в его распоряжении, если они согласятся с его планом; в то же время он встревожил их вероятностью изгнания из Португалии принцем, столь преданным католической вере; в то же время, если бы их можно было убедить помочь в восстановлении старого правительства, он рискнул бы потребовать от имени короля Испании, чтобы им была предоставлена не только свобода совести, но и синагога и все другие поблажки, которые они могли бы получить. требовать. Воистину, таковы были жестокость и злобность этого священника, что он не постеснялся объединиться с врагами Христа, чтобы свергнуть своего законного государя.

Этот пример, пожалуй, можно привести как единственный, когда инквизиция и синагога действовали согласованно и искренне объединились для продвижения одного и того же дела.

Заговорщики, обсудив несколько различных планов обеспечения успеха своего предприятия, в конце концов приняли один, предложенный архиепископом, который консультировался по этому поводу с главным испанским министром. Поэтому было единодушно решено, что пятого августа евреи должны поджечь не только четыре угла дворца, но и несколько других домов в городе, что позволит людям быть в достаточной степени занятыми в своих разных помещениях, не обращая внимания на то, что происходит во дворце, куда заговорщики должны были немедленно направиться под предлогом попытки потушить пламя; но посреди спешки и неразберихи, вызванных столь ужасным событием, они должны были искать возможности приблизиться к королю и нанести ему удар в сердце, чтобы заговорщики не пострадали. в то время как герцог де Каминья должен обезопасить личность королевы вместе с личностями молодых принцев, ее сыновей, чтобы воспользоваться тем же преимуществом в их положении, которым воспользовалась принцесса Мантуанская, чтобы принудить к сдаче цитадели. В то же

время для поджога флота должны были быть использованы пожарные машины; и архиепископ вместе с великим инквизитором и офицерами святого братства должны были пройти парадом по улицам, чтобы предотвратить какие-либо волнения среди людей, которые никогда бы не отважились принять активное участие в этом деле из-за своего естественного страха навлечь на себя негодование инквизиции. Маркиз де Вилья-Реаль должен был быть назначен губернатором королевства до тех пор, пока испанский монарх не сообщит о своих намерениях относительно мер, которые должны быть приняты по столь важному случаю.

Однако не было уверенности в том, что народ выступит в их пользу: поэтому было сочтено необходимым предоставить войска для принуждения их к повиновению. Соответственно, они решили обратиться к графу-герцогу с просьбой привлечь его к отправке значительного флота на побережье; который затем был бы готов войти в порт при первом раскрытии заговора; и сразу же после получения известия об их успехе ему было предложено направить войска к границам, чтобы усмирить всех и каждого, у кого возникнет искушение оказать какое-либо дальнейшее сопротивление. Этот план, однако, было легче придумать, чем осуществить, поскольку заговорщикам было чрезвычайно трудно поддерживать какую-либо тайную переписку с премьер-министром; король выставил охрану на границах вследствие сделанного им открытия о том, что принцесса Мантуанская написала в Мадрид строжайший приказ никому не позволять покидать королевство без его прямого разрешения. Любая попытка подкупить этих охранников может быть сопряжена с опасностью, поскольку те, кто предал своего государя, могут также предать их и передать их письма, в которых в то же время описываются методы, использованные для того, чтобы отвлечь их от исполнения долга.

Абсолютная необходимость как можно скорее ознакомить премьер-министра со своими намерениями, без чьей помощи их заговор неминуемо провалился бы, побудила их довериться богатому лиссабонскому купцу, который был казначеем таможни и чья обширная торговля по всей Европе побудила его величество предоставить ему особую привилегию переписки с Кастилией. Этот человек, которого звали Баэсе, публично исповедовал христианскую религию; но, будучи одним из тех, кого в Португалии называют *новыми христианами*, его обычно подозревали в тайном соблюдении обрядов еврейской церкви. За участие в заговоре ему была предложена очень крупная сумма, которая, в сочетании с увещеваниями тех евреев, которые были посвящены в тайну, убедила его принять их предложения и взяться за передачу их писем графу-герцогу д'Оливаресу.^[23]

Поскольку Баэса был обвинен в получении пакета, он направил его маркизу д'Айамонте, губернатору первого пограничного города Испании, в полном убеждении, что, благополучно покинув Португалию, больше не может быть причин для опасений; но маркиз, который был близким родственником королевы Португалии и фактически вел переговоры с новым королем, как только увидел большую печать инквизиции Лиссабона, вскрыл письма, опасаясь, что в них может содержаться что-либо, относящееся к его тайной переписке с королем и королевой Испании. Португалия; и узнав о готовящемся заговоре, целью которого было уничтожение короля и всей королевской семьи, он немедленно отправил пакет обратно его величеству, чье изумление было невыразимо, когда, прочитав эти письма, он понял, что принцы его крови, архиепископ и несколько придворных вельмож, все из которых демонстрировали величайшую

радость по поводу его продвижения, сговорились не только лишить его короны, но и положить конец его существованию.

Был немедленно созван его тайный совет, и принятые на нем решения были через несколько дней приведены в исполнение. Поскольку, согласно перехваченным письмам, заговорщики назначили начало своих операций на одиннадцать часов вечера пятого августа, его величество под предлогом общего смотра в большом дворе дворцасозвал все войска, расквартированные по соседству, в десять часов того же утра. Он также собственноручно и тайно передал несколько запечатанных записок тем из своих придворных, которые, как он знал, были наиболее привязаны к его особе, со строгими приказами не открывать соответствующие письма до двенадцати часов дня, когда содержащиеся в них приказы должны быть выполнены пунктуально и немедленно. Примерно в тот же час король, притворившись, что у него дела, послал за архиепископом и маркизом де Вилья-Реаль в свой кабинет, где их немедленно арестовали; в то же время капитан гвардии арестовал герцога де Каминья на рыночной площади. После того, как запечатанные бланки были вскрыты, лица, которым они были адресованы, в соответствии с их содержанием, отдельно схватили заговорщика и препроводили его в тюрьму, где его должны были строго охранять до дальнейших распоряжений; и такова была предусмотрительность мер, принятых в этом случае, и так добросовестно они были выполнены, что менее чем за час сорок семь заговорщиков были схвачены, не предприняв ни малейших усилий для осуществления их побега.

Народ при первом известии о заговоре шумно устремился ко дворцу и громко потребовал, чтобы изменники были немедленно выданы им. Но, хотя король был в восторге от привязанности, проявленной его подданными, он чувствовал себя неловко из-за такого множества людей, собравшихся столь внезапно; он опасался, что подобные волнения могут стать привычными и закончиться, как это всегда бывает, мятежом. Поэтому он, выразив свою признательность за их заботу о благополучии его личности и заверив их, что предатели понесут заслуженное наказание за свои преступления, отдал приказ магистратам разогнать их. Этот принц, однако, чтобы негодование народа не утихло и, как это часто бывает, его бешеная ярость по отношению к преступникам не сменилась чувством сочувствия, размышляя об их ничтожестве, счел уместным предать гласности, что замысел заговорщиков состоял не только в том, чтобы убить его вместе со всей королевской семьей, но и в том, чтобы поджечь город, когда все, что избежало ярости пламени, естественно, должно стать добычей мятежников: что Испания, чтобы предотвратить любые будущие заговоры и отомстить португальцам, должна была уничтожить их. они решили заселить город колонией кастильцев и перевезти всех жителей на рудники в Америку, где они будут похоронены заживо в тех ужасных пропастях, в которых они уже уничтожили так много несчастных человеческих существ.

Затем были назначены судьи для суда над заговорщиками; они были выбраны из суверенной палаты, но из-за архиепископа Браги, маркиза де Вилья-Реаль и герцога де Каминья было сочтено целесообразным назначить им двух грандов королевства в качестве коадьюторов.

Комиссары по этому поводу получили приказ от его величества не предъявлять перехваченные письма, за исключением случаев, когда это абсолютно необходимо для осуждения преступников, чтобы испанский суд не заподозрил, каким образом он завладел этими письмами, и не обнаружил его переписку с маркизом д'Айамонте. К счастью, однако, таких доказательств не требовалось, поскольку Баэса так явно противоречил сам себе в своих ответах

на основные допросы, что его подвергли пыткам, и как только несчастный почувствовал первые муки, мужество покинуло его, и он признался во всех подробностях заговора. Он знал о замысле убийства короля; заявил, что управление инквизиции хорошо обеспечено оружием и что они только ждут ответа от графа-герцога, чтобы привести свой план в исполнение.

Большая часть других заговорщиков, подвергнутых пыткам, подтвердили показания еврея; но архиепископ, великий инквизитор, маркиз де Вилья-Реаль и герцог де Каминья, чтобы избежать столь ужасного наказания, признали свою вину. Двое последних были приговорены к лишению головы, а остальные - к повешению и четвертованию; в то время как сам его величество должен был вынести приговор церковникам.

Вслед за этим король собрал свой совет и, обращаясь к своим министрам, заявил, что у него есть основания опасаться, что казнь стольких выдающихся людей может повлечь за собой опасные последствия: что главные заговорщики принадлежат к знатнейшим семьям королевства, их родственники, естественно, станут тайными врагами и что страсть мести, естественно, породит другой заговор; что казнь графа д'Эгмона во Фландрии и казнь Гизов во Франции были фатальными для дела, в поддержку которого они выступали; но что великодушное помилование, которое он думал даровать графу д'Эгмону во Фландрии. некоторые из них, вместе с наказанием, возможно, более суровым, чем смерть, которому он должен подвергнуть других, заинтересуют каждое сердце в его пользу и заставят даже заговорщиков, их родственников и друзей смотреть на него в будущем с благодарностью. Его величество, однако, добавил, что, хотя его склонности побуждали его прибегать к мягким мерам, он, тем не менее, собрал свой совет, чтобы ознакомиться с их мнением и последовать тому, что покажется наилучшим.

Маркиз де Феррейра впервые высказался по этому поводу, и проголосовал за скорейшее выполнение преступников; аллегри самым решительным образом, что государи, в таком случае, следует руководствоваться справедливостью покое; что помилование возможно, будут присутствовать опасные последствия, поскольку прощение предателей будет гораздо быстрее списать на слабость характера в принца, чем добродетельных; что правительство, которое допускаются такие преступления проходят безнаказанно, будет непременно будут презирать, и также призываем к отношениям по просроченным не только, чтобы попытаться освободить их из тюрьмы, но, чтобы нести их конструкции еще дальше; что пример жестокости, было совершенно необходимо его присоединения к короне, если бы только запугать окружающих от формирования земельных одну и ту же природу; короче говоря, что эти люди были не только предатели самому королю, а к государству, в котором они были на грани опрокидывания; и что его величество следует скорее рассматривать ответственности он задолжал своему народу, собрав их достойными наказания, чем заниматься по велению своего сердца, в случае, когда охрана его величества личности и общественной безопасности должны быть неразлучны. Это мнение было единогласно поддержано всеми членами совета, и король уступил их мнению, и на следующий день приговор был приведен в исполнение. Архиепископ Лиссабона, желая сохранить жизнь одному из своих друзей, обратился к королеве за помилованием и попросил об этой милости в полной уверенности, что услуги, которые он оказал дому Браганса, были такого характера, что ни одно его требование не могло быть отклонено. Но ее величество, которая была совершенно убеждена в необходимости и даже справедливости наказания таких предателей и которая ясно понимала, насколько различие в пользу одного из них разозлит друзей и родственников оставшихся заговорщиков (поскольку в этом случае, как и во многих

других, милосердие стало бы несправедливостью), решила в данном случае уступить природную мягкость своего характера высшим мотивам беспристрастного правосудия; и, повернувшись к прелату, с видом и тоном, исключаящими всякий ответ: “Архиепископ, - сказала она, - единственная услуга, на которую вы, возможно, можете рассчитывать от других заговорщиков”. я хочу, чтобы я забыл, что вы когда-либо говорили со мной на эту тему“.

Однако король из уважения к португальскому духовенству и даже для того, чтобы заручиться благосклонностью римского двора, который из уважения к австрийскому дому до сих пор отказывался принимать его послов, смягчил приговор, вынесенный архиепископу Браги и великому инквизитору, и приговорил их к пожизненному заключению. О болезни и смерти архиепископа вскоре было объявлено общественности: подобные события, как хорошо известно, часто случаются с некоторыми государственными заключенными, которым по политическим мотивам не позволяют погибнуть на эшафоте.

Способ, которым король Португалии узнал об этом заговоре, долгое время был неизвестен испанскому двору, и испанский монарх не узнал о человеке, отправившем письма архиепископа в Лиссабон, пока против него не сформировался другой заговор.

Король Португалии, как уже упоминалось, поддерживал постоянную переписку с врагами Испании; его порты были открыты для французского и голландского флотов; у него был резидент как в Барселоне, так и у повстанцев в Каталонии; и он не упускал из виду никаких средств посеять смуту в самом сердце Испании, чтобы занять ум Филиппа IV таким образом, чтобы у него не оставалось времени заниматься делами Португалии.

Новому монарху уже отчасти удалось посеять семена мятежа в груди своего шурина, герцога де Медина-Сидония; и они оба были уверены, что маркиз д'Айамонте, кастильский дворянин, завершил свое соблазнение. Этот последний был близким родственником королевы Португалии и герцога; а положение его поместья в устье Гвадианы, недалеко от границ Португалии, в значительной степени благоприятствовало его тайной переписке с этим двором. От природы честолюбивый, он желал увеличить свое состояние и льстил себя надеждой, что его собственное возвышение станет следствием возвышения двух домов Браганса и Медина-Сидония. Он был человеком смелого, предприимчивого характера, недовольным поведением премьер-министра и обладал тем совершенным безразличием к жизни, которое так необходимо всем тем, кто занимается великими и трудными делами.

Сразу же после раскрытия заговора архиепископа Браги маркиз д'Айамонте тайно написал герцогу де Медина-Сидония, поздравляя его со спасением его сестры, королевы Португалии, и остальных членов королевской семьи; в то же время намекая, насколько это его касается, что новый монарх должен сохранить корону, которая обязательно должна перейти к его собственным племянникам; и что Португалия, из-за ее близости к Кастилии, обеспечит ему отступление в любой чрезвычайной ситуации; особенно во время правления графа-герцога, высокомерие которого а деспотическая политическая система не имела другой цели, кроме как искать поводов для унижения вельмож. Он добавил также, что далеко не уверен в том, что министр, хотя и его родственник, надолго позволит ему наслаждаться управлением такой большой провинцией по соседству с Португалией; что этот предмет достоин его серьезных размышлений; и что, если герцог пожелает более полно ознакомиться с его чувствами по этому

поводу, он немедленно пошлет ему верного друга, которому он мог бы безопасно доверить свои самые сокровенные мысли.

Герцог де Медина-Сидония, от природы гордый и тщеславный, чья ревность была втайне вызвана королевским достоинством его шурина, вскоре понял, что письмо маркиза было лишь прикрытием для гораздо более глубоких замыслов; поэтому он немедленно отправил некоего Луи де Кастилия, своего доверенного лица, посоветоваться с ним по этому вопросу. Маркиз, предъявив свои верительные грамоты, не постеснялся обнажиться; и после того, как ему напомнили о легкости, с которой герцог Браганса взшел на трон Португалии, он добавил, что герцог Медина-Сидония не мог выбрать более благоприятный момент для обеспечения благополучия своего дома и для того, чтобы сделать его навсегда независимым от короны Испании. Затем он заявил, что длительная война с Францией и Голландией почти истощила силы короля, большая часть которых по необходимости была задействована в Каталонии; что наступил благоприятный момент для того, чтобы поднять восстание в Андалусии и перенести войну в самый центр королевства; что народ, всегда любящий новшества и обремененный налогами, с удовольствием подчинился бы смене правительства; и что герцога де Медина-Сидония любили в Кастилии не меньше, чем Брагансу в Португалии. Однако было бы необходимо привлечь его вице-губернаторов в своих интересах, хотя и не посвящая их в свою тайну; что ему ничего не оставалось делать, кроме как расставить своих партизан на наиболее важные посты; тогда у него не возникло бы трудностей с получением галеонов, которые ежедневно ожидалось из Индии; и что король Португалии помог бы ему в его замысле, послав в Кадис большой флот, состоящий не только из его собственных судов, но и из судов его союзников, имея на борту сухопутные войска, которые вскоре подчинили бы всех и каждого, достаточно опрометчивых, чтобы сделать бессильными. усилия в поддержку их верности королю Испании.

Рассказ об этом разговоре воспламенил честолюбие герцога, и при мысли о короне у него закружилась голова. Его пост лорда-верховного адмирала и губернатора Кастилии отдал под его командование морские и сухопутные силы. Он был владельцем значительных городов и обширных владений, все из которых наделяли его почти абсолютной властью; и таким образом, в первом порыве своих честолюбивых замыслов он был вынужден поверить, что только от него зависит стать хозяином короны и не иметь никого выше в провинции Андалусия.

Луи де Кастиль был немедленно отправлен еще раз к маркизу д'Айамонте с заверениями в том, что полностью разделяет его взгляды, а также проконсультироваться с ним о мерах, которые следует предпринять в отношении португальского двора. Герцог тем временем занимался обеспечением интересов своих друзей и приверженцев и увеличением их числа: он часто делал неблагоприятные для правительства намеки и выражал чувство сострадания к солдатам, которые не получали жалованья, и к народу, который тонул под бременем налогов.

Маркиз д'Айамонте, как только ему сообщили о решении герцога, загорелся желанием разработать четкий план действий. Встреча с королем Португалии была абсолютно необходима, но маркиз был слишком хорошо известен на границах, чтобы рисковать въезжать в это королевство: поэтому он решил доверить эти деликатные переговоры интригующему монаху, который долгое время был привержен его интересам и чья священная ряса давала ему свободный доступ в эту страну, охваченную инквизицией. Этот монах, которого звали отец Николас де Веласко, принадлежал к ордену Святого Франциска. Он немедленно направился в

Кастро-Марино, первый город Португалии, куда притворился, что приехал только для того, чтобы договориться о выкупе кастильского пленника, заключенного в этом месте. Король Португалии, который был посвящен в тайну маркиза д'Айамонте, отдал приказ арестовать его как шпиона, и он был доставлен в Лиссабон, закованный в цепи, и там допрошен самими министрами, которые отправили его в тюрьму, где его некоторое время строго охраняли и обращались с ним с очевидной суровостью; но вскоре после этого он был отпущен на свободу под предлогом того, что было доказано, что его визит в Португалию был всего лишь для получения свободы испанского офицера, и ему даже разрешили присутствовать во дворце для защиты своего дела, что дало ему право возможность посовещаться с министрами, не вызывая подозрений у шпионов, нанятых мадридским двором. У него также были частые свидания с его величеством, который пообещал ему епископство в награду за его услуги; и францисканец был так воодушевлен такими блестящими перспективами, что стал постоянным слугой при дворе, где навещал королеву, осаждал министров и даже участвовал в различных интригах придворных, просто для того, чтобы показать свое влияние и степень благосклонности, в которой он находился у короля. Таким образом, не раскрывая полностью тайны своей миссии, он выдал себя своим неосторожным и показным поведением. — Придворные всегда настороже и ревниво поглядывают на каждого нового фаворита, поэтому вскоре они обнаружили, что его заключение в тюрьму было простым предлогом для представления его ко двору. Относительно его бизнеса в Португалии строились различные предположения, и кастилец, в то время заключенный в Лиссабоне, вскоре разгадал эту тайну. Этот человек, которого звали Санчо, был креатурой герцога де Медина-Сидония и до последней революции был армейским казначеем. Новый король Португалии бросил его в тюрьму вместе со всеми кастильцами, находившимися тогда в Лиссабоне, и обращались с ним особенно сурово. Поэтому, как только он узнал, что испанский францисканец пользуется таким большим расположением при дворе, он заподозрил какую-то тайную интригу и на этой идее основал свои надежды на свободу. Он написал монаху, умоляя его о защите, и выражался так почтительно, что не мог не заинтересовать его тщеславие, в то же время жалуясь на то, что король Португалии так долго держал в заключении и жестоко обращался со слугой и другом его собственного шурина, герцога Медина-Сидонии. Чтобы доказать истинность своих утверждений, он отправил францисканцу несколько писем от этого дворянина, в которых тот поручал ему выполнение различных дел в стиле уверенности и превосходства, соответствующем его рангу, и защите, которой он его удостоил.

Ответ францисканца был краток, но свидетельствовал о том интересе, который он проявлял ко всем вещам, принадлежащим герцогу де Медина-Сидония. Он заверил его, что ничем не пренебрежет, чтобы добиться своей свободы, лишь умоляя соблюдать строжайшую тайну в течение всего этого дела. Хитрый кастилец, чтобы не вызвать подозрений, некоторое время выжидал эффекта от своих обещаний; наконец, теряя терпение, он написал снова, сообщив, что семь месяцев томился в отвратительной тюрьме; что испанский министр, по-видимому, забыл о своем положении, поскольку до сих пор не было предложено ни выкупа, ни обмена, и что его единственная надежда на свободу сосредоточена на нем.

Францисканец, всегда радовавшийся возможности возвыситься во мнении герцога Медина-Сидония, обратился к его величеству с ходатайством в пользу Санчо и добился его свободы. Он лично явился, чтобы освободить его из тюрьмы, и предложил включить его в паспорт, выданный королем некоторым слугам герцогини Мантуанской, которые возвращались в Мадрид. На это хитрый кастилец ответил, что теперь он рассматривает Мадрид как чужую страну и что он никак не может появиться при дворе, не рискуя попасть в новое тюремное заключение, поскольку

суровый и неумолимый премьер-министр не преминет настоять на точном отчете о поступлениях в его ведомство, хотя наличные были разграблены во время революции и не сохранилось даже реестра; хитро добавив, чтобы подзадорить францисканца, что первым желанием его сердца было вернуться к своему покровителю, герцогу Медина-Сидония, этот дворянин, достаточно могущественный, чтобы получить деньги, разбогатеть, не будучи обязанным покидать Андалусию.

Францисканец, которому не хватало доверенного лица, чтобы ознакомить маркиза д'Айамонте с успехом его переговоров и дать ему новые указания относительно его дальнейшего поведения, подумал, что он не может рассчитывать на более надежного человека, чем преданный слуга герцога де Медина-Сидония. Поэтому он задержал кастильца на некоторое время под предлогом получения паспорта, но на самом деле для того, чтобы сделать свои наблюдения и испытать его верность. Частые встречи приводили к строгой близости, и тем больше политичный кастилец пользовался тщеславием францисканца, чтобы вытянуть из него его тайну. Монах, желая убедить его в чести и уважении, которыми он пользовался при португальском дворе, не удержался от того, чтобы сказать, что вскоре он появится в другом одеянии, будучи уверенным в епископстве, и что он даже льстит себе, что однажды будет возведен в сан кардинала. Санчо притворился, что не верит ему, чтобы заставить его признаться в своих намерениях, и монах был так сильно задет его явным недоверием, что не смог удержаться от восклицания: «Что же ты тогда скажешь, когда увидишь герцога де Медина-Сидония восседающим на троне?» Таким образом, Санчо привлек его к себе постоянными сомнениями в правдивости его утверждений, пока, наконец, не стал хозяином всех тайн его сердца; и францисканец признался, что ему было поручено вести переговоры, в которых был замешан король; что герцог де Медина-Сидония вскоре станет сувереном Андалусии; что маркиз д'Айамонте, которому король Португалии обязан раскрытием последнего заговора, был во главе этого дела; что дела Испании вот-вот примут другой вид; и что только от него зависит решить, что делать дальше. стать обладателем значительных богатств, если только он согласится передать свои письма маркизу и герцогу де Медина-Сидония. Санчо, обрадованный обладанием столь важной тайной, охотно принял предложение и возобновил свои уверения в привязанности к герцогу. Он взял на себя заботу о письмах и предложил, если это будет сочтено целесообразным, лично вернуться с ответами. Затем он немедленно отправился в Андалусию, но, как только достиг испанских территорий, направился прямой дорогой в Мадрид; и, прибыв в этот город, направился прямо к премьер-министру, которого он желал ознакомить с тем, что Санчо, казначей Португалии, недавно бежавший из тюрем узурпатора, просил о встрече с ним по делу огромной важности. Граф-герцог, от природы надменный и труднодоступный, отказался допустить его к себе, приказав вернуться в обычный день аудиенции; но Санчо, несмотря на столь грубый отпор, продолжал настаивать, заявляя, что должен его видеть, поскольку сведения, которые он принес, касались безопасности государства, и призывая Бога в свидетели своей добросовестности и усердия, которое он приложил, чтобы предупредить министра о надвигающейся опасности.

Когда графу-герцогу доложили о теплоте этих выражений, был отдан приказ о его допуске; тогда Санчо, бросившись к ногам министра, воскликнул, что безопасность государства теперь обеспечена, раз ему позволено предстать перед ним. Затем он рассказал о своем положении во время последней революции; о заговоре, организованном герцогом де Медина-Сидония; объяснил план своих предполагаемых операций, свою переписку с королем Португалии; о заговоре с целью завладения галеонами, сдачи Кадиса врагу и использования вооруженных

сил под его командованием на всей территории его правительства Андалусии против его законного суверена. Чтобы доказать правдивость своих заявлений, Санчо затем предъявил письма францисканца, написанные шифром маркизу д'Айамонте и герцогу де Медине и содержащие полный план заговора.

Граф-герцог был поражен такой необычайной разведкой и на некоторое время лишился дара речи; но, придя в себя, он отбросил свою природную надменность и, приняв любезный вид, похвалил Санчо за его преданность, добавив, что тот заслуживает двойной награды не только за то, что раскрыл столь пагубный замысел, но и за то, что не побоялся раскрыть его ближайшему родственнику главного заговорщика. Затем его отвели в частные апартаменты со строгим приказом ни с кем не встречаться и не разговаривать; министр немедленно поспешил к королю, которому сообщил обо всем, что произошло, одновременно передав ему письма францисканца.

Раскрытие столь черного заговора глубоко потрясло Филиппа, который действительно долгое время боялся и ненавидел необычайную гордыню Гусманов; и когда он размышлял о недавней потере, которую он понес в королевстве Португалия, которую он приписывал честолубивому характеру герцогини Брагансской, он не мог удержаться от замечания министру с укоризной в голосе, что все несчастья Испании произошли от этой семьи. Этот принц не нуждался ни в проницательности, ни в гении, но он был погружен в удовольствия и ненавидел бизнес; каждое усилие, требующее внимания, причиняло ему боль, и он охотно пожертвовал бы частью своих владений ради потворства своей природной лени. Поэтому, когда первые эмоции его гнева прошли, он вернул письма францисканца графу-герцогу, даже не сломав печати, и приказал, чтобы их изучили три государственных советника, которые должны были высказать свое мнение о содержании.

Такое поведение полностью возложило руководство делом на премьер-министра, который нанял трех своих приближенных, чтобы составить краткое изложение дела и расшифровать письма монаха. Санчо часто допрашивали, и прилагались усилия, чтобы заставить его оправдать герцога Медина де Сидония, которого премьер-министр стремился спасти: соответственно, он послал за Санчо, прежде чем тот был допрошен комиссарами, и применил те доверительные манеры, которые так часто используют великие люди, чтобы соблазнить и польстить тем, с кем у них есть дело. “Каким образом, мой дорогой Санчо, - сказал он, - можем мы оправдать герцога де Медину по обвинению, основанному всего лишь на письмах неизвестного монаха, который, скорее всего, был подкуплен нашими врагами, чтобы заставить нас подозревать в верности человека, который до сих пор оказывал такие услуги его величеству в провинции Андалусия”.

Санчо, совершенно убежденный в правдивости своих показаний и опасаясь, что, если он дрогнет или попытается смягчить свои показания, он может лишиться ожидаемой награды, настаивал на том, что против государства действительно был составлен заговор, главой которого был герцог, а маркиз д'Айамонте - главный посредник; что он сам видел их письма у францисканца и что восстание в Андалусии неизбежно произошло бы, если бы не были приняты срочные меры предосторожности для предотвращения злых замыслов губернатора. из этой провинции.

Министр, не желавший погружаться слишком глубоко в это дело, воспользовался случаем и сообщил королю, что письма францисканца были расшифрованы и что, по всей видимости, его

подкупили, чтобы он стремился погубить герцога де Медину; добавив, что сам Санчо, весьма вероятно, был обманут этим хитрым монахом, поскольку против него нельзя было предъявить ни писем самого герцога, ни каких-либо свидетелей, и что все это обвинение строилось на письмах, которые вполне могли быть ответвлением. источника клеветы. Было бы, однако, целесообразно в деле такой большой важности принять все возможные меры предосторожности и вынудить герцога покинуть свое правительство, при котором было бы трудно обезопасить его личность; а затем отправить подкрепление войск в Кадис, заодно удостоверившись в маркизе д'Айамонте, и, если по результатам расследования их вина будет доказана, впоследствии они могут предстать перед всей строгостью закона.

Совет премьер-министра был для Филиппа IV еще более непререкаемым законом, чем для любого из его подданных. От природы он был мягким, ленивым и противником кровопролитных мер, поэтому он с готовностью доверил все дело графу-герцогу, который немедленно отправил своего племянника, дон Луиса де Аро, с приказом сообщить герцогу де Медине, что, невиновен он или нет, он должен немедленно предстать перед судом; заверив его, однако, что, если обвинение против него будет доказано, он может рассчитывать на помилование, но что его гибель будет неизбежна, если он промедлит с выполнением приказов своего государя. Был также отправлен другой курьер для охраны маркиза д'Айамонте, и в тот же момент герцог де Сьюдад-Реаль во главе пяти тысяч человек вступил в Кадис.

Герцог де Медина был поражен этим известием. Не оставалось иного выхода, кроме безоговорочного повиновения или бегства в Португалию: но мысль о том, чтобы провести все свое существование вне закона в чужой стране, была слишком унижительной и недостойной человека его высокого положения; а в Португалии не было положения, равного этому положению, на которое он мог бы претендовать. Влияние графа-герцога на короля было хорошо известно, поэтому он решил довериться обещаниям этого министра и немедленно отправился в Мадрид, льстя себя надеждой, что его готовность повиноваться заставит его величество поверить в его невиновность и даже помиловать его, если его вина будет доказана.

Герцог отправился прямо к премьер-министру и, получив повторные обещания прощения, раскрыл весь план заговора, который он полностью приписал маркизу д'Айамонте. После этого признания министр тайно ввел его в кабинет короля, где герцог бросился к его ногам, которые омыл своими слезами, и в этой смиренной позе признал свою вину и попросил прощения в самых трогательных выражениях скорби и раскаяния. Кроткое сердце короля преисполнилось сострадания, и, залившись слезами, он даровал ему прощение, сказав при этом, что обязан этим своему раскаянию и просьбам графа-герцога. Затем он отпустил его, но, поскольку не считал целесообразным подвергать его новым искушениям в столь критический момент, он получил приказ оставаться при дворе. Часть его огромного имущества также была конфискована, поскольку в какой-то степени способствовала внушению ему чувства независимости; и король поместил губернатора с гарнизоном в Сен-Лукар-де-Барамеда, обычную резиденцию герцогов Медина-Сидония.

Премьер-министру так не терпелось убедить короля в искренности раскаяния его родственника, что он попытался уговорить этого дворянина вызвать герцога Браганса (как он его называл) на поединок один на один. Медина-Сидония был крайне удивлен этим экстраординарным предложением и не мог удержаться, чтобы не напомнить министру, что практика дуэлей запрещена всеми законами, как человеческими, так и божественными; но,

видя, что граф-герцог все еще упорствует в своем намерении, он добавил, что было бы очень трудно пойти на такие крайности со своим шурином, если только его величество не добьется от папыбуллы от папы римского, чтобы защитить его от ужасных отлучений, объявленных церковью против дуэлянтов.

Министр ответил, что в момент, подобный нынешнему, подобные угрызения совести неуместны и что его долг каким-либо поразительным действием доказать, что он достоин милостивого прощения, которое он получил, и в то же время устранить все возможные подозрения в том, что у него были какие-либо тайные связи с повстанцами. “Но если, - продолжал он, - вы решительно настроены против борьбы, все, что я требую, - это чтобы вы не отвергали вызов, который я беру на себя и публикую от вашего имени”. Герцог, который ясно понимал, что все это затевалось для развлечения народа, согласился с предложением бросить вызов, форма которого была составлена самим министром. Несколько копий были распространены по всей Испании, Португалии и большинству судов Европы. Мы также поместим его здесь как уникальное сочинение, гораздо более достойное пера странствующего рыцаря, чем испанского гранда, обладавшего первыми сановными титулами королевства.

Дон Гаспар Алонсо Перес де Гусман, герцог Медина-Сидония, маркиз, граф и сеньор Сен-Лукар-де-Барамеда, генерал-капитан моря, океана, берегов Андалусии и армии Португалии, камергер его католического величества,

КОГО ХРАНИТ БОГ.

“Принимая во внимание, что измена Джона (бывшего герцога) де Браганса является фактом крайне печальной известности; теперь я хочу также обнародовать его отвратительное намерение обвинить надежный дом Гусманов в нелояльности, дом, который оставался на протяжении веков и навсегда останется послушным своему королю и повелителю; и это он доказал кровью всех своих родственников и иждивенцев, пролитой за его дело. Этот тиран отравил умы иностранных принцев, а также тех заблудших португальцев, которые перешли на его сторону; и для того, чтобы воздать должное его собственному злодейству, расположить их в свою пользу и (хотя и тщетно) повредить мне во мнении моего господина (которого да хранит Бог), он убедил их, что я принадлежу к его партии; основывая свое покровительство на слухах, которые он сам распространил и которыми он заразил умы каждого; таким образом, льстя себе, что ему удалось заставить короля Испании подозревать меня в том, что я принадлежу к его партии. моя лояльность заключается в том, что он не должен встречать с моей стороны такого сильного противодействия в осуществлении своих замыслов, как это было в других местах. С этой целью он использовал монаха-францисканца, посланного из корпорации города Айамонте в Кастро-Марин в Португалии, чтобы добиться свободы заключенного испанца, которого монах, будучи сам отправленным пленником в Лиссабон, заставил объявить меня членом своей партии, и с этой целью даже опубликовал несколько писем, подтверждающих его утверждения, и обвиняет меня в намерении способствовать вводу всех иностранных войск, которые могли бы приблизиться к побережью Андалусии, с целью облегчения получения припасов, которые он требовал от упомянутого иностранного принца. И Боже, если бы это было так! поскольку тогда я должен был призвать весь мир засвидетельствовать мое рвение, уничтожив их флот, их, должно быть, постигла участь, согласно приказам, которые я отдал на случай такой попытки. Выше приведены некоторые из моих мотивов для этого обращения; но главным предметом моей скорби является то, что его жена связана со мной кровным родством, кровь которого, будучи

испорченным этим восстанием, я желаю пролить, считая себя обязанным доказать моему королю и повелителю этим действием чувство благодарности, которое я испытываю за то, что он выразил удовлетворение моей лояльностью; а также удалить из умов общественности подозрения, которые они, скорее всего, впитали из-за ложного впечатления, произведенного на них предателем.

Поэтому я бросаю вызов упомянутому Джону (бывшему герцогу) де Браганса как нарушившему свою веру в своего Бога и своего короля; и я вызываю его на поединок один на один, врукопашную, с секундантами или без них, по его выбору, который я также предоставляю ему в виде оружия. Место сражения должно быть недалеко от Валенсии д'Алькантара, которая служит границей между двумя королевствами Португалии и Кастилии, и там я буду ждать его восемьдесят дней, начиная с первого октября и заканчивая девятнадцатым декабря текущего года. Двадцать последних дней я буду лично появляться на рыночной площади упомянутой Валенсии, и в день, который он назначит, я буду ждать его на границе. Этот промежуток времени, хотя и очень долгий, я предоставляю упомянутому тирану, чтобы об этом деле стало известно не только ему, но и большей части стран Европы; более того, всему миру: и при условии, что он предоставит гарантии кавалерам, которых я пошлю с отрядом в Португалию, так же как я предоставляю защиту членам его партии - союзникам в Кастилии, когда я обещаю сам самым полным образом обнародовать позорный поступок, который он совершил.

“Если он не подчинялся этим призывам его как джентльмена, и отказывается выполнять свою задачу, как только оставил меня, чтобы уничтожить это призрачное; и я вижу, что он не достаточно вынослив, чтобы удовлетворить меня в поединке, чтобы доказать, как я и все мои друзья так делают, и когда-нибудь служили наши государи, в то время как он и его, наоборот, предатели, я подтверждаю предлагаю (под его католического Величества, кого Бог сохранить) Мой город Санкт-Лукар-де-Вагameda, главной резиденцией герцогов де Медина-Сидония, на кого должен убить, - сказал Джон де Браганса и разлежся у ног его словам, Ваше Величество, я нижайше прошу его не доверить мне командование войском по этому поводу, которая требует определенной степени осторожности и сдержанности, что излишки моего гнева помешало бы мои тренировки, но только Позвольте мне служить лично во главе тысяч лошадей, среди моих надлежащим субъектом; поэтому в одиночку на моей собственной смелости, я должен не только способствовать восстановлению Португалии, и наказание мятежника, но в случае, если он откажется от моей проблемой, я может затем быть поддержкой, помощью моих солдат, чтобы бросить его живым или мертвым к ногам Его Величества, сказал: так и опустить ничего, что может доказать мое усердие. Я также предлагаю один из лучших городов в моих владениях первому португальскому губернатору или капитану, который уступит место в Португалии, независимо от того, имеет ли оно большое или малое значение для службы его католическому величеству; но, сделав все, что в моих силах, я никогда не сделаю достаточно для его упомянутого величества; поскольку всем, чем я обладаю, я владею от него и его славных предков и обязан им”. — Дано в Толедо 29 сентября 1641 года.

Герцог де Медина, согласно своему вызову, не преминул появиться на поле битвы. Он был вооружен *до зубов*, и его сопровождал дон Джон де Гаррей, полковник-комендант испанских войск. Переговоры были проиграны, и протесты опубликованы в обычной форме; но никто не выступил со стороны короля Португалии. Этот принц действительно был слишком благоразумен, чтобы играть роль в столь нелепой комедии; и даже если бы дело носило более

серьезный характер, было бы в высшей степени неприлично со стороны государя таким образом выставлять свою персону напоказ перед подданным своего врага.

Премьер-министр, забавляя народ этим праздным кукольным представлением, не пренебрег тем, что обратил все негодование своего государя на маркиза д'Айамонте, и отдал его в руки строжайшего закона. Этот дворянин был арестован, и требовалось заставить его полностью признать свою вину; поэтому он был польщен надеждой на помилование и заверен, что только от него зависит испытать такую же милость от лучшего из королей, какая уже была оказана герцогу Мединскому; но что монархи, подобно Всемогущему, представителями которого они были на земле, даровали помилование только тем, кто искренне раскаялся и признал свою вину.

Маркиз, соблазненный этими обещаниями, и особенно оправданием своего сообщника, герцога де Медина, подписал все, что от него требовали, и именно это признание было выдвинуто против него. Соответственно, он был привлечен к ответственности, предан суду и приговорен к потере головы. Он выслушал этот приговор, который был вынесен ему вечером, с удивительным спокойствием, не высказав ни единой жалобы ни в адрес герцога, ни в адрес премьер-министра. После этого он поужинал со своим обычным аппетитом и так крепко проспал всю ночь, что судьям пришлось разбудить его, чтобы препроводить к месту казни, куда он дошел в глубоком молчании и умер со степенью стойкости, достойной лучшего дела. Так закончился заговор, жертвой которого неизбежно должен был стать король Испании, без вмешательства величайшего случая; или, точнее говоря, без вмешательства Провидения, которое не всегда допускает процветание подобных преступлений.

Потерпев неудачу в этой попытке, король Португалии обратил все свои помыслы на поддержку своей короны не только открытой силой, но и помощью своих союзников. Франция оказывала ему всю возможную помощь и гордилась тем, что таким образом защитила самую древнюю ветвь своего последнего рода королей. Эта иностранная война также была полезна для отвлечения внимания и предоставления работы части испанских войск.

Португальцы в разное время получали несколько преимуществ перед испанцами и таким образом не давали им приблизиться к границам. Король Португалии мог бы даже проникнуть в Кастилию, будь его генералы более способными или его регулярные войска более значительными. Поскольку большая часть его армии состояла из ополченцев, она была гораздо более пригодна для набегов, чем для удержания поля боя: он часто был лишен средств даже для выплаты жалованья своим войскам и отменил большую часть налогов при своем первом вступлении на престол, чтобы завоевать расположение своего народа; было бы опасным экспериментом восстанавливать их при таком новом правительстве. Однако, несмотря на все эти недостатки, он ухитрялся поддерживать войну против Испании почти семнадцать лет. Эта страна не могла похвастаться более великими полководцами, чем Португалия; каждая нация выиграла больше от слабости своего противника, чем от своей собственной силы; и истощенная казна Филиппа IV в конце его правления заменила богатство новому королю Португалии. Этот принц ушел из жизни 6 ноября 1656 года; и португальцы, неспособные привлечь внимание потомков к наиболее поразительным качествам своего короля, ограничивают свои восхваления его умеренностью и благочестием; в то время как беспристрастные историки обвиняют его в недостатке мужества, неуверенности в себе, недоверии к другим, сдержанности по отношению к знати, которой было трудно приблизиться к

его особе, в то время как он открыто и фамильярно беседовал только со своими старыми слугами, и особенно с другом и компаньоном своего духовника. Единственный вывод, который можно сделать из такого поведения, состоит в том, что этот принц, миролюбивый от природы и преданный своему благочестию, можно сказать, обладает хорошими качествами частного лица, но никогда не блистательными добродетелями великого короля. Таким образом, его вступление на престол Португалии должно быть объяснено исключительно ненавистью народа этой страны к испанцам и умелым управлением его королевой, которая использовала эту национальную вражду, чтобы возвысить себя до королевского достоинства. [24] Король, ее муж, в своей последней воле назначил ее регентом королевства, справедливо рассудив, что то же поведение и мужество, которые возложили корону на ее голову, не преминут сохранить ее и во время совершеннолетия его детей. Он оставил после себя двух сыновей и одну дочь; старшему из которых, дону Альфонсо, было почти тринадцать лет, когда он наследовал своему отцу. Этот юный принц отличался меланхолическим нравом, и был лишен возможности пользоваться одной стороной: его брату, младенцу, дону Педро, было всего восемь лет; а инфанта, донна Екатерина, которая была старшей в семье, родилась до революции. Дон Альфонсо был представлен народу, провозглашен королем согласно обычным формам, и королева в тот же день приняла на себя регентство в государстве.

Принцесса была очень честолюбива и хотела ознаменовать начало своего правления каким-нибудь блестящим поступком; но ее генералы могли похвастаться большей храбростью как солдаты, чем поведением как капитаны, и во всей Португалии не было ни одного, способного ни укрепить город, ни провести осаду. Не был лучше составлен и ее совет; некоторые из ее министров больше заботились о том, чтобы демонстрировать свое красноречие, доказывая нужды государства, чем пытались облегчить их; в то время как другие, не обращая внимания на низкое состояние армии в Португалии, развлекались, предлагая планы завоеваний: таким образом, дебаты этих верховных советов обычно заканчивались планами столь же плохо согласованными, сколь и неудачными.

Значительные потери, понесенные португальцами при Оливенсе и Бадахосе, где они были вынуждены снять осаду, в значительной степени могут быть отнесены на счет вышеуказанных причин. Они также ввязались в конфликт с Голландией из-за торговли с Индией; и Франция, после заключения Пиренейского мира, казалось, больше не была заинтересована в их благосклонности. У королевы, таким образом, лишенной иностранных союзников, не имевшей ни дисциплинированных войск, ни способных генералов, не оставалось иного ресурса, кроме величия ее мужества, которое, действительно, компенсировало все остальные потери. Тяжесть дел не могла поколебать ее непоколебимую душу; степень ее гения и благоразумие в ее поведении были равны всему; а взволнованное состояние страны в начале ее регентства лишь ярче проявило блестящие качества этой всесторонне развитой принцессы, которая начала свою деятельность с того, что возложила полномочия совета на себя лично: она постоянно читала все депеши; ничто не ускользало от ее внимания и предусмотрительности, и она обращалась со своими взглядами ко всем тем европейским дворам, от которых она могла надеяться на помощь.

Такими благородными усилиями и постоянным прилежанием удалось привести Португалию в состояние обороны от Испании; но, прекрасно осознавая необходимость, которая возникнет в будущем, использования иностранных войск для формирования ее собственных, и особенно то, что она испытывала нехватку в способном генерале для этой цели, она обратила свой взор на

Фредерика графа де Шомберга, чья доблесть и способности уже были известны и отличались. Регентша очень хотела назначить его главнокомандующим армией, но она боялась обидеть *военного коменданта*, чья гордость не очень охотно согласилась бы действовать по приказу иностранного вождя: поэтому она сочла необходимым нанять графа де Суре, своего посла при французском дворе, для переговоров с графом де Шомбергом и предложить ему сначала появиться в Португалии только в качестве полковника-коменданта армии, пообещав ему, однако, что в случае смерти или отставки нынешнего *военного коменданта*, он должен быть немедленно назначен главнокомандующим.

Граф отправился в Лиссабон в сопровождении восьмидесяти офицеров, частично капитанов и частично младших офицеров, а также более четырехсот солдат, все опытные солдаты, способные формировать новые силы и командовать ими. В соответствии с секретными приказами регента граф проехал через Англию, где Карл I был недавно восстановлен на престоле и где он должен был попытаться выяснить, будет ли этот протестантский принц возражать против союза с инфантой Португалии. Граф с большим изяществом выполнил это поручение и добился того, что и король, и лорд-канцлер Хайд проявили заботу об этом браке. Как только королева получила их одобрение, она отправила маркиза де Санде в Англию для продолжения переговоров.

Король Испании, трепетавший перед этим союзом, приложил все возможные усилия, чтобы предотвратить его заключение; он даже не постеснялся предложить три миллиона французских ливров Карлу II, чтобы побудить его жениться на протестантской принцессе; а его посол предложил ему принцесс Дании, Саксонии и Оранской, заверив его, что король, его повелитель, усыновит как свою дочь ту из этих принцесс, которую он почитает своим выбором, и, таким образом, выдаст ее за него замуж. Канцлер Хайд, однако, в таких убедительных выражениях представил великую необходимость поддержки семьи Браганса на троне Португалии и опасность объединения этой страны с Испанией под управлением одного принца, что Карл решил принять руку инфанты. Таким образом, мы видим, что протестантский министр уговаривает своего суверена заключить союз с католиком, в то время как принц последнего вероисповедания, особенно отличающийся титулом католического короля, предложил огромные суммы, чтобы побудить его жениться на протестантке. Настолько верно, что государственные соображения являются основой, на которой коронованные особы формируют свою религию; поскольку принцы в случаях подобного рода обычно руководствуются исключительно личными интересами.

Король Англии с помощью этого союза сумел заключить торговый договор между Генеральными штатами и Португалией, а затем направил в это королевство значительный отряд войск под командованием графа Инчинквина. Этот дворянин был вскоре отозван, и англичанам было приказано действовать по приказу графа де Шомберга, который вскоре после своего прибытия в Португалию имел под своим командованием войска трех различных наций. У португальцев, действительно, был отдельный генерал в их собственной стране, но это отличие было расплывчатым титулом, предназначенным только для того, чтобы польстить честолюбию вельмож, поскольку граф пользовался неограниченным доверием королевы, которая, фактически, предоставила ему абсолютную власть над армией, которую он использовал для установления строжайшей дисциплины. Он научил португальцев порядку, который необходимо соблюдать на марше; искусству разбивать лагерь с наибольшей выгодой; и возвел регулярные

укрепления на большинстве пограничных постов, которые до сих пор оставались в незащищенном состоянии.

Регентша, довольная таким опытным полководцем, вела войну с величайшей энергией. Ее оружие почти всегда приносило успех. Ее войска никогда прежде не были в таком цветущем состоянии и не были так прекрасно дисциплинированы; бедняки благословляли ее правление, а вельможи, проникнутые чувством страха и уважения, все подчинились ее воле; но увы! это счастливое положение дел вскоре претерпело болезненные изменения, и домашние неурядицы, соединенные с различными интригами, придали новый оборот всему при дворе; ибо в то время как эта великая княгиня постоянно и успешно занималась обеспечением короны своему сыну, этот принц неправильным своим поведением доказывал, что недостойн столь почетного положения. Ум его был низок и подл, нрав мрачен и необуздан: он не мог смириться с мыслью о подчинении авторитету своей матери и с презрением отвергал советы своих министров. Общество дворян, назначенных сопровождать его, было ненавистно принцу, который наслаждался обществом только негров и мулатов с другими молодыми людьми, выбранными из самых отбросов народа; и из этих несчастных существ он ухитрился сформировать небольшой двор, несмотря на все усилия своего губернатора воспрепятствовать этому. Он назвал их своими *храбрецами* и в таком сопровождении провел ночь, расхаживая по улицам Лиссабона, оскорбляя каждого, кто имел несчастье встретиться с ним.

Предполагалось, что расстройство его интеллекта было вызвано паралитическим инсультом, который поразил его в возрасте четырех лет. Впечатления, которые это вызывало, были ужасны; но его недостатки остались неисправленными в ранней юности из-за страха, что его слабость усугубится суровостью; тешились также надеждами, что время, укрепив его тело, может также умерить его ум: эта снисходительность, однако, только усилила его природную индокитайскость: его здоровье, действительно, улучшилось с возрастом и медициной; он был способен к самым сильным физическим упражнениям, фехтовал и ездил верхом замечательно хорошо; но его нрав все еще оставался диким; он действовал скорее из насилия, чем из рассудка; и когда страсти юности заняли место детских, он не испытывал никаких эмоций. Он не стеснялся вводить во дворец самых мерзких шлюх; более того, он даже часто проводил ночи в самых известных публичных домах, где предавался всем видам постыдного разврата.

Регент, глубоко опечаленный таким поведением, справедливо рассудил, что это неизбежно должно закончиться потерей его короны и что это окончательно разрушит работу, которая стоила ей таких усилий и стольких лет для завершения. У нее часто возникало искушение пожизненно заключить его в тюрьму и посадить на трон его малолетнего брата; но только страх развязать гражданскую войну, которой не преминули бы воспользоваться испанцы, удерживал ее от столь смелого шага. Она также льстила себя надеждой вернуть себе короля, лишив его некоего Конти, сына торговца, который был его любимцем и тайным проводником его распутства. Поэтому она приказала взять его под охрану и отправить в Бразилию, откуда ему было запрещено возвращаться под страхом смерти.

Король сначала казался пораженным потерей своего фаворита, но вскоре он проявил величайшее спокойствие и даже стал более сговорчивым. Это изменение привело в восторг королеву, которая поздравила себя, и придворные и министры поздравили ее с успехом ее плана: но кажущееся спокойствие короля оказалось всего лишь притворным, чтобы прикрыть замыслы более глубокого характера, чем королева считала его способным вынашивать; и эта

проницательная принцесса, которая могла проникнуть в самые потаенные уголки сердца придворного, стала жертвой обмана абсолютного идиота.

Король в первые минуты своего горя из-за потери Конти оплакивал свои несчастья графу де Кастелло Мелору, португальскому дворянину очень высокого происхождения, который, хотя и был амбициозным и искусным придворным, был гораздо более способен вести придворные интриги, чем управлять государственными делами. Такой знак доверия казался графу прекрасной возможностью вернуть фаворита в расположение своего господина, притворяясь, что сожалеет о его опале, и изобретая способы вернуть его королю. Поэтому он начал свои действия, представив его величеству, что он сам был единственной причиной несчастий Конти, поскольку, будучи сувереном и достигнув преклонного возраста, ему ничего не оставалось, как проявить свою власть, сбросить власть регента и вернуть своего фаворита, который затем вернется, одержав победу не только над своими врагами, но даже над самой королевой.

Король, обрадованный советом, столь соответствующим его природному характеру, посвятил его во все тайны своего сердца. Их близость, однако, протекала таинственным образом; и его величество не оказывал никаких публичных знаков благосклонности графу, который боялся навлечь подозрения регента; но эта принцесса была слишком проницательна, чтобы не заметить его влияния на своего сына; и, встретив его однажды в свите этого принца, она схватила его за руку и устремила на него свой взгляд с тем величественным видом, который заставил ее в равной степени уважать и бояться всех ее подданных. “Граф, - сказала она, - я хорошо осведомлена о вашем авторитете у короля; и если бы я могла...” если он совершит какое-либо действие, противоречащее моей воле, твоя жизнь будет расплатой”.

Граф ничего не ответил на эту речь, но, низко поклонившись, последовал за королем, который в этот момент позвал его. Однако, как только он остался наедине с его величеством, он рассказал обо всем, что произошло; добавив, что он очень хорошо осознает опасность своего положения, поскольку находится на пороге того, чтобы разделить судьбу Конти; но он с удовольствием подчинился бы этому, если бы однажды увидел своего повелителя свободным от ига властного регентства, которое, пока оно существует, должно всегда удерживать его на задворках, без каких-либо иных отличий, кроме титула короля, без власти или уважения.

Эта искусная речь разозлила монарха до степени, близкой к безумию, и он был готов настоять на том, чтобы регент вручил ему в собственные руки большие государственные печати, которые всегда рассматриваются как знак суверенной власти: но граф был слишком хорошо знаком с властью королевы над ее сыном, чтобы позволить ему пойти на такой шаг; поэтому он посоветовал ему удалиться в Алькантару, не видя ее, и оттуда отправить курьеров к магистратам Лиссабона и губернаторам провинций, чтобы сообщить о своем решении взять власть в свои руки. бразды правления в его собственные руки. Следуя этому совету, переодетый принц в сопровождении графа и его друзей прибыл ночью в Алькантару. На следующее утро он написал государственным секретарям, приказав им немедленно явиться к нему; он также послал за испанской гвардией и распространил по всему королевству сообщение о том, что срок регентства королевы-матери истек вместе с его несовершеннолетием.

Большая часть придворных подчинилась призыву его величества, и королева вскоре была покинута; у нее действительно вскоре появились основания понимать, что заимствованная власть никогда не сможет существовать, когда ее перестанет поддерживать законная власть. Эта принцесса, однако, сама всегда вела себя со своим обычным достоинством; и благородная

и великодушная манера, с которой она отказалась от верховной власти, в достаточной степени доказывала, насколько она заслуживала царствовать еще дольше, и что ее единственным мотивом для продления регентства сверх обычного срока было обеспечение счастья нации. Она немедленно написала королю, что ему не подобает играть роль узурпатора и прибегать к тайным мерам, чтобы завладеть тронem, на который он имеет законное право; в то же время она пригласила его вернуться на следующий день в свой дворец, где в собрании, состоящем из вельмож и главных магистратов города, она сама вручит ему печати и передаст ему управление королевством. Соответственно, король вернулся в Лиссабон, где королева, верная своему обещанию, созвала вельмож королевства вместе с теми, кто наделен титулами, и глав орденов, и в их присутствии вручила его величеству кошелек с печатями: “Вот, - сказала она, - печати, которые были доверены мне как регенту вашего королевства в силу последней воли моего господина покойного короля. Я охотно вручаю их в руки вашего величества и от всего сердца молюсь Богу, чтобы процветание вашего правительства соответствовало моим пожеланиям в вашу пользу”. Король, взяв печати, вручил их государственному секретарю; после чего младенец, его брат и все вельможи поцеловали руку его величества и вторично признали его своим законным сувереном.

Королева объявила о своем решении удалиться в монастырь по истечении шести месяцев; и она откладывала это так долго только для того, чтобы взглянуть на меры, принимаемые правительством. Фаворитка, опасаясь возвышенного гения этой принцессы и естественного влияния матери на сына, убедила короля несколько раз обращаться с ней с большим неуважением, чтобы ускорить ее отступление. Гордый и надменный дух королевы не мог смириться с такими унижениями, и она немедленно удалилась в монастырь, где, совершенно убежденная в тщете мирского величия, проводила все свое время в приготовлениях к тому, чего никакие человеческие средства никогда не могли ее лишить. Она не пережила своего отъезда от двора и на двенадцать месяцев, скончавшись 18 февраля 1660 года. Эта принцесса обладала величайшим гением: к добродетелям слабого пола она добавляла те, которыми другой особенно выделяется. Восседающая на троне, она демонстрировала великолепные качества великой государыни; а удалившись в монастырь, она, казалось, стерла из своей памяти царственную диадему, которая когда-то украшала ее чело.

Король, которого больше не сдерживала власть этой мудрой принцессы, открыто дал волю природной свирепости своего нрава, нападая ночью в сопровождении своих воинов на каждого, кого встречал, и даже на стражу и всех других лиц, назначенных для обеспечения безопасности города. Всякий раз, когда он позволял себе эти ночные прогулки, на следующее утро неизменно всплывала какая-нибудь трагическая история, героем которой он был; и люди приходили в такой же ужас, встречая его на улицах, как при виде дикого зверя, вырвавшегося из своего логова.

Граф де Кастелло Мелор пытался скрыть злоупотребления, которым он был обязан своей властью. Настоящий придворный, хотя и слабый и неумелый министр; он был высокомерен и горд, когда успех увенчивал его желания, но встревожен и беспомощен, когда фортуна поворачивалась вспять. Португалия, управляемая таким образом, неизбежно погибла бы, если бы слабость Испании не обеспечила ее безопасность.

Король дон Альфонсо, чья власть не простиралась за стены его дворца, передал все управление государством на попечение своего фаворита, не оставив за собой никакой другой части

суверенной власти, кроме привилегии безнаказанно совершать всевозможные расточительства.

Испанцы сочли это благоприятной возможностью напасть на Португалию, которая, как они льстили себе, будет легко покорена, пока ею правит идиот и безумец. Поэтому они собрали значительную армию, которой командовал дон Иоанн Австрийский, побочный сын Филиппа IV. Граф де Шомберг возглавлял португальские войска, хотя титул генерала принадлежал графу де Виллафлору; и только доблести и поведению первого король Португалии был обязан сохранением своей короны. Этот великий военачальник одержал несколько различных побед над кастильцами; и те с меньшим трудом, чем он, победили упрямство португальского генерала, чья ревность к своей славе была так велика, что он постоянно срывал все планы, которые, как он опасался, могли ее усилить. Французский генерал, однако, пользовался полным доверием не только двора, но особенно войск, которые стремились следовать за командующим, победа которого всегда увенчивалась успехом.

Министр приписывал своему собственному руководству славу этой удачи, хотя его единственной долей в бизнесе было то, что он первым получил известие; таким образом, его кредит с каждым днем возрастал, и он обладал суверенной властью; от имени короля, которым он руководил как простой машиной, пружины которой он использовал в соответствии со своей волей и интересами; пользуясь неистовыми страстями своего господина, чтобы настроить его против всех тех, кому он не доверял; с помощью этих средств он вскоре сместил большую часть министров, действовавших во время регентства, и заменил их своими собственными созданиями, во всех отношениях преданный своему удовольствию. Совет, да и весь двор, претерпел основательные изменения; и эти новые члены не оставались на своих постах дольше, чем в то время, когда они были либо полезны, либо приятны министру; который даже ухитрился во второй раз изгнать Конти из Португалии. Король, озабоченный присутствием своего первого фаворита, отдал приказ о его возвращении из Бразилии; но как только граф услышал о его высадке, он запретил ему появляться при дворе и отправил это повелительное послание с тем же курьером, которого король отправил выразить радость, которую он испытывал по поводу его прибытия. Этот несчастный принц, проникнутый рабским страхом перед своим министром, никогда не отваживался видаться с Конти публично; и граф, опасаясь того эффекта, который эти тайные встречи могли оказать на его репутацию, решил разорвать связь, обвинив Конти в участии в заговоре против его величества; обвинение, лишенное доказательств, свидетелей или даже тени вероятности, но которого было достаточно, чтобы окончательно погубить его несчастного соперника.

Министр, избавленный таким образом от присутствия Конти, обратил все свое внимание на младенца, дона Педро, брата короля. Этот молодой принц, уже не ребенок, казался благородным и великодушным: португальцы уважали его и смотрели на него снизу вверх, которые не могли не одобрить и не восхититься правильностью его поведения, и еще больше из-за сравнения, которое они, естественно, проводили между ним и своим монархом.

Граф, недовольный властью, которую он приобрел над своим господином, желал иметь обоих братьев в равном распоряжении, поэтому он поместил своего собственного брата при малютке, льстя себе надеждой, что вскоре завоеует его доверие. Молодой принц принял этого брата весьма любезно и даже обращался с ним с особым вниманием, но никогда не посвящал его в свою близость или уважение. Его дружба и доверие были действительно оказаны гораздо более

достойно, ибо регент, который всегда считал дону Педро главной опорой королевской семьи, с самого начала позаботился о том, чтобы окружить его людьми высочайших способностей. Эти благоразумные правители и верные друзья объяснили этому молодому принцу вероятность того, что он когда-нибудь взойдет на трон, если король продолжит свой беспорядочный образ жизни или если у него не будет детей, что, по их намекам, маловероятно; с другой стороны, они предостерегли его от коварных замыслов министра, который был заинтересован в продлении правления Альфонсо. Взгляды столь различных направлений, естественно, образовали при дворе две столь же разные партии: партия министра была самой значительной, поскольку состояла из тех, кто постоянно присутствует у истоков мест и предпочтений; но старые министры, которые предвидели недолговечность столь жестокого правления, и первая знать королевства, которая не могла терпеливо подчиняться власти фаворита, оказывали свое покровительство младенцу, дону Педро, как предполагаемому наследнику короны.

Министр, понимая, что надежды противоположной стороны были полностью основаны на сообщениях о бессилии короля, принял решение о его немедленной женитьбе. Поэтому французскому двору было сделано предложение о помолвке Марии Элизабет Фрэнсис Савойской, дочери Шарля Амадея, герцога де Немура, и Елизаветы де Вандом. Когда эти предложения были приняты, принцессу проводил в Португалию ее дядя (*по-Бретонски*^[25]) Цезарь д'Эстре, епископ и герцог Лан, столь хорошо известный во всей Европе под прославленным титулом кардинала д'Эстре. Этого прелата сопровождал маркиз де Рувинье, чрезвычайный посол Французского двора, вместе с многочисленной свитой дворян и выдающихся особ, которые были либо друзьями или слугами савойского дома, либо по-разному связаны с домами Вандома и д'Эстре.

Церемония бракосочетания была проведена с тем великолепием, которое обычно демонстрируется в подобных случаях. Необычайная красота молодой королевы вызвала всеобщее восхищение; дон Педро, казалось, был очарован ее совершенствами, но король по-прежнему оставался бесчувственным; и вскоре мир начал подозревать, что титулы королевы и жены короля были пустыми титулами и служили лишь завесой для сокрытия естественных недостатков этого принца.

Министр льстил себя надеждой обрести такую же власть над разумом юной принцессы, какой он так долго обладал над разумом своего государя; поэтому поначалу он относился к ней с глубочайшим уважением, но вскоре понял, что она наделена слишком большим умом, смелостью и надлежащей гордостью, чтобы позволить подданному управлять ею. Охваченный жаждой мести, он пользовался любой возможностью, чтобы заставить ее почувствовать его силу. Все государственные дела тщательно скрывались от нее; и если когда-либо ей случалось интересоваться частными делами, она так же постоянно терпела неудачу в своих замыслах, поскольку рекомендация от нее была достаточным основанием для исключения из кабинета министра. Затем он прекратил выплату пенсии ей и ее домочадцам под предлогом государственных нужд и того, что военные расходы истощили королевскую казну; а король, которого фаворит иногда *обрушивал* на объекты своей ненависти, вел себя с такой грубой жестокостью по отношению к дону Педро и королеве, что последнюю часто видели выходящей из своих покоев в слезах и глубочайшем огорчении.

Ее красота, ее несчастья, жалобы придворных дам и офицеров, которые больше не получали жалованья, способствовали тому, что она стала объектом сострадания для всех, кто не был

сразу орудием в руках фаворитки. Таким образом, при дворе образовалась третья партия, где ни о чем не говорили, кроме бесплодия королевы, хотя со дня ее замужества еще не прошло и двенадцати месяцев.

Странная[26] усердно распространялись сообщения о двери, которую король приказал сделать поближе к кровати королевы и ключ от которой хранил только он. Королева, казалось, была встревожена этим обстоятельством, которое в равной степени наносило ущерб ее добродетели и репутации, и ее друзья и фавориты публично заявили, что министр, решившись добыть наследников для его величества (неважно, какими средствами), льстил себя надеждой скрыть с помощью этой таинственной двери естественные немощи своего господина, хотя и ценой чести королевы.

Эта принцесса поделилась своими опасениями со своим духовником, который посоветовал ей сообщить о них духовнику дона Педро. Два религиозных человека, хотя и явно придерживавшиеся разных интересов, решили действовать сообща в обстоятельствах не только чрезвычайно деликатных, но и имеющих первостепенное значение для них обоих. Их друзья придерживались мнения, что было бы вполне возможно примирить эти упомянутые интересы, следуя первоначальному плану, сформированному регентом. Две фракции, когда-то такие разные, вскоре образовали единую партию. Королева сумела склонить графа де Шомберга, командующего вооруженными силами, к осуществлению своего плана, и младенец, не знавший границ своим надеждам и желаниям, заручился поддержкой главных магистратов города, а также всех людей, пользующихся высоким авторитетом в народе.

Король в его собственном лице считался всего лишь фигурой, и как таковой его было бы легко отстранить; но его поддерживал искусный и амбициозный министр, который знал, как сделать августейшее имя государя уважаемым в глазах народа. Поэтому первым шагом, который следовало предпринять, было отстранение этого коварного фаворита от поста, который он занимал во дворце, и они прекрасно понимали, что заставить его уйти в отставку правительства королевства будет нелегкой задачей. С этой целью они тайно связались с одним из его самых близких друзей, которого наняли, чтобы тот представил ему, что дон Педро приписывает жестокое обращение, которому подвергся со стороны своего брата, ему одному; и что принц поклялся довершить свое разорение, и его безопасность зависела от того, уйдет ли он от двора. Будучи от природы робким, министр немедленно опубликовал эти разведанные и удвоил количество охранников, обычно сопровождающих его особу. Он также вооружил всех придворных и попытался убедить короля встать во главе их и, таким образом, арестовать дона Педро в его собственных апартаментах; но король, каким бы безумным и буйным он ни был во время своих ночных блужданий, когда никто не осмеливался ему противостать, не согласился с планом, который, как он предвидел, не мог быть приведен в исполнение без сопротивления и опасности; поэтому он удовлетворился письмом к младенцу и приказал ему немедленно явиться. Принц извинил свое неповиновение из-за дурных слухов, опубликованных против него министром, заявив, что граф, будучи единственным хозяином во дворце, не может войти в него, пока его не удалят. По этому случаю между его величеством и младенцем было передано несколько писем, все из которых были обнародованы. Король, наконец, предложил отправить графа просить прощения к ногам своего брата; но инфант, чьи взгляды простирались гораздо дальше жалкого триумфа мести за слухи, тайным автором которых он сам был, не принял никакой другой альтернативы, кроме изгнания министра из дворца. Это дело вызвало всеобщее смятение; двор и город были в постоянном волнении, и все, казалось, готовилось к

гражданской войне. Министр был сильно огорчен тем, что лишился поддержки графа де Шомберга. Большая часть вельмож открыто высказалась в пользу принца дона Педро; и, в довершение огорчения министра, его собственные друзья, нет, даже его родственники отказались рисковать своей безопасностью ради него, сославшись на то, что у них недостаточно сил, чтобы противостоять партии инфанта, поддерживаемой королевой. Граф, покинутый существами, которые до сих пор грелись в лучах его благосклонности, потерял всякое мужество и, переодевшись, ночью покинул дворец и удалился в монастырь в семи лье от Лиссабона, а оттуда, отправившись в Италию, попросил убежища при туринском дворе.

Младенец немедленно явился во дворец под предлогом поклонения его величеству; но его присутствие внушило всеобщую покорность, и вскоре он отбросил все оставшиеся инструменты министра. Король, лишенный, таким образом, своих обычных советников, оказался полностью во власти своего брата, который, однако, не осмеливался сам завладеть короной, прекрасно понимая, что такое поведение навесило бы на него гнусный эпитет узурпатора. На самом деле у него не было никаких оснований для столь смелого поступка, и он никак не мог получить суверенную власть, кроме как на основании акта юридической силы, который должен иметь место в генеральной ассамблее штатов.

Поскольку только король имел право созывать это собрание, ему было рекомендовано принять меру, которая, как утверждалось, отвечала потребностям государства, поскольку такие потребности не могли быть удовлетворены без согласия и помощи его подданных. Каким бы слабым от природы ни был этот принц, он вскоре понял, что целью этого собрания был заговор против его власти; следовательно, он долгое время уклонялся от рассмотрения нескольких петиций, которые по наущению младенца были представлены ему различными организациями народа; но, наконец, совет составил резолюцию, которую они заставили его подписать, сделав, таким образом, этого несчастного принца орудием и даже инициатором его собственного уничтожения. Собрание в соответствии с этим актом было созвано на первое января 1661 года.^[27] Дон Педро преуспел в предприятии, на котором он основывал свои надежды на будущее величие, королева, действующая заодно с ним, затем появилась на сцене. Она начала свою деятельность с того, что удалилась в монастырь, откуда немедленно написала королю, что ее совесть больше не позволяет ей оставаться во дворце; и поскольку никто лучше него самого не знал, что он никогда не жил с ней в качестве ее мужа, она лишь просила, чтобы он был рад вернуть ей приданое и разрешить ей искать убежища в ее собственной стране и под защитой ее собственной семьи.

Король, получив это письмо, в порыве гнева помчался в монастырь, чтобы силой вернуть свою королеву; но дон Педро, который предвидел, что произойдет, и чей авторитет в столице был уже больше, чем у его брата, появился у ворот монастыря в сопровождении знати из своей свиты и заставил короля вернуться во дворец, где он призвал разных своих любовниц поручиться за его мужественность; и разразился яростными угрозами в адрес королевы и дона Педро; последний, далекий от того, чтобы обращать внимание на негодование короля, лишенного советников. Он был полон решимости нанести последний удар своей власти; поэтому на следующее утро он отправился во дворец, сопровождаемый всей знатью, магистратами, корпорацией и огромным количеством людей, которым не терпелось узнать, что произошло в столь серьезном деле. При входе во дворец он был встречен всеми государственными советниками, которые ожидали его прибытия, и после короткого совещания он отдал приказ заключить короля под арест в его собственных апартаментах; сделав это, он вскоре был вынужден подписать свое отречение.

Младенец, однако, не рискнул принять титул короля, но генеральные штаты даровали ему титул регента, который соответствующим образом принес присягу на верность. Мир с Испанией был первой целью, которая привлекла внимание нового регента; король Англии выступил посредником в этом деле, и король Испании торжественным договором признал корону Португалии отныне независимой от короны Кастилии.

Теперь регенту ничего не оставалось, как добиться руки своей невестки для полного счастья. Королева, поступив в монастырь, подала петицию в капитул соборной церкви (престол был вакантен) с требованием расторгнуть брак, который так и не смог быть заключен в течение почти пятнадцати лет совместного проживания. Глава признал его недействительным, *без каких-либо других юридических формальностей, кроме отрицания прокурора и неявки стороны, на которую подана жалоба; препятствие, как следует из приговора, сводится к моральной уверенности, без какой-либо необходимости в дополнительных доказательствах или более длительной отсрочке.* Таким образом, регент с помощью формальностей, которые большинство судей очень охотно приспосабливают к пожеланиям лиц, обладающих суверенной властью, оказался вправе жениться на королеве: однако ему было рекомендовано из уважения к общественным приличиям получить разрешение от папы римского, каковое разрешение, г-н де Вержюс, по счастливому стечению обстоятельств, произошло[28] привезти из Франции именно в этот момент. Эта справка была получена от кардинала Вандомского, в то время папского легата, который был облечен этим временным саном с целью оказания помощи от имени его святейшества в крещении дофина. Епископ Тарги, коадьютор архиепископа Лиссабонского, даровал *брачное благословение* регенту и королеве на основании этого краткого изложения, которое впоследствии было подтверждено папой Иннокентием IX, что было сочтено необходимым не только для успокоения их совести, но и для обеспечения мира и спокойствия в королевстве.

Король Альфонсо был сослан на острова Терсера, которые входят в состав португальских владений. Народ, всегда глубоко переживавший за несчастного, открыто заявил, что он был достаточно наказан потерей короны и супруги, не лишая его свободы дышать родным воздухом; но, увы! свергнутый с престола принц редко находит друзей или защитников. Ни один вельможа не осмелился поддержать его дело или выступить в его пользу, прекрасно понимая, что регент никогда не простит проявления сострадания, которое в конце концов может оказаться фатальным для его правительства.

Дон Альфонсо оставался в изгнании до 1675 года, когда регент отозвал его, заподозрив в создании группы, призванной помочь ему бежать с островов Терсера и восстановить его на троне.

Этот принц умер в окрестностях Лиссабона[29], оставив своему брату свободу принять титул короля, единственное право, которого он еще не лишил несчастного монарха.

Смерть Альфонсо Vi сняла все опасения с души дона Педро, и в будущем он остался непревзойденным обладателем трона, что, как ни льстило его честолюбию, скорее всего, стоило ему нескольких мгновений раскаяния. Это сияние процветания было в первый год его правления омрачено смертью королевы, событием, о котором его величество искренне сожалеет; который, однако, воздав должное ее памяти своими слезами, приложил все усилия, чтобы облегчить страдания народа, который сочувствовал его несчастьям и чья любовь к монарху, которого они считали отцом, заставила их глубоко сожалеть о том, что он остался без

наследников мужского пола. Поэтому он, уступив их просьбам, согласился заключить второй брак и 2 июля 1682 года женился на Марии Элизабет, дочери Вильгельма, курфюрста палатинского Рейнского. Эта принцесса, одна из самых образованных женщин того времени, в которое она жила, родила ему нескольких детей и умерла 4 августа 1699 года.

Огромная привязанность, испытываемая португальцами к этому монарху, не покажется чем-то необычным, если мы проследим все его поведение с начала его правления в качестве регента и ситуацию Португалии в тот момент, когда он взял в свои руки бразды правления. Уладив с генеральными штатами все, что касалось отречения короля, его следующей заботой было убедить народ в том, что его истинным и единственным мотивом принятия на себя суверенной власти было благо общества. Те португальцы, которые осмелились приписать этот поступок личной заинтересованности, были самым суровым образом наказаны: ничто, однако, так не способствовало прекращению криков друзей и фаворитов свергнутого монарха, как план поведения, принятый его преемником; план, от которого он никогда не отступал на протяжении всей своей жизни.

Дон Педро во время своего регентства и даже после того, как стал королем, вместо того чтобы увеличивать расходы своего дома, ввел практику строжайшей экономии; и до сих пор ему не приходилось быть окруженным помпезной свитой слуг, ему прислуживал всего один слуга. Он очень часто ел в одиночестве, сидя на куске пробки на полу, и сам не пил вина и не позволял никому, кто это делал, приближаться к нему. Большую часть своего времени он проводил со своими министрами и часто сам обсуждал дела с иностранными послами, когда его проницательный взгляд разгадывал их глубочайшие замыслы и приводил в замешательство их лучшие совместные проекты. Он очень доверял своему родственнику, герцогу де Кадавалю, и у него никогда не было причин раскаиваться в своем выборе. Он возобновил договоры, заключенные с Англией и Голландией, и позаботился о том, чтобы в них не было пункта, противоречащего его взглядам, которые заключались в сохранении строжайшего нейтралитета по отношению к его соседям. Он отклонил настоятельные просьбы Людовика XIV объединиться с ним против Испании и был защищен от самых блестящих предложений, сделанных ему этим монархом, в то время как Людовик покорил Нидерланды, вторгся в Голландию, завоевал Франш-Конте, пересек Пиренеи и проник в Каталонию.

Можно сказать, что испанское правительство в этот момент сыграло самую злодейскую роль, если это действительно правда, как утверждалось, что оно тогда тайно замышляло убийство столь твердого и верного союзника.

Португальский двор, находившийся в банях *Обидоса*, получил известие, что был составлен ужаснейший заговор с целью убийства регента, его супруги, инфанты, его дочери, и замены Альфонсо Пятого на троне. Преступники были вскоре обнаружены, схвачены, преданы суду и приговорены к смерти. Соответственно, дон Франсиско Мендоса, дон Антонио де Кавида и их сообщники были публично казнены. Расследование, проводившееся по этому делу, тщательно скрывалось; и все же выяснилось, что испанский посол не был незнаком с этим ужасным заговором. Прохладность, существовавшая между ним и двором, усиливала подозрения публики, но достоинство дипломатического характера защищало его личность. Португальский министр при мадридском дворе вскоре после этого был самым грубым образом оскорблен в своем собственном доме и, не имея возможности добиться возмещения ущерба, вернулся в Лиссабон. Оскорбления, на которые невозможно было отомстить, были обойдены молчанием

благоразумным регентом, который, однако, не пренебрегал всеми мерами предосторожности, которые положение его дел делало необходимыми. Он приказал привести границы в надлежащее состояние обороны и послал хорошо вооруженную эскадру на Терсерес (или Азорские острова), чтобы вернуть своего брата Альфонсо, с которым, как было намеренно сообщено, там обращались неподобающим образом. Война между Францией и Испанией все еще продолжалась, хотя, по всей видимости, она близилась к концу; и в тот самый момент, когда дон Педро узнал о мирных предложениях, сделанных в Нимегене, он предложил выступить посредником между двумя державами. Это предложение было воспринято Людовиком XIV с такой степенью высокомерия и презрения, что навлекло на себя нескончаемое негодование принца, к которому он очень скоро был вынужден обратиться за помощью.

Давайте теперь вкратце рассмотрим положение Португалии на этом критическом этапе. Усилия, предпринятые регентом, чтобы нанести завершающий удар войне, длившейся двадцать шесть лет, уже были отмечены; но какими бы великими ни были причиненные ею страдания, они были гораздо менее прискорбными и гораздо легче устранялись, чем те, которые претерпела Португалия, находясь под владычеством Испании: таковы были эти бедствия, что само время не смогло их исправить.

За шестьдесят лет, пока эта несчастная страна стонала под испанским игом, военно-морской флот был почти полностью уничтожен; погибло более 200 крупных торговых судов. Из арсеналов и фортов было украдено более 2000 медных пушек и бесконечное количество железных; а большая площадь в Севилье была одно время заполнена 900 орудиями, на всех из которых был изображен герб Португалии. Двести миллионов золотых крон были вывезены из страны в период с 1584 по 1626 год, а испанским подданным были пожалованы лучшие поместья и богатейшие домены. Голландцы лишили их также островов Цейлон, Тернате и Тидор; они вынудили Малакку сдаться после долгой осады, овладели портами Мина и Аргуин на побережье Гвинеи и основали различные поселения в Бразилии; короче говоря, потери, понесенные португальцами за эти шестьдесят лет, были таковы, что все их усилия до сих пор были совершенно недостаточны для их возмещения. Торговля специями и Ост-Индией, которую они вели исключительно в течение целого столетия, затем перешла в руки голландцев и англичан; и португальское правительство, обнаружив невозможность вернуть себе эту ценную отрасль торговли, обратило все свои помыслы к Бразилии, из которой им было нелегко изгнать голландцев. Точно так же дон Педро, впервые вступив на престол, сделал эту важную колонию одним из главных объектов своего внимания и не жалел усилий, чтобы расширить ее до предела своих возможностей.

В это время стало необходимым укрепить авторитет миссионеров, которые с момента своего первого появления во внутренних районах Америки защищали своих прозелитов от вооруженных дикарей, не имея иного оружия, кроме евангелия Христа в одной руке и распятия в другой. Поэтому 21 декабря 1686 года был опубликован указ, в котором провозглашалось, *что святые отцы общества Иисуса должны быть наделены не только духовной властью, как прежде, но также политической и светской, над городами и селами, находящимися под их управлением.*

Через несколько лет после опубликования этого указа, который, хотя и открыл португальцам доступ к золотым и алмазным рудникам в Бразилии, едва не привел к самым фатальным последствиям в Парагвае, в порт Лиссабона вошел самый богатый флот, когда-либо выходивший из Бразилии. В нем находилось более полутора тонн золота, и он пришелся как нельзя кстати, чтобы облегчить нужды дон Педро, который, предвидя события, которые, скорее всего, последуют за смертью короля Испании Карла II, готовил значительное вооружение, на которое потребовались такие большие расходы, что королевская казна была почти истощена, и он был вынужден обратиться к *кортесам*, от которых он получил 600 000 крон.

Людовик XIV, глубоко заинтересованный в действиях Португалии, вскоре был проинформирован об этой новой субсидии и очевидных мотивах, которыми руководствовался король, чтобы побудить к ее скорейшему предоставлению. Поначалу это известие, по-видимому, не произвело особого впечатления на французского монарха, но вскоре он был оскорблен им, и еще больше - известием о том, что испанский посол по-прежнему роскошно жил в Лиссабоне, в его собственном доме ставили оперу, он устраивал самые великолепные приемы и преуспел в завоевании благосклонности короля Португалии.

Французский двор прекрасно понимал, что дон Педро имеет законные притязания на корону Испании, что его близость к Мадриду облегчит его взгляды и что он может легко найти союзников для поддержки своих притязаний; поэтому было сочтено целесообразным направить чрезвычайного посланника с приказом разузнать о намерениях лиссабонского двора по этому вопросу.

Чем ближе Карл II приближался к своему концу, тем больше европейских держав было задействовано в разработке планов раздела его наследства. Во время его болезни были заключены различные договоры между Францией, Англией и Соединенными провинциями; но вскоре они были аннулированы, когда после кончины этого принца его завещание провозгласило Филиппа, герцога Анжуйского, наследником короны Испании. Новый король был сначала признан всеми державами Европы, кроме Империи: он принял на себя титул Филиппа Пятого и немедленно отбыл в Испанию. Именно этот случай послужил поводом для следующей памятной речи Людовика XIV: *“Сын мой, теперь больше нет Пиренеев”*; речь, которая, к несчастью, была слишком скоро забыта, поскольку первая война, предпринятая Францией после войны за *престолонаследие*, была против испанцев.

Филипп Пятый вступил в свои новые владения без малейшего сопротивления; он был принят с большой торжественностью и со всеми проявлениями радости 14 апреля 1701 года в Мадриде, где народ принес присягу на верность и выразил привязанность к его особе, которую не могли ослабить ни время, ни превратности судьбы. Лишенный войск, достаточных для противостояния объединенным силам Франции и Испании, и без союзников, которые могли бы снабдить его припасами, дон Педро отказался на данный момент от всякой мысли о предъявлении претензий дома Браганса на корону Испании и поспешил заключить союз с Людовиком XIV и Филиппом V, как наиболее подходящее средство помешать королям Испании возобновить свои притязания на корону Португалии.

Этот союз был весьма одобрен общественностью; португальцы все еще помнили о своем бедственном положении, находясь под властью австрийского дома, и с удовольствием и благодарностью вспоминали выдающиеся услуги, оказанные им Бурбонами. Их огромное

нежелание воевать также добавляло им удовлетворения, поскольку теперь у них были все основания льстить себе надеждой, что им позволят остаться нейтральными; но эта надежда, увы! вскоре был уничтожен, поскольку Англия, образовав 7 сентября 1701 года лигу с Империей и Голландией против Франции и Испании, сразу же после объявления войны приказала своему флоту начать военные действия у берегов Португалии. Дон Педро немедленно отдал приказ герцогу де Кадавалю собрать достаточное количество войск, чтобы обезопасить морские порты от посягательств англичан, и в то же время сообщил своим союзникам о своем положении и об опасности, которая ему угрожала, если ему не окажут срочной помощи. Ни Франция, ни Испания не были в состоянии снарядить флот, способный противостоять нападениям англичан, и все же эти державы настаивали на активном участии Португалии в войне. Испания, в частности, обошлась с португальским послом с невыносимой дерзостью, и когда он настаивал на необходимости сохранения нейтралитета своего господина, кардинал Портокарреро ответил ему, *“что от мятежного герцога Браганса нельзя ожидать иного поведения”*.

Король Португалии, миролюбие которого даже побудило его умолчать об известии, полученном им от своего министра в Гааге, о том, что по частному договору между Францией и Испанией его королевство должно было стать провинцией последней упомянутой страны, теперь счел себя вправе порвать с союзниками, которые не только отдали его во власть его врагов, но даже были использованы для его уничтожения, поэтому 6 мая 1703 года он вступил в лигу, названную *великим альянсом*, и получил самые благоприятные условия; император пообещал, что будет поддерживать его. продолжайте платить 14 000 португальцев, и королева Англии возьмет на себя обязательство содержать флот, готовый в любое время защищать Португалию и ее колонии. В этом договоре были также секретные статьи, сам по себе этот договор не должен был быть обнародован до прибытия эрцгерцога Карла в Лиссабон, согласно которым дону Педро должны были быть переданы Бадахос, Алькобас, Алькобас, Валентия в Эстремадуре; Байонна, Виго, Туи и Гардия в Галисии.

Людовик XIV вскоре был ознакомлен с этим соглашением и приказал своему послу потребовать объяснений, в чем ему постоянно отказывали.

9 мая 1704 года английский флот появился у берегов Лиссабона и высадил эрцгерцога Карла вместе с 10 000 человек. Через несколько месяцев после его прибытия португальский двор был повергнут в глубочайшее отчаяние смертью инфанты, восьмилетней девочки, которая была помолвлена с эрцгерцогом. Поскольку крайне важно не терять времени при начале боевых действий, войска едва высаживались на берег, как их использовали на реальной службе. Во время первой кампании не произошло ничего решающего; хорошие и плохие успехи одинаково сопутствовали их оружию; и только англичане одержали победу, которую они постоянно сохраняли. Испанцы по самой непростительной небрежности оставили Гибралтар всего с гарнизоном в сто человек, и 4 августа он был взят англичанами, сражавшимися под командованием принца Дармштадтского и адмирала Рук.

Вторая кампания 1705 года не имела большого значения, а преимущества, достигнутые в следующем году, были скорее блестящими, чем основательными. 16 июня лорд Голуэй и маркиз де Минас вошли в Мадрид без сопротивления и добились провозглашения эрцгерцога Карла королем Испании; однако большая часть народа, верная своим первым обязательствам, осмелилась даже в тот же день прокричать: *“Да здравствует Филипп Пятый, наш законный*

государь”. Подобные знаки внимания, проявленные испанцами в такой момент, были верным предзнаменованием того, что триумф эрцгерцога будет недолгим.

Английская и португальская армии оставили Мадрид 1 августа и благоразумно избежали столкновения с испанскими и французскими войсками под командованием маршала Бервика, поскольку были проинформированы о том, что они недавно получили мощное подкрепление из Франции. Английские и португальские генералы были в этом случае осуждены или оправданы, в соответствии с требованиями партийного духа, за то, что не воспользовались большим преимуществом столь удачного начала.

Когда португальские войска были возвращены на зимние квартиры, король отдал приказ о наборе двенадцати тысяч человек, будучи полон решимости вести войну с величайшим духом и активностью; но, к несчастью для Португалии и ее союзников, дон Педро ушел из жизни после очень непродолжительной болезни 9 декабря 1706 года.

Заслуженный историк[30] осмелился обвинить этого принца в том, что он не остался нейтральным в *войне за престолонаследие*; но мы уже видели, что он был вынужден прибегнуть к враждебным мерам из-за поведения различных сторон. Другие историки, еще более строгие, обвиняют его в недостаточном внимании к важным объектам сельского хозяйства и торговли. Ничто не может быть более несправедливым в большинстве случаев, чем эти упреки, поскольку именно во время его правления овощи и самые вкусные фрукты впервые расцвели в Португалии,[31] и что с Англией был заключен знаменитый договор, по которому последняя держава обязалась покупать португальские вина в обмен на английские.

Современные авторы отдали больше справедливости заслугам этого монарха и наделили его не только выдающимися добродетелями, которые должны украшать великого монарха, но и превосходящими талантами мудрого администратора. Потомки пошли еще дальше, приписывая ему двойную заслугу: благодаря своему первому союзу с Испанией он славно положил конец опасной революции в государстве и добился своего, незаметно совершив еще одну революцию в своей собственной семье.

Джон Пятый, сын дона Педро (или Педро II) вступил на престол 9 декабря 1706 года, но торжественно провозглашен королем только 1 января 1707 года. Этот молодой принц, которому было всего семнадцать лет, оставался верен обязательствам, взятым его отцом на стороне союзных держав против Франции и Испании, и сделал все возможное, чтобы вести войну с величайшей энергией. Успех, однако, не ждал его оружия, поскольку Филипп Пятый, вернувшись в свою столицу 8 октября 1706 года, передал командование армией, предназначенной для действий против Португалии, маршалу Бервику, который 15 апреля 1707 года одержал полную победу над союзными армиями под командованием лорда Голуэя в знаменитой битве при Альмансе, где большая часть португальцев, присутствовавших при этом, были либо убиты, либо взяты в плен. Экстраординарное обстоятельство, и единственное в своем роде, с которым можно столкнуться в истории, имело место в этой битве, где англичане под командованием французского генерала,[32] были разбиты англичанином, командовавшим французской армией.

1708 год, хотя и не представляет ничего интересного в сравнении с действиями, имевшими место между Испанией и Португалией, всегда должен вызывать в нашей памяти самую благородную победу, когда-либо одержанную человечеством над разрушительными

последствиями войны; поскольку короли этих двух стран по взаимному согласию предотвратили военные действия любого рода против земледельцев и виноградарей.

Иоанн Пятый в том же году объединился еще более тесными узами с австрийским домом и 8 октября заключил союз со второй дочерью императора Леопольда. Радость, вызванная этим браком, была значительно усилена прибытием из Бразилии торгового флота, состоящего из ста судов, имевших на борту золота, бриллиантов и табака на сумму до шести миллионов фунтов стерлингов.

Ничто не могло быть более своевременным, чем это снабжение; субсидии, обещанные португальцам, были выплачены очень скудно, а их армия значительно пострадала 7 мая 1709 года, когда португальцы потерпели поражение на берегах *Кайу* от маркиза де Бея в кампании при Гудине.^[33] Король был также вынужден противостоять доводам своих союзников в деле, от которого он решил не отказываться; и послы Империи и Англии вместе с Генеральными штатами самым решительным образом протестовали против привилегий министров иностранных дел, которые его отец отменил двадцать лет назад, он отвергал все их доводы с твердостью, которой они никак не ожидали, и заставил их отказаться от своих притязаний. 1709 год, который так удачно начался для эрцгерцога Карла, закончился самым катастрофическим образом для него и для Португалии.

Генерал Стенхоуп 27 июля разбил французскую и испанскую армии при Альменаре, а затем внес большой вклад в одержание великой победы при Сарагосе; в этом случае маркиз де Бэй был настолько наголову разбит графом де Старембергом, что Филипп V был вынужден покинуть Мадрид, а эрцгерцог вошел в столицу, не нанеся ни одного удара. Однако ни один монарх никогда не встречал худшего приема со стороны своих подданных; они относились к нему со всеми возможными признаками отвращения, избегали встречаться с ним взглядом, запирались в своих собственных покоях и даже брезговали подбирать деньги, которые он выбрасывал на улицы. Все его попытки вырвать клятву верности у нескольких представителей знати оказались бесплодными, и, приказав маркизу де Мансера,^[34] президенту совета Кастилии, старику, которому исполнилось сто лет, подойти и поцеловать ему руку, он получил следующий ответ: “У меня только одна вера и один король, и это Филипп пятый, кому я поклялся в верности. Я признаю эрцгерцога великим князем, но не своим сувереном, и, прожив сто лет, не нарушив ни одного из своих обязанностей, я не стану за тот короткий промежуток времени, который мне еще предстоит провести в этом мире, пятнать свою незапятнанную репутацию бесчестным поступком”.

Эрцгерцог, раздраженный таким противодействием, предложил отдать город на разграбление, но великодушный Стенхоуп, представляющий жестокость и неразумность такой мести, сказал: “Что ж, - ответил Карл, - если мы не можем разграбить город, давайте хотя бы покинем его”. Если, действительно, приближение герцога Вандомского не сделало это отступление необходимым, одни обстоятельства рано или поздно должны были вынудить эрцгерцога пойти на этот шаг; поскольку и он, и его сторонники начали осознавать невозможность сохранить корону, которая была утрачена. Люди решили, рискуя своими жизнями и имуществом, водрузить на голову того, кого они признали ее законным обладателем. Неудача, которую испытал Филипп, отнюдь не ослабила привязанности испанцев, а во многом способствовала ее усилению; на самом деле, привязанность, которую они питали к нему, была настолько велика, что они предпочли сжечь свои припасы, чем продать их его врагам. Такое поведение послужило

поводом для замечания Стенхоупа, “что победоносная армия действительно могла бы пройти маршем по Испании, но для удержания ее в своих руках требовалась еще более сильная армия”.

Если отступление через страну, столь недоброжелательно настроенную по отношению к Карлу, само по себе было настолько опасным, то насколько опаснее оно должно быть после прибытия такого врага, как герцог Вандомский, который, вернув Филиппа в Мадрид 3 декабря, немедленно отправился в погоню за эрцгерцогом и Стенхоупом, которые прилагали все возможные усилия, чтобы вернуть Португалию.

Вандом, переправив свои войска вплавь через Тахо, атаковал генерала Стэнхоупа, который был заперт в *Бригега*, и 9 декабря заставил его сдаться в плен вместе с 5000 англичанами. На этом его успех не закончился, ибо, присоединившись в тот же день к графу де Старембергу в Вильявизиозе, он на следующий день дал сражение, известное в истории под названием вышеупомянутого места.

Филипп V, который до сих пор не присоединился к своим генералам на поле битвы, командовал в тот день правым крылом своей армии, в то время как герцог Вандомский выступил во главе левого; и таким образом была одержана победа, которая положила конец всем конфликтам и предоставила ему непревзойденное владение короной Испании. Именно после этого сражения Филипп, не обеспеченный кроватью, Вандом воскликнул: “Сейчас я сооруду тебе самую великолепную постель, на которой когда-либо спал государь”; и он приказал сделать матрас из штандартов и цветов, взятых у врага.

Поражение при Вильявисьосе поставило португальцев в крайне критическое положение, и в 1711 году было сочтено крайне необходимым защищать свои собственные границы, насколько это возможно, никогда не пытаясь нападать на границы своих соседей. Разведанные, полученные о захвате Рио-Жанейро Ги Труэном, лишили его всякой надежды на дальнейшее продолжение войны. Этот город сдался после одиннадцатидневной осады 23 сентября, и потери в этом случае были оценены в двадцать пять миллионов французских ливров, что сделало невозможным для Бразилии (по крайней мере, на некоторое время) снабжение метрополии: обстоятельство, о котором следует сожалеть тем больше, что Португалия никогда так сильно не нуждалась в помощи.

Теперь их единственным ресурсом был мир, и произошло неожиданное событие, которое не только дало им возможность сделать предложения, но и ускорило переговоры. Император Иосиф умер, эрцгерцог Карл унаследовал от него императорское достоинство; и с этого момента возложение короны Испании на его голову противоречило интересам не только союзников, но и всей Европы. Сохранение *баланса сил* было *предлогом*, использованным для войны, которая, безусловно, никогда не была бы продолжена, если бы обширные владения императора Карла Пятого были еще раз объединены под властью одного и того же человека. Однако реальным и единственным мотивом этой войны, по-видимому, является древняя ненависть к имени Людовика Великого.

В течение того же 1711 года Франция начала вступать в переписку с Англией: герцог Мальборо был отозван Сент-Джеймским двором, чьи взгляды склонялись к миру в той же степени, в какой его взгляды вели к войне. При таком положении дел португальцам хватило благоразумия еще теснее, чем когда-либо, отстаивать интересы Великобритании: соответственно, они были

допущены на конференции, состоявшиеся в Утрехте 29 января 1712 года, а 11 апреля того же года Франция заключила мир пятью различными договорами; первый с Англией был подписан в *три часа пополудни*; второй с герцогом Савойским - в *четыре часа*; третий с королем Португалии - в *восемь*; четвертый с королем Пруссии - *в полночь*; и пятое - с участием Генеральных штатов, в *четверть второго* на следующее утро.

Договором с Португалией Франция обязалась, что Испания не будет предъявлять претензий ни на какую часть этой страны; и в то же время отказалась от своих притязаний на реку Амазонку. Теперь для спокойствия Иоанна Пятого ничего не оставалось, как заключить мир с Филиппом Пятым, и, поскольку все трудности были устранены при посредничестве версальского двора, он был наконец подписан в Утрехте 13 февраля 1715 года.

Народ Португалии, избавленный таким образом от ужасов войны, пребывал в величайшем спокойствии во время правления Иоанна Пятого, который никогда не принимал ни малейшего участия ни в одной войне, за исключением той, которая возникла между Церковными государствами, венецианцами и турками вскоре после заключения Утрехтского мира. По этому случаю король Португалии выслал эскадру на помощь первому; и папа римский, в знак признания столь важной услуги, разделил архиепископство Лиссабона на две епархии и возвел королевскую часовню в достоинство столичной, патриаршей церкви: с тех пор город Лиссабон был разделен на два больших района, получивших названия восточный и западный.

Патриарх получил разрешение от папы римского совершать богослужения в одежде, подобной одежде его святейшества, в то время как каноники его церкви имели привилегию носить одежду, напоминающую одежду кардиналов.

Король немедленно приказал воздвигнуть великолепнейшую патриаршую церковь и значительно украсил прекрасный дворец своих предшественников: он также построил акведук, который был скорее полезен, чем великолепен, поскольку Лиссабон до сих пор очень плохо снабжался водой; в то же время, с другой стороны, он построил роскошный монастырь Мафра, который с равной справедливостью можно назвать скорее *великолепным* чем *полезным*.^[35] Вкус, проявленный его величеством к архитектуре, не отвлекал его внимания от развития искусств и наук. 8 декабря 1720 года он издал указ об учреждении *Королевской академии истории Португалии*.^[36] Он отдавал приказы о закупке множества любопытных и ценных предметов из зарубежных стран, таких как картины, статуи, книги и рукописи. Он поощрял и вознаграждал художников всех мастей и преуспел в том, чтобы вдохновить их благородным соревнованием, столь необходимым для развития талантов; но он недостаточно интересовался ремесленниками и средствами улучшения трудолюбия своего народа и превращения его в величайшую пользу: это пренебрежение, вероятно, можно отнести к лорду Тайроули, английскому послу, который получил очень большое влияние на умы этого принца; который, однако, уделял строжайшее внимание всем другим отраслям администрации. Он обладал твердым характером, был строгим блюстителем справедливости и гораздо лучше, чем кто-либо из его предшественников, знал, как поддерживать необходимое подчинение между народом и знатью, которые раньше были очень абсолютными, более того, почти независимыми. Он несколько раз доказывал свою строгую приверженность правосудию; особенно в следующем случае; когда Сезар де Менезес, сын вице-короля Баии, с помощью нескольких других дворян насильно вызволил одного из своих слуг из рук корректора, король немедленно лишил

последнего работы в наказание за недостаток твердости; сослал Менеза в Африку и либо сослал, либо заключил в тюрьму всех джентльменов, причастных к этому делу.

Этот монарх, хотя и был рабски привязан к прекрасному полу, все же сохранял непреклонную справедливость своего характера, даже в моменты, когда величайшие люди иногда поддавались соблазну красоты. Родственники джентльмена, приговоренного к работе в шахтах, ухитрились заинтересовать любовницу короля в свою пользу; но этот принц вскоре положил конец ее мольбам, заметив, “что помилование, которого она просила, зависело от короля Португалии, который проживал на *территории Пако*: но в ее доме он появлялся не иначе как в качестве ее любовника”.

Монастыри и различные дома вельмож, которые до сих пор служили убежищами для преступников, были в это царствование лишены этой привилегии, которая на самом деле служила только для того, чтобы укрывать самых отъявленных злодеев от наказания за их преступления. Его гуманность была равна его справедливости, ибо во время эпидемической болезни в Лиссабоне, которая в 1723 году уносила тысячу человек в месяц, он три раза в неделю давал аудиенции каждому описанию своих подданных, будь то чернокожие или белые, свободные или рабы; он также запретил знати, составлявшей его двор, покидать столицу и настаивал на том, чтобы они поддерживали его благосклонность и помогали ему в распределении его благотворительных пожертвований.

Ужасная буря в следующем году уничтожила более сотни судов в Тежу: немедленно же милосердная рука этого гуманного монарха была протянута, чтобы возместить, насколько это было в его силах, жестокие потери, понесенные в этом роковом случае.

Великие злоупотребления, которые в течение длительного времени имели место в управлении святой канцелярией, привлекли внимание справедливого и милосердного государя. Иоанну Пятому удалось провести важнейшую реформу. До его правления заключенным, содержащимся под стражей инквизицией, никогда не разрешалось выступать адвокатом; столь серьезное злоупотребление властью ощутимо повлияло на короля, который в 1725 году получил буллу от папы Бенедикта XIII, согласно которой этим несчастным заключенным оказывалась любая помощь, которую правосудие считало необходимой в их ситуации: за этим последовал указ, обязывающий инквизиторов сообщать о вынесенных ими приговорах королевскому совету до приведения их в исполнение.

Таково было поведение Иоанна Пятого, что его в равной степени любили и боялись его люди. Вельможи, действительно, смотрели на него скорее со страхом, чем с любовью; истина, в которой он был настолько хорошо убежден, что, как говорят, заявил, что, хотя его дед боялся вельмож, а его отец одновременно любил и боялся их, сам он их не боялся и не любил.

Предполагается, что эти чувства возникли в его груди из-за неподобающего поведения дворян, которые по прошествии нескольких лет, когда у королевы не было детей, пренебрегли уходом за его величеством и особенно привязались к его брату, дону Франсиско: принцу, который изображен с таким диким нравом, что кажется странным, что кто-либо желает приблизиться к его особе. Один автор, [\[37\]](#), в частности, упоминает его как жестокого, постоянно наслаждающегося драками и наводняющего улицы Лиссабона во главе группы вооруженных людей, которые по ночам бродили по городу в поисках приключений. Эти шайки джентльменов назывались *ranchos*; их развлечение состояло в нападении и оскорблении

всевозможных пассажиров, и сила примера была такова, что несколько представителей первой знати соперничали с доном Франсиско в совершении этих ужасных беспорядков. Герцог де Кадаваль, маркиз де Мариалва, де Кашкаес, Авейрос и Обидуш имели каждый свое отдельное *ранчо*. Ни одна ночь не проходила без того, чтобы эти прославленные бандиты не ранили или не убили людей; ненависть, месть и своего рода гражданская война по всему городу, не сдерживаемая присутствием короля, были естественными последствиями такого ужасного варварства. Иностранцы также заключали наступательные и оборонительные договоры; и отряд моряков покинул свои суда под предлогом нападения на лиссабонских храбрецов, которых они грабили всякий раз, когда их отряд оказывался сильнейшим.

В этих ночных сценах также сыграл свою роль персонаж, который впоследствии стал совсем другой и еще более прославленной фигурой на страницах истории. Карвалью, обладавший необычайной силой и непобедимым мужеством, с почти гигантской фигурой, казалось, решил превзойти любого другого бравого бойца того времени. Он выбрал себе в спутники человека с умом и внешностью, похожей на его собственные, который, как и он сам, был одет в белую испанскую шапочку, башмаки и шляпу того же цвета: в таком облачении их было легко отличить ночью, когда они без какой-либо другой помощи нападали на разные *ранчо*, которые они часто завоевывали, хотя никогда не подвергались самому опасному сопротивлению и не получали нескольких ран.

Все усилия его величества предотвратить такие ужасные беспорядки оказались бесплодными: считалось, что они в какой-то степени проистекают из рыцарского духа, который соответствовал национальному вкусу и который народ не хотел угасать. Справедливость, которая всегда отличала характер короля, примерно в то же время подверглась суровому и необычному испытанию в результате весьма неожиданного заявления, которое, по всей видимости, было вполне обоснованным. В 1724 году шевалье *Порта*, дворянин из Лозанны, прибыл в Португалию и был представлен ко двору, где потребовал личной аудиенции у его величества по совершенно особому поводу; ни больше ни меньше, как для того, чтобы предъявить права на владения дон Антонио, который был провозглашен королем Португалии в 1580 году и от которого, как он утверждал, по прямой линии происходила его жена. Король, даровавший ему несколько аудиенций и принявший его с большим почетом, однако, не рискнул выносить суждение ни за, ни против его притязаний, а оставил решение двум хунтам или советам. Они были немедленно собраны, и по этому случаю было заслушано мнение самых известных гражданских лиц. Результатом их обсуждения стало то, что требования швейцарского джентльмена не были законными, поскольку дон Антонио был объявлен Филиппом II королем Испании вне закона как предатель своей страны, а его имущество справедливо конфисковано в пользу короны. Это решение гражданских лиц было одобрено и подтверждено двумя хунтами.

В том, что Филипп II, который сам узурпировал корону Браганса, вынес такой приговор, нет ничего необычного. Филипп IV подобным же образом вынес приговор такого же характера против этой семьи; но поистине удивительным должно показаться в глазах потомства, что внук герцога Браганца признает такое судебное решение справедливым и законным. В то время как португальцы с благодарностью и благословением взирали на принца, при правлении которого они наслаждались всеми удобствами мира, и в то время как его отеческие руки всегда были открыты для новых проявлений его щедрости, они были накануне удара по их счастью, столь же ужасного, сколь и неожиданного.

Иоанн Пятый, который был выше среднего роста, очень хорошо сложен и настолько чрезвычайно силен, что его величайшим удовольствием на корриде было хватать разъяренное животное за рога и валить его на землю, заболел затяжной болезнью, которая в течение последних восьми лет его правления довела его до состояния бездействия, весьма пагубного для интересов его королевства.

Его преданность делу после этого нападения была настолько велика, что он пренебрег всеми общественными делами, которые были полностью переданы на попечение брата Гаспара, *монаха-реколлы*. С этого момента государственные доходы были потрачены на строительство или пожертвование монастырей и церквей, а также на проведение месс: это последнее богослужение было доведено до такого предела, что доходило до безумия; и стало необходимым скрыть от его величества смерти, имевшие место в Лиссабоне; ибо как только кто-нибудь умирал, будь то самый ничтожный из его подданных, он приказывал отслужить по этому случаю по меньшей мере сотню месс. Это дало начало следующему выражению: *“что Иоанн отправил живых в ад, чтобы вымолить мертвых из чистилища”*.

Во время этой смертельной болезни, которая закончилась смертью 31 июля 1750 года, все ветви администрации расслабились, и в конце концов государство оказалось не только без денег, но и с долгом в сто миллионов французских ливров.

Иоанн Пятый, как уже было отмечено, был высокого роста; фигура у него была благородная, а лицо приятное, хотя цвет лица был довольно смуглым и плотным. Его платье было великолепным, и он прислал из Парижа за всеми своими нарядами. Что касается его характера, то его не очень легко описать; он особенно ревниво относился к достоинству своего трона и своему положению короля и больше стремился внушить своим вельможам страх, чем любовь. Во многих деталях он был очень похож на Людовика XIV; их вкусы совпадали, за исключением военного снаряжения, которого португальский монарх всегда желал избегать. Французы и некоторые другие нации упрекали этого принца в его пристрастной привязанности к англичанам, в руки которых он передал всю торговлю как Португалии, так и ее колоний.

Иосиф Первый наследовал своему отцу в самый неблагоприятный момент: плачевное состояние правительства и финансов требовало не только его строжайшего внимания, но и помощи самых способных министров. Диего де Мендоса был первым, на кого была возложена забота о государственных делах; но его величество вскоре понял, что его выбор пал на неподходящего человека. Карвалью, которому уже упоминалось как предназначенному сыграть большую роль на сцене Португалии и который в будущем станет самой заметной фигурой в этой истории, проявил очень большие таланты в своих посольствах в Лондон и Вену: он также показал себя настолько выше всех, кто входил в совет, созданный по случаю смерти Иоанна Пятого, что его назначили на место Мендосы, который впоследствии был сослан в Мазаган, в Африку.

Новый министр родился в 1699 году в семье джентльмена из Суре, недалеко от Коимбры; в университете, в котором он получил образование: добившись больших успехов в учебе, он поступил на службу, которую из-за своего легкомыслия и недостойного поведения вынудил его бросить. Окунувшись в удовольствия большого мира, его галантность и рыцарский дух привлекли внимание молодой наследницы из прославленного дома Альмада. Ему удалось похитить ее и жениться на ней вопреки ее семье, чьему негодованию он безнаказанно противостоял, несмотря на все их попытки уничтожить его: к счастью для него, брат Гаспар, который был дядей герцога д'Авейру и фаворитом Иоанна Пятого, был его особым другом и

немедленно отправил его: сначала в Лондон, а затем в Вену, секретарем посольства. Во время своего пребывания в последнем упомянутом городе он получил известие о смерти своей жены. Очень скоро он был счастлив пленить сердце родственницы знаменитого графа де Дауна, и, получив дворянские грамоты от Лиссабонского двора, все многочисленные возражения, высказанные поначалу против этого союза, были немедленно устранены. Столь удачливый в чужой стране, давайте теперь рассмотрим различные качества и таланты, которые проложили путь к блестящему посту, который ему было суждено занять по возвращении на родину. На странице истории едва ли найдется человек, обладающий таким тонким пониманием и таким сильным умом; или который мог бы принимать такие разнообразные формы, с таким разительным контрастом характеров. Он, действительно, последовательно демонстрировал живое остроумие и обворожительные манеры законченного светского человека; развитый ум самого образованного ученого; гибкий юмор самого искусного придворного; живую гениальность самого опытного делового человека; и тонкий дух самого искусного переговорщика. Со своими друзьями Карвалью иногда был открыт и совершенно не сдерживался; в то время как в другое время он обращался с ними с тем же глубоким притворством, которое он практиковал по отношению к своим врагам. Услуги, которые он получал, всегда вознаграждались, а нанесенные ему увечья никогда не прощались. Его манеры по отношению к иностранцам были столь же простыми и услужливыми, сколь жесткими и сдержанными они были по отношению к его соотечественникам. Действительно, масштабы его способностей и глубоких познаний в политике были таковы, что он всегда был одинаково знаменит и как государственный министр, и как управляющий иностранными делами.

Большое сходство, существующее между Карвалью, маркизом де Помбалом, и кардиналом де Ришелье, дало повод для следующего сравнения. [38] Каждый из этих двух великих личностей поднялся со среднего жизненного уровня до высочайшего положения. Каждый управлял с помощью террора и восстановил суверенную власть, отрубая головы и смиряя высокомерие мятежной знати. Каждый из них нелепо претендовал на звание признанного умника и обладал универсальными знаниями. Каждый был глубоким политиком, властным хозяином, непримиримым врагом, и все же обладал дружелюбными манерами. Каждый достиг высокого положения честными средствами, и хотя они одинаково пренебрегали преклонением колен перед святыней удачи, каждый стал обладателем огромного богатства.

Если бы мы попытались подробно рассказать о долгом правлении маркиза де Помбаля, это значительно превысило бы рамки данной работы; поэтому мы обратим внимание лишь на некоторые важные подробности и наиболее примечательные события, имевшие место во время правления его хозяина.

Соответствующие владения Испании и Португалии на континенте Южная Америка никогда не были должным образом разделены; но в 1751 году туда были отправлены комиссары для урегулирования этого дела, и по их докладу были установлены границы и проведена линия разделения между владениями этих двух держав; это было одобрено и подтверждено договорами, подписанными в апреле месяце того же года; эти договоры, однако, было нелегко привести в исполнение, поскольку индейцы Пара и Мариньяна решительно выступали против, и еще более яростно со стороны тех, кто населял страны близ рек Ди. - Урагуэй и Парана. Какими бы ни были мотивы, выдвигавшиеся в пользу войны, объявленной тогда против этих индейцев, принцип, на котором она была основана, был, безусловно, несправедливым; ибо даже при предположении, что одна держава имеет право настаивать на принятии соседними штатами

формы правления, наиболее соответствующей взглядам этой державы; она, конечно, никогда не сможет посягать на их независимость; особенно после того, как они подчинились новым установленным законам, жили счастливо при них; и не желали ничего больше, чем получить возможность спокойно пользоваться благами мира. Португальцы, которые боялись приближения испанцев к Бразилии, и еще более особенно к рудникам Святого Павла и их поселениям на реке Парана; и испанцы, которые в равной степени опасались, что португальцы, разместившись на Урагуае и Рио-де-ла-Плата, подойдут слишком близко к колониям Буэнос-Айрес, Чили и рудникам Потоси, по взаимному согласию уступили участок страны, лежащий между их различными поселениями, иезуитам, которые действовали как миссионеры в этой отдаленной части земного шара.

Если предоставление этих земель, протяженность которых никогда не была установлена, хотя ширина была определена, стало явно недействительным для тех, кто его уступил, оно не могло быть действительным для тех, кто его подписал; если, конечно, оно не было признано таковым заинтересованными сторонами; и это было основанием, на котором миссионеры строили все свои претензии. Это общество святых людей, к позору других колоний,^[39] постоянным вниманием и усердием значительно очеловечило Парагвай и другие страны в кругу своей миссии: повсюду были построены деревни, христианство восторжествовало над неверием и идолопоклонством; дикари стали цивилизованными и жили счастливо под мудрым управлением; действительно, ни один народ никогда не появлялся более поистине благословенные; плоды их труда распределялись совместно; не было ни богатых, ни бедных; не было различий между высоким и низким, следовательно, не было скупости, честолюбия или зависти: все принимали равное участие в дневных трудах и все были одинаково вознаграждены. Иезуиты расселялись по разным городам и деревням, относились к людям с отеческой нежностью и правили всем Парагваем, как древние патриархи, окруженные многочисленной и любящей семьей. Власть, которую они установили с помощью политической системы, весьма отличной от власти большинства земных правительств, была основана на совершенном союзе общественной пользы и личного счастья; и эта удивительная республика некоторое время просуществовала в мире; ибо миссионеры из умеренности и желания избежать любых споров с Испанией и Португалией платили разумную дань этим державам, не ропща на незаконность такого требования к свободному народу, который, хотя и образовал теперь содружество, по этой причине не мог считаться ни испанским, ни португальским.

Дворы Лиссабона и Мадрида, завидовавшие огромному населению и быстрому развитию цивилизации стран, расположенных так близко к их важнейшим колониям, объединились, чтобы отнять у иезуитов плоды их трудов и разделить добычу между ними. Напрасно эти святые отцы заявляли о своих законных притязаниях на земли, которые были особо дарованы им, и о несправедливости совершения такого надругательства над свободным народом, который, хотя и принял христианскую религию и перенял европейские манеры, никогда не собирался склонять свою шею под ярмо иностранных держав. Справедливые доводы, выдвинутые иезуитами, были расценены как акты восстания, и вооруженные силы немедленно вторглись в их колонии. Индейцы оказали все возможное сопротивление, но вскоре были побеждены превосходящими навыками и опытом европейских войск. Небольшое число из них подчинилось своим новым хозяевам, в то время как остальные, сопровождаемые своими святыми утешителями, отправились дальше по стране и основали другое поселение.

Война миссионеров приобрела в Лиссабоне очень серьезный характер, и Карвалью отправил своего брата прекратить ее как можно скорее. Последствия этой войны оказались в конце концов очень фатальными для иезуитов, поскольку она настроила короля против них с сильным предубеждением и, несомненно, подготовила путь к их уничтожению. Вскоре после этого Иосиф Первый изгнал из Лиссабонского двора не только всех отцов-исповедников этого ордена, но и всех других иезуитов, которые занимали какие бы то ни было должности.[40]

Примерно в это время финансовое положение Португалии стало настолько плачевным, что бразильское золото стало предметом величайшей важности для министра. Он знал, что обычный ежегодный ввоз золота из этой страны составляет сорок миллионов французских ливров, в то время как он также знал, что во всей Португалии в обращении находится не более пятнадцати миллионов, да и те не без сплава. Соответственно, он издал указ, запрещающий вывоз золота из королевства. Англия была сильно встревожена этим известием; и правительство сочло это дело слишком важным, чтобы доверять обычному способу представительства; поэтому лорд Тайроули был отправлен послом в Лиссабон со строжайшими предписаниями предотвратить действие этого эдикта; но ни его неоднократные возражения, ни угрозы враждебности со стороны его двора не помогли добиться его отмены.

Основание нескольких новых мануфактур в Португалии вызвало новые жалобы со стороны англичан, которым уделялось так же мало внимания, как и первой.[41]

Между тем Португалия была на грани гибели под ударом, который никакое человеческое благоразумие не могло предвидеть или предотвратить и который был еще более ужасен, поскольку ему не предшествовало ни одно из тех знамений, которые обычно предвещают подобные ужасные события.

Никогда горизонт не казался более ясным, а солнце не сияло ярче, чем 1 ноября 1755 года, и никогда португальцы не готовились праздновать День всех Святых при более благоприятных условиях; когда около десяти часов, привлеченные прекрасной погодой и торжественностью праздника, люди с религиозной поспешностью устремились к церквям, земля внезапно задрожала у них под ногами; облака пыли заслонили солнце; музыкальные инструменты, приглашавшие их причаститься святых тайн, больше не звучали; повторяющиеся и сильные удары взрывного устройства привели к тому, что люди потеряли сознание. ощущалось землетрясение; дома со страшным шумом рушились на землю со всех сторон; самые прочные здания были разрушены; великолепный дворец королей Португалии был полностью разрушен, и едва ли те, кто жил в нем, нашли время спастись от того, чтобы быть погребенными под руинами.

Те из жителей Лиссабона, которым посчастливилось избежать завалов своих рухнувших жилищ, не знали, где искать убежища. Некоторые из них полетели к церквям, которые вскоре стали их могилами, в то время как другие, боясь быть поглощенными землей, которая, казалось, разверзлась, чтобы принять их, порывисто бросились к морю. Великолепные набережные на берегах Тежу были запружены людьми, когда в мгновение ока стихия, в которой они искали спасения, поднялась до невероятных высот и угрожала им, если это возможно, еще более ужасной смертью, чем та, от которой они стремились спастись. Морские волны поднялись на несколько морских сажений выше обычного уровня и, устремляясь к берегу, который им

никогда не суждено было захлестнуть, загнали внутрь суда, некоторые из которых благополучно прибыли, в то время как другие были полностью разбиты на куски и поглотили несчастных, которым не удалось быть погребенными в недрах земли.

Земля и вода были не единственными стихиями, которые боролись с несчастными португальцами; огонь и воздух также способствовали их уничтожению: первая, в частности, вызвала самые ужасные катастрофы: хотя поначалу она, по-видимому, задышалась среди мусора, вскоре она пробила себе проход и вырвалась наружу с такой яростью, что сводила на нет все попытки остановить ее продвижение.

Общественные склады и частные склады вскоре превратились в пепел; огромные богатства, которые они содержали, были полностью уничтожены, ибо пламя и избыток тепла были такими сильными, что невозможно было подойти к горящим многоквартирным домам или помочь несчастным обитателям, чьи пронзительные крики поражали до глубины души. Но, ужасно рассказывать, посреди столь ужасных сцен люди (если таковыми их можно назвать) разных наций и комплекции, чьи жизни до сих пор были спасены, в этот ужасный момент воспользовались неразберихой, царившей в городе, чтобы совершить самые ужасные грабежи. Эти несчастные, рассеянные по всем кварталам, подвергались величайшим опасностям; увы, нет! чтобы помочь попавшему в беду ближнему, но ограбить и убить его; поскольку любой, кто обнаружил спрятанное сокровище или передал ключи этим безжалостным захватчикам, был уверен, что заплатит за это своей жизнью.

Однако такие чудовищные преступления недолго оставались безнаказанными; в тот момент, когда правительство было в состоянии действовать, были начаты строжайшие поиски диких монстров, которые, к позору человечества, все еще продолжали их совершать. Те, кто избежал меча правосудия, были крепко скованы и никогда не освобождались от тяжести своих цепей, но в то время были заняты погребением мертвых, количество которых настолько отравляло воздух и вызывало такие гнилостные испарения, что чума, казалось, угрожала этому несчастному городу еще одним, не менее ужасным бедствием. Большая часть этих жестоких злодеев пережила своих сообщников лишь на несколько дней; таким образом, они понесли быстрое наказание за последствия своих собственных дьявольских действий; поскольку многие из них были убиты гнилостными испарениями, исходившими от самих тел тех, кого они так бесчеловечно зарезали.

Весть об этом ужасном событии вскоре распространилась по всей Европе, и англичане проявили по этому случаю гуманность и великодушие, превосходящие всякие похвалы. Все причины недовольства, данные им португальцами, были в этот бедственный момент благородно забыты; и они одни оказали им больше помощи, чем они получили отобъединенных усилий всех своих соседей и союзников. Справедливости заслуживает также поведение Карвалью, который в течение нескольких дней занимался делами, ел и спал в своем экипаже, который постоянно перевозил его с места на место, и везде, где его присутствие было особенно необходимо. Такова была его деятельность, что в течение восьми дней он опубликовал более ста постановлений. Он посоветовал королю носить только некрашеную шерстяную ткань, произведенную в стране; и его примеру последовал двор и все остальные лица; он также заставил его величество подписать указ, по которому все иностранные товары облагались дополнительной пошлиной; и это он исполнил, несмотря на заявления министров иностранных дел, и в особенности английского посла. Благодаря его усердию Лиссабон вскоре был очищен

от всего мусора и застроен широкими прямыми улицами с новыми домами по обе стороны. Действительно, столь значительны были услуги, которые он оказал государству в это катастрофическое время, что он стал кумиром народа и был назначен его величеством премьер-министром. Однако он не был настолько рад своей удаче, чтобы не отдавать себе отчета в том, что у него есть великие и опасные враги, ненависть которых все еще возрастала из-за его нового положения; но он был далек от того, чтобы подозревать степень их злобы или ужасную пропасть, на которой он стоял. Нападение, замышлявшееся против него, было еще более грозным из-за глубокой секретности, с которой оно скрывалось, и из-за того, что заинтересованные в нем стороны были в первую очередь заинтересованы в государстве.

Герцог д'Авейру, один из величайших людей королевства, был якобы главой этого заговора; в то время как маркиза де Тавора, самая выдающаяся личность при дворе, на самом деле была главным действующим лицом; и всем этим руководил отец Малагрида, член самого могущественного религиозного ордена в христианском мире.

Союз людей, находящихся в столь разном положении и обладающих столь противоположными характерами, был результатом стечения обстоятельств самого экстраординарного характера.

Герцог д'Авейру происходил из младшей ветви семейства Маскареньяш, которое, хотя и было одним из древнейших домов Португалии, не относилось к числу самых знатных, и он, конечно, не мог претендовать на высокое звание, которое он впоследствии получил, которым он был полностью обязан своему дяде, брату Гаспару, простому португальскому дворянину; сам он был неспособен использовать свое состояние или стремиться к благосклонности благодаря своим личным заслугам. Его внешность была сильно против него, потому что он был невысок и далеко не красив; добавьте к этому, что он был невежественным, упрямым, помешанным на своем богатстве и способным на любое преступление; подло раболепствовал по отношению к Карвалью, которого втайне ненавидел; и настолько гордо кичился своим происхождением, что открыто заявлял, что его семья, происходящая от *Джорджа (внебрачного сына Иоанна II по прозвищу Великий)*, была всего на одну ступень отстранена от короны.

Уязвленный тем, что к нему больше не относились с таким же почтением, как во времена правления Иоанна Пятого, он вынашивал ужасный план убийства своего преемника; и его гордость уступила место негодованию, он без разбора привязывался ко всем, у кого были или кто думал, что у него были основания жаловаться на двор; особенно к иезуитам и семье Тавора. К первым он всегда испытывал величайшее отвращение во время правления своего дяди, брата Гаспара, но теперь он искал их общества, часто навещал их и принимал днем и ночью в своих апартаментах. Через некоторое время он счел их достойными своего доверия и рассказал о своем шокирующем замысле отцу Малагриде. Иезуиту удалось добиться примирения между герцогом и Тавора, которые давно возмущались тем, что он лишил их нескольких владений, ранее принадлежавших их семье, и убедили его открыть свое сердце старой маркизе де Тавора, духовником которой он был. Герцог тем охотнее согласился на этот план, что знал о непримиримой ненависти маркизы к королю и его министру, которые отвергли ее домогательства в пользу ее мужа, которому она хотела присвоить титул герцога. Эта дама во всех отношениях сильно отличалась от своего зятя, герцога д'Авейру. Природа наградила ее самой поразительной красотой, самой импозантной осанкой и самыми соблазнительными манерами. Она была наделена гением, способным замышлять самые грандиозные планы, обладала здравым смыслом и талантами для их осуществления. Сила ее тела позволяла ей

переносить величайшую усталость, темперамент ума - преодолевать величайшие опасности, в то время как твердость характера заставляла ее презирать подчинение королю или его министру. Природа также посадила в ее груди ростки самых благородных страстей — страстей, увы! которые, будучи хорошо или плохо направленными, формируют величайших людей или самых жестоких злодеев.

Владычица огромных богатств, ее щедрый дух побуждал ее щедро раздавать их, в то время как ее высший разум учил ее устанавливать границы своей щедрости. Таким образом, наделенная качествами как тела, так и ума, бесконечно превосходящими качества герцога д'Авейру, маркиза вскоре стала жизнью и душой заговора, которым она руководила с удивительным мастерством и рассудительностью. Ее главные сообщники были выбраны из членов ее собственной семьи, но ее вкрадчивые манеры снискали ей несколько сторонников не только в высших, но даже в низших слоях народа. Тем временем ее поведение носило весьма необычный характер, поскольку она никогда не пыталась скрыть от премьер-министра ту ненависть, которую питала к нему, и не упускала случая открыто говорить о нем с величайшим презрением. К самому государю относились не более снисходительно; он стал предметом самой острой сатиры и самых горьких сарказмов, в то время как королева и принцессы были постоянными объектами ее насмешек.

Вдохновленная самыми дьявольскими чувствами, она надела маску религиозности, чтобы осуществить свою цель, и своей притворной набожностью обманула самых проницательных. В то время как ее мысли были заняты составлением планов самой черной измены, она часто посещала церкви, участвовала в различных процессиях, совершала паломничества и практиковала все внешние формы религии с величайшей показухой. Ее духовник, отец Малагрида, был итальянским иезуитом, посланным генералом общества с миссией в Португалию. Ревностный, красноречивый и полный энтузиазма, он вскоре стал самым модным духовным наставником: люди всех мастей выбирали его своим духовником: его считали святым, к нему обращались как к оракулу.

Более двухсот пятидесяти влиятельных лиц были вовлечены в этот заговор, и теперь, казалось, не требовалось ничего, кроме как назначить день для приведения их замысла в исполнение.

Сердца королей не неуязвимы; их страсти часто сильны, а средства их удовлетворения легче, чем у других людей; эта легкость должна была бы, в сущности, насторожить их и научить обуздывать неистовство своих наклонностей, поскольку их высокое положение и толпа, которой они постоянно окружены, делают невозможным долгое сокрытие их действий. Иосиф 1-й часто навещал молодую маркизу Таворскую; это породило подозрения в том, что между ними завязался любовный роман, который, справедливый или несправедливый, послужил благовидным предлогом для покушения на его жизнь. 3 сентября его величество посетил маркизу и оставался с ней, вопреки обыкновению, до одиннадцати часов вечера. Мы не осмеливаемся расследовать причины столь необычно затянувшегося визита, чтобы не допустить причастности других лиц к этой ужасной операции, не умаляя огромной вины цареубийц. В ту ночь королю прислуживал только один слуга, который поехал с ним в его коляске, запряженной двумя мулами и управляемой фореитором. Заговорщики, прекрасно знавшие дорогу, по которой он должен был вернуться в Белем, расположились в наиболее удобных местах для осуществления своего ужасного плана. Чтобы закрепить свой успех, они разделились на разные партии; первая из них спокойно пропустила карету вперед, пока она не

оказалась в гуще убийц, состоявших из ста пятидесяти человек. Некоторые из них немедленно выстрелили, и панели коляски были разнесены на куски пулями разной величины; король получил несколько ран; в то время как его камердинер, которого звали *Таксера*, с мужеством и безмерной преданностью своему господину, достойными величайших похвал, убедил короля опуститься на дно кареты и, усевшись на него, заслонил своего государя от надвигающейся опасности. Форейтор (по имени *Кастодио да Косто*) в тот же миг с величайшим присутствием духа и бесстрашием, яростно нахлестывая своих мулов, поскакал галопом вперед и под непрерывную стрельбу сбросил их с крутого обрыва и, промчавшись по широким полям и проселочным дорогам, благополучно достиг Белена.^[42] Король, выйдя из своей кареты, завернулся в большой плащ, принадлежавший одному из стражников, и немедленно послал за Карвалью, которого ждал с таким нетерпением, что тот остался у ворот дворца, не дав перевязать свои раны и ни разу не пожаловавшись, не выказав ни малейших признаков опасения. Премьер-министр поспешил к своему государю и выслушал все, что произошло, не изменившись в лице. Затем он умолял короля сохранить это дело в секрете и приказал камердинеру и стражникам хранить такое же молчание; таким образом, благоразумно решив на некоторое время скрыть наказание, ожидающее цареубийц, с таким искусством, какое они применили при составлении столь изменнического и кровавого замысла; ибо следует признать, что ни один заговор никогда не держался в большей тайне и не был так близок к успеху; но раз попытка была предпринята таким значительным числом лиц, то вряд ли первоначальные авторы заговора могли долго оставаться в тени.

Несмотря на все вышеупомянутые меры предосторожности, вскоре по Лиссабону распространилось сообщение о том, что король был убит. Толпы людей собрались перед дворцом и нетерпеливо требовали встречи с его величеством, который немедленно выполнил их просьбу и громко заявил, что полученные им травмы были вызваны тем, что он перевернулся в своей коляске. Впоследствии он поручил дворянам, более всего привязанным к его персоне и которые с готовностью прилетели, чтобы сопровождать его, не оставлять неиспробованными ни малейшего средства, чтобы удалить все подозрения из умов общественности о покушении на его жизнь.

Герцог д'Авейру, который первым предложил преследовать убийц во главе конной гвардии, дежурившей в ту ночь во дворце, казалось, не желал соглашаться с планом сохранения тайны, принятым королем; но Карвалью, у которого начали возникать некоторые подозрения в его причастности к заговору, не был обманут его рвением: поэтому он притворился, что доверяет ему некоторые особые секреты, в то время как сам настаивал на том, чтобы он разделял взгляды и выполнял предписания его величества.

Как ни трудно сохранить в тайне дело такого рода, оно, однако, так и не раскрылось; и король, еще до того, как его раны затянулись, появился на публике и занялся своими обычными физическими упражнениями. Заговорщики тоже напустили на себя спокойный вид и начали верить, что вся опасность миновала. Только один человек из этого числа, по имени Поликарп, который был слугой в семье Тавора, не доверял такому таинственному бездействию со стороны правительства и, встревоженный, покинул королевство.

Теперь все казалось спокойным; общественное мнение успокоилось; заговорщики считали себя в безопасности, и о покушении на жизнь короля, казалось, забыли. Карвалью, однако, постоянно и тайно занимался тем, что докопался до сути этой ужасной сделки: главные ее

организаторы были ему уже известны, когда, благодаря самой невероятной случайности, он познакомился со всеми их сообщниками.

Заговорщики, избавившись от всяких опасений разоблачения, без малейших угрызений совести из-за чудовищности своего преступления, сосредоточили свои мысли на втором покушении и способах сделать его успешным. Местом, выбранным для их частных встреч, был сад, принадлежащий Таворе, который также служил местом свиданий для иностранной служанки, которая вела тайную переписку с женщиной в доме: однажды ночью, не явившись на свидание, ее любовник спрятался в саду, недалеко от того самого места, где заговорщики проводили свое собрание. Ни одно сказанное слово не ускользнуло от ушей внимательного слушателя, который таким образом ознакомился не только со всеми подробностями, относящимися к первой попытке, но и с планом, составленным для выполнения второй. Этот человек, как только ему удалось покинуть сад, сразу же помчался к премьер-министру и с предельной точностью рассказал обо всем, что произошло.

Карвалью мгновенно осознал неминуемую опасность, которой он подвергался; и, имея теперь самые убедительные доказательства того, о чем прежде он только подозревал, ему ничего не оставалось делать, кроме как передать преступников в руки сурового закона: он, однако, все еще продолжал лицемерить; и герцог д'Авейру, либо из своих собственных опасений, либо по совету своих друзей, попросив отпуск на три месяца, был немедленно предоставлен, и это самым любезным и лестным образом. В то же время маркиз де Тавора был назначен командующим, чего он добивался в течение нескольких лет.

Благосклонность, таким образом неоднократно оказываемая главным заговорщикам, полностью положила конец опасениям их друзей, родственников и сообщников. Общественность была также обманута; все, что произошло, было предано забвению; и ни о чем не говорилось, кроме предполагаемого брака между дочерью Карвалью и графом де Сампайо с развлечениями, которые, естественно, должны были состояться при таком блестящем союзе. Король сам подписал брачный контракт, пообещал покрыть расходы, связанные со свадьбой, и пригласил всех вельмож королевства присутствовать на торжестве.

Герцог д'Авейру, как только получил это известие, покинул страну и со всей возможной поспешностью отправился в Лиссабон; где все вокруг него светилось радостью и довольством; но в тот самый день, когда двор и город были заняты подготовкой к двум балам, одному у премьер-министра в Белене, а другому в Лиссабоне, в *длинной комнате*;[43] были получены сведения, что войска, состоящие как из конницы, так и из пеших, неожиданно вошли в город и что большое количество лиц всех рангов и описаний было взято под стражу.

Никогда еще не было такого внезапного перехода от величайшей радости к глубочайшему горю; никогда свадебная одежда так быстро не сменялась траурной; никогда преступники так быстро не привлекались к суду, а приговоры так быстро не приводились в исполнение. Не прошло и десяти дней с момента их первого заключения, как герцог д'Авейру был схвачен и четвертован; маркиз де Тавора, его жена, двое сыновей и зять, граф д'Атугия, обезглавлены, а четверо других лиц низшего ранга сожжены заживо.

Как ни ужасно зрелище наказаний, столь отвратительное для чувств человечества, давайте, однако, взглянем на роковое место, где министр, далекий от того, чтобы прислушиваться к порыву сострадания, но слишком часто наносящий ущерб интересам как короля, так и

государства, предал в руки палача благородных и подлых, чья кровь без разбора лилась в одном русле.

Герцог д'Авейру, приближаясь к эшафоту, выказывал все признаки самого низменного страха и из-за своей трусости утратил тот интерес в сердцах зрителей, который всегда вызывает противоположное поведение даже у величайших преступников; в то время как старая маркиза Тавора была самой собой, никогда не теряя из виду характер, которым она всегда отличалась, и сохранив до последнего мгновения своего существования героическую твердость, и неизменное присутствие духа.

Когда ей был зачитан приговор, приговаривавший ее к смертной казни, она, как обычно, заказала завтрак и села за свой туалет, где оделась в своей обычной манере. Когда ее духовник намекнул, что ей следует использовать свое время по-другому, она спокойно ответила, *что времени хватит на все*. После этого она позавтракала со своими служанками и беседовала без малейших эмоций. Подойдя к подножию эшафота, она отказалась от всякой помощи и громким голосом обратилась к тем, кто ее предлагал: *Я вполне в состоянии взобраться на него сама, потому что меня не подвергали пыткам, как других*. Соответственно, она поднялась твердым шагом, но, достигнув помоста эшафота, ее постоянство подверглось самому жестокому испытанию; встретившись с ее мужем, маркизом де Тавора, он в самых горьких выражениях упрекнул ее в том, что она стала причиной разрушения ее семьи. Посмотрев на него с безмятежным выражением лица, она только ответила: *Ну что ж! переносите свои несчастья так же, как и я, и не упрекайте меня в них*. Когда палач подошел к ней, она сама завязала глаза, умоляла его поскорее покончить со своим делом, сказала своему духовнику всего несколько слов и своим носовым платком подала роковой сигнал.

Второй сын женщины, чье величие ума делает ее преступление еще более заслуживающим сожаления, проявил такую же степень мужества, как и его мать: ему было всего девятнадцать лет, но молодость не избавила его от пыток. Самые жестокие пытки, однако, теряли свое действие; ни стоны, ни какого-либо признания не вырвалось у него; пока, наконец, палач, надеясь, что сыновняя привязанность сможет вытянуть из него признание, которого не могли вырвать самые мучительные пытки, не привел к нему его отца, который в самых патетических выражениях увещевал его не продлевать его страдания таким бесполезным образом, поскольку не только он сам, но и все сообщники дали исчерпывающее признание. Не успел маркиз закончить свою речь, как его прервал сын, который коротко ответил: *Отец, это ты дал мне жизнь, и ты волен лишить меня ее*.

Меч правосудия еще некоторое время висел над тремя иезуитами, Малагридой, Александром и Матосом, которые были арестованы как *зачинщики и главные руководители заговора*.^[44] Их казни ожидали ежедневно; но, к сожалению, обычным способам правосудия не было позволено идти своим чередом, и, к удивлению всего мира, только через несколько лет после их заключения чрезвычайный суд приговорил Габриэля Малагриду к сожжению заживо (21 сентября 1761 г.), и то не как заговорщика и цареубийцу, а как преступника. еретик и самозванец.^[45]

Карвалью, теперь ставший графом д'Оэйрас, однако, не стал дожидаться казни Малагриды, чтобы изгнать иезуитов из Португалии.^[46] , что религиозный орден, который вызывает нарушения в состоянии, и вступает в заговоры, заслуживает изгнания, и даже смертной казни, никто не будет притворяться , чтобы отрицать; но, с другой стороны, может он не быть

сопредседатель что в религиозных целях, которые оказали наиболее существенные услуги государству, да и вообще в христианских странах в целом, наставляя молодежь, и цивилизаторской колоний, может лучше было реформировано, чем полностью уничтожены.

Заговор, которому предшествовала революция в Америке, сопровождавшийся обстоятельствами, способными перевернуть всю метрополию, и за которым последовало изгнание иезуитов, завершился, наконец, установлением спокойствия, достижение которого стоило слишком больших жертв, чтобы не использовать все возможные средства для обеспечения его продолжительности; но, несмотря на все усилия короля и его министра, испанцы и французы были полны решимости нарушить его.

Испанская армия, состоящая из сорока тысяч человек, вошла в Португалию в 1762 году; однако их продвижение по этой стране было очень коротким; и при содействии англичан и графа де ла Липпе, которому первый передал командование португальскими войсками,^[47] 10 февраля следующего года был подписан почетный мир: после чего их спокойствие было восстановлено. только встревоженный некоторыми военными действиями в Америке, которые закончились почти таким же образом, как и предыдущие, без участия европейских держав в ссоре. Граф д'Оэйрас, впоследствии ставший маркизом де Помбал, никогда не упускал из виду, даже посреди всех своих трудностей, свой первоначальный план реформ и улучшений. Наибольшие препятствия, с которыми ему пришлось столкнуться, исходили из Бразилии и города Порту, от жителей которого у него было мало оснований ожидать противодействия, поскольку за мерой, против которой они так решительно возражали, вскоре последовало увеличение их торговли вином, которая стала вдвое больше, чем раньше.

Поскольку в Португалии виноградников гораздо больше, чем кукурузы, король в 1765 году издал указ, предписывающий выкорчевать все виноградники в окрестностях Тежу, Мондего и Веча, а землю засеять пшеницей.

Однако было решено сохранить виноградники в окрестностях Лиссабона, Оэйраса и некоторых других мест. Прежним указом от октября месяца 1761 года число двадцати двух тысяч писцов или клерков, занятых в различных судах, было сокращено всего до тридцати двух человек. Министр благотворным законом, принятым 25 мая 1773 г., *навсегда* отменил существовавшее ранее в Португалии отвратительное различие между *старыми* и *новыми* христианами. Последних, состоявших из обращенных евреев и мавров, всегда подозревали в неискренности, и их считали в королевстве *запятнанными позором, навсегда отделенными от других христиан и неспособными действовать в каком-либо качестве, как церковном, так и гражданском*. Прогресс обучения также был главной целью системы совершенствования маркиза де Помбала: он реформировал университет Коимбры; 19 мая 1766 года он превратил колледж, занимаемый послушниками ордена Иисуса и считавшийся одним из лучших зданий в Лиссабоне, в школу для знати; он также основал другие школы для детей всех мастей; и опубликовал план государственного образования, который, при правильном следовании, не мог не восстановить науку и добрую нравственность по всей Португалии. Он не упускал из виду никаких средств вырвать из рук англичан различные отрасли торговли, исключительными владельцами которых они стали. Он установил справедливые границы деспотической власти святой канцелярии, которая эдиктом от 20 мая 1769 года стала просто королевским трибуналом, не наделенным никакой другой властью, кроме той, что была передана ему сувереном, тем самым лишив его всех его отвратительных привилегий и притязаний; таких как форма его

судопроизводства и абсурдная идея объединения власти папы и епископов с властью короля; в то же время он не признавал никакого верховного руководителя, кроме одного папы. Он покровительствовал искусствам и распорядился воздвигнуть ему статую Иосифа Первого. Именно в тот день, когда она была выставлена на всеобщее обозрение, в день, который он по праву считал счастливейшим в своей жизни, он обнаружил, что она была обречена на уничтожение. Последнее меланхолическое удовлетворение, испытанное им в последние минуты жизни своего хозяина, вместе с шестьюдесятью миллионами крузадо, найденными в королевской казне после его кончины, послужило достаточным доказательством честности его правления.

Правящая королева Португалии, которая вышла замуж в 1760 году за своего дядю, донна Педро,^[48] ознаменовала свое восшествие на престол, распахнув тюремные ворота и заставив пересмотреть судебное разбирательство против преступников, причастных к заговору 3 сентября 1758 года; после чего большая часть из них была восстановлена в своих прежних правах; хотя экспертиза была приостановлена. произошедшее скорее подтвердило их вину, чем доказало их невиновность. Совершенно иным было дело, возбужденное против маркиза де Помбаля врагами этого способного министра; ибо судебное разбирательство, *объявившее его преступником и заслуживающим снисходительного наказания*, настолько очевидно доказало его невиновность и несправедливость такого приговора, что ему позволили спокойно умереть в своей постели в его загородном поместье, куда он некоторое время удалялся, 5 мая 1782 года.^[49]

Здоровье королевы после кончины ее мужа в 1786 году настолько пошатнулось, что принц Бразилии взял бразды правления в свои руки. Этот просвещенный и благоразумный принц ничем не пренебрегал для развития национальной промышленности; он поощрял литературу, способствовал процветанию торговли и даже иногда приводил к возобновлению обращения бразильского золота из Англии в Португалию. Он установил в Лиссабоне настолько строгую полицию, что убийце или заговорщику, если таковые все еще существуют, невозможно избежать наказания за свои преступления. Он усилил сухопутные войска и пригласил командовать ими самых опытных иностранных офицеров; и он уделил особое внимание военно-морскому флоту, за что был справедливо вознагражден. Миротворчивый и верный своим союзникам, он в точности следовал системе нейтралитета, начертанной его матерью, которая всегда была в мире со своими соседями и никогда не участвовала ни в одной из их войн, пока не присоединилась к ним в войне, объявленной против Франции в начале революции; с тех пор судьба Португалии настолько всецело зависела от судьбы Испании, что за падением одной неизбежно должно было последовать уничтожение другой. Насколько же благородным примером великодушия в таком случае является поведение Англии - броситься на помощь стране, которая, хотя и является союзником, так недавно объявила ей войну?

В тот момент, когда королевская семья была вынуждена бросить Лиссабоне, когда французы вошли в столицу, но и все другие города и крепости в королевстве, в то время как в провинциях Португалии были расчленены той же узурпации силы, которые были проданы не только страны, но корону Испании, и хотя каждая вещь, казалось, объявить Portuguese, что они должны не дольше смотрят на одних и тех же мастеров, подчиняться тем же законам, или в виде

отдельного государства; в такой момент, Я говорю, победоносного британского оружия пришел им на помощь, и это изменило их судьбу, и открылось новое поле славы потомкам Viriatus, и товарищи-солдаты Sertorius; и кто может сомневаться, что успех должен присутствовать на руках, если постоянно верны своим щедрым союзникам, они никогда не перестанут вспоминать, что было в равнинной части Лузитании, где первый уровень свободного народа был показан против Повелителей вселенной; что они, в свою очередь, и в той же стране, посажены в прошлом тонах своего угасающего свободы, и что один и оба пали жертвой вероломства,[\[50\]](#), но никогда не были покорены силой оружия!

ОПИСАНИЕ БРАЗИЛИИ.

Nos patriæ fines et dulcia linquimus arva,

Nos patriam fugimus....

Девственница. I. Эклога.

БРАЗИЛИЯ, которая в силу ряда обстоятельств всегда считалась интересной страной, теперь стала вдвойне интересной, поскольку является нынешней резиденцией португальского двора; и поэтому мы вынуждены дать ее описание, которое, исходя из характера и объема этой работы, обязательно должно быть коротким.

Кабрал в 1500 году впервые высадился на побережье Бразилии и немедленно уведомил лиссабонский суд о сделанном им открытии. Португальцы, однако, долгое время были очень равнодушны к приобретению столь прекрасной страны. Это небрежение в значительной степени может быть приписано недостатку цивилизованных жителей и богатых городов, с которыми португальцы привыкли встречаться в Африке и Азии, в то время как коренные жители Бразилии состояли из различных колоний дикарей, живших в жалких хижинах, расположенных либо в лесах, либо на берегах рек, либо на морском побережье, и питавшихся исключительно продуктами охоты или рыбой, пойманной ими самими. Жаркий климат сделал ношение одежды не только ненужным, но и абсолютно излишним. Мужчины и женщины одинаково раскрашивали свои тела, украшали шеи и руки ожерельями и браслетами из белых костей, а головы украшали перьями. Бразильцы почти такого же роста, как европейцы, но в целом не такие крепкие. Их основное вооружение состояло из дубинок и стрел; их войны были нечастыми, но жестокими; и ужасной была участь тех пленников, которые попадали к ним в руки, не будучи ранеными, поскольку они постоянно служили пищей для их безжалостных победителей.

Французы, голландцы и португальцы последовательно основывали поселения на побережье; но, в конце концов, последние стали хозяевами не только побережья, но и внутренних районов страны. Давайте теперь вкратце рассмотрим, как обращались с жителями и по каким законам ими управляли.

Бразильцев не всегда постигала одна и та же участь; и прошло несколько лет, и состоялось множество соревнований, прежде чем суровость их положения хоть в малейшей степени смягчилась. Король Себастьян был первым, кто задумался об облегчении страданий столь интересной части своих подданных. Он запретил их публичную продажу на рынках и отправил в

качестве рабов на плантации. Военнопленные действительно были освобождены, но только в том случае, если война, в ходе которой они были захвачены, была доказана как справедливая.

Филипп II издал различные указы в 1595, 1605 и 1606 годах, которыми он объявлял индейцев всех мастей совершенно свободными; но этот суверен, будучи проинформирован о том, что его указы не принесли пользы, подтвердил и усилил их новым в 1611 году, в соответствии с которым он постановил, что самые суровые наказания должны быть применены к любому, кто осмелится их нарушить. Этот указ, к несчастью, оказался столь же неэффективным, как и предыдущие; как и другой, изданный лиссабонским судом в 1647 году по неоднократным и настойчивым просьбам миссионеров-иезуитов в Бразилии, которым запрет на порабощение бразильцев был снова формально возобновлен; но эти люди так и не были по-настоящему освобождены до 1755 года, когда португальское правительство публично объявило их *гражданами*, наделенными теми же правами и привилегиями, что и их завоеватели, способными стремиться к тем же отличиям, которым было разрешено получать образование в те же школы и даже в университет Коимбры.

Это событие, однако, было далеко от того, чтобы внушить те чувства радости и благодарности, которых, естественно, можно было ожидать от народа, таким образом поднявшегося из униженного состояния рабства ко всем преимуществам свободы: вероятно, это в значительной степени можно объяснить тем, что их ожидания так часто оправдывались, что они все еще не могли доверять заявлениям португальцев. Поэтому для завершения столь масштабной революционной операции было необходимо, чтобы капитанства и обширные владения, находившиеся во владении различных лиц, которые на самом деле были столь многими мелкими суверенами, были изъяты из их рук и переданы в руки правительства. После этого произошел новый раздел. Для каждого капитанства или правительства был назначен особый губернатор; и вся Бразилия находилась под командованием лорда-лейтенанта, или вице-короля. Хотя эти разные губернаторы обязаны подчиняться общим законам, принятым вице-королем; среди них есть некоторые, особенно те, правительства которых расположены недалеко от золотых и алмазных рудников, которые немедленно получают свои приказы из Лиссабона. Эти назначения рассчитаны всего на три года, но они редко меняются менее чем за шесть; и в течение этого времени им не разрешается вступать в брак в стране, заниматься какой-либо отраслью торговли или принимать подарки под каким бы то ни было предлогом; их жалование составляет от двенадцати до двадцати тысяч крестовых походов, которые считаются достаточными для покрытия всех возможных расходов. При увольнении с работы комиссары, назначенные метрополией, изучают их административную деятельность; и колонистам, как и гражданам любого вида, разрешается подавать свои жалобы и выдвигать против них свои обвинения. Если случится так, что они умрут во время исполнения своих обязанностей, их правительства будут вверены совместной заботе епископа, офицера, занимающего высшее звание в армии, и первого магистрата. Действительно, можно с величайшей правдой сказать, что бдительность, с которой в настоящее время осуществляется управление людьми, стоящими у власти в Бразилии, такова, что лишь немногим, если вообще кому-либо, удастся сколотить большое состояние.

Судебная практика этой страны точно такая же, как и в Португалии. В каждом округе есть свой отдельный судья, на приговор которого можно подать апелляцию в суды Баии, Рио-Жанейро или даже в суд Лиссабона. Провинции Пара и Мараньон - единственные, которые не подпадают

под юрисдикцию Баии и Рио-Жанейро; их причины обжалуются в Лиссабонском трибунале: в уголовных делах, действительно, процесс несколько иной.

Незначительные правонарушения наказываются без обжалования судьями каждого капитанства; но преступления более серьезного характера находятся в ведении губернатора, которому помогают заседатели, назначенные законной властью. Назначается специальный трибунал для получения имущества всех умерших лиц, чьи наследники могут находиться за морем на момент их смерти; за это они получают пять процентов указанного имущества. Это учреждение, хотя и превосходное, сопряжено с большими неудобствами, поскольку кредиторы в Бразилии могут быть выплачены только в Европе, что не только вызывает задержки, но и часто наносит большой ущерб делам заинтересованных сторон.

В каждом городе, да и в каждой крупной деревне, есть муниципалитет, который занимается мелкими делами, вверенными его попечению, и регулирует (действительно, под контролем губернатора) взимание незначительных налогов, которые необходимо взимать. Этот муниципалитет обладает весьма существенной привилегией подавать жалобу самому королю на поведение главы колонии, губернатора и четырех магистратов, назначенных для управления финансами в каждом правительстве. Счета ежегодно передаются в королевское казначейство в Лиссабоне, где они проходят очень строгую проверку.

Армия в Бразилии находится на тех же условиях, что и в Португалии. Мулаты и негры отличаются особыми стандартами; но коренные индейцы сражаются вместе с белыми. В 1780 году вооруженные силы состояли из 15 899 регулярных войск и 21 850 ополченцев. После позднего прибытия королевы она обнаружила, что численность регулярных войск увеличилась до 20 000 человек, а ополчение очень легко может быть увеличено до 40 000.

Колонисты наравне с португальцами сохранили привилегию иметь рабов в своих поместьях; но закон обязывает хозяев обеспечивать их провизией; это, однако, сопряжено с очень небольшими расходами; им передается небольшой участок земли, который они обрабатывают сами и который не только обеспечивает их всем необходимым, но и очень часто удобствами. Законы в пользу рабов зашли еще дальше; поскольку тем, у кого есть определенная сумма денег, разрешается выкупить свою свободу; и в этом случае они могут обязать своих хозяев принять предложенную сумму; но их редко заставляют заходить так далеко, поскольку нет ничего более редкого, чем отказ хозяина соблюдать условия, предписанные законом. Не может быть более веского доказательства нынешнего мягкого обращения с рабами в Бразилии, обращения, столь отличающегося от того, что они испытывают в других европейских колониях, чем те немногие, кто думает о побеге из этой огромной страны. Чернокожим, однажды освобожденным от рабства, предоставляются права граждан таким же образом, как и мулатам; ни тот, ни другой не могут вступить в сан священника или муниципалитета: если они становятся солдатами, они не могут подняться до офицерского звания, кроме как в своих особых батальонах. Однако у них есть привилегия вступать в браки с белыми женщинами.

Невозможно взглянуть на ситуацию в Бразилии, ее масштабы, климат и производство, не понимая, что ни одна колония никогда не заслуживала большего внимания и защиты метрополии.

Бразилия, удачно расположенная таким образом, имеет 875 лиг в длину с севера на юг и 425 в ширину с востока на запад. Португальские поселения разбросаны по побережью и

простираются почти на 1500 лиг; они редко проникают более чем на 50 или 66 лиг вглубь страны, за исключением, правда, некоторых рек, по берегам которых они иногда удаляются более чем на 400 лиг от морского берега.

Рамки этого Труда не позволяют нам вдаваться в подробное описание различных продуктов столь обширной страны и столь плодородной почвы; как, впрочем, и различных поселений, последовательно образованных португальцами, поэтому мы должны отослать любознательного читателя к прилагаемому отчету, который, льстим себе надеждой, не будет сочтен неинтересным и как таковой встретит одобрение снисходительной публики.

НАЗВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ БРАЗИЛИИ С УКАЗАНИЕМ ИХ *Границ, численности населения и сферы торговли.*

Первый ПУНКТ.

Самое северное государство Бразилии, включающее ту часть Гвианы, которая принадлежит Португалии, вместе с течением реки Амазонки от слияния двух рек Мадеры и Маморы; оно также включает в себя на востоке всю страну, которая простирается до реки Токантину. Эта провинция - самая бесплодная и нездоровая из всех в этой части света.

Население.

4 108 белых; -9 919 чернокожих и мулатов: -34 844 индейца.

Основные города.

Белем, расположенный на берегах Амазонки, находится в двадцати лигах от главного океана. Порт называется Пара, и к нему трудно добраться. Суда, входя в гавань, бросают якорь на илистом дне, где глубина воды составляет четыре, пять или шесть морских саженей. Этот город расположен на высоте тринадцати футов над уровнем моря и был основан Кальдейрой в 1615 году: его защищает мощный форт Нотр-Дам-де-лас-Мерсес, возведенный в устье реки Муджа. В городе около десяти тысяч жителей, не считая гарнизона, состоящего примерно из восьмисот человек. При спуске по реке Амазонки, в сорока лигах от Пара, есть большой перешеек, который вдаётся в воду и образует несколько островов, самым значительным из которых является Жоаннес; он защищен небольшим фортом и очень густонаселен. Город Сен-Жорж-дус-Аламос расположен в том же правительстве и имеет обычную крепость.

Коммерция.

В 1755 году тринадцать или четырнадцать судов прибыли в это правительство из Лиссабона, но с тех пор их число сократилось до четырех или пяти. Обычный экспорт из Пара не включает товаров на сумму более шестисот тысяч французских ливров (25 000 фунтов стерлингов), таких как дикое какао, винилья, панцири черепах и крабов, сарсапарилья, различные виды бальзамов, хлопок и т. Д. Округ Пара, собственно так называемый, производит лишь очень небольшое количество хлопка и немного сахарного тростника, но их так мало, что из них делают бренди. Жители выращивают рис, какао и кофе на экспорт.

Крупный рогатый скот, выращенный на острове Марахо, раньше шел на экспорт, но в настоящее время количество этих животных едва ли достаточно для домашнего потребления.

II. МАРАНЬЯО.

Это государство отделено от Пара на севере рекой Токантин; от Годжаса на юге кордильерами, называемыми Гуакукагия; и от Фернамбуки на востоке горами Ипиапаба.

Население.

8 993 белых; -17 843 чернокожих и мулатов, вольноотпущенников и рабов; -38 937 индейцев, либо рассеянных по стране, либо населяющих десять разных деревень.

Основные города.

Сент-Луис - главный город Мараньяо; все коммерческие операции осуществляются в этом месте, которое расположено на одноименном острове и было построено французами в 1612 году. Он защищен цитаделью и несколькими фортами, а также имеет отличный порт.

Остров Сент-Луис очень плодороден и имеет двадцать шесть лье в окружности.

Капитанство Сиара присоединено к правительству Мараньяо; главный город носит то же название, что и капитанство, и насчитывает около десяти тысяч жителей. Он защищен небольшим фортом, и порт, который также невелик, может принимать только очень мало судов.

Коммерция.

Вывоз этого правительства не зависит от числа его жителей, составляющего в среднем лишь шестьсот или семьсот тысяч французских ливров (25 000 или 29 166 фунтов 13 шилл. 4d.)

Лучшее бразильское амотто произрастает в Мараньяо, где также производится лучший хлопок в Америке. Рис очень хорошо растет на этой почве, но все попытки натурализовать шелкопрядов оказались бесплодными.

В Паучи, стране, присоединенной к этому правительству, есть отличная порода лошадей и крупного рогатого скота, в которой, однако, овцы вырождаются так же, как и в остальной Бразилии, за исключением, конечно, Коритибе. Рудники серы, квасцов, меди, железа, свинца и сурьмы очень распространены в горах; но хотя они неглубоки, их еще никогда не открывали. Существуют также серебряные рудники, на разработку которых в 1752 году суд дал разрешение; однако вскоре это разрешение было отозвано, но по какой причине, так и не было известно.

III. ФЕРНАМБУКА,

В настоящее время он ограничен рекой Сан-Франческо и различными цепями кордильер. Побережье этого государства тянется к морю на шестьдесят пять лиг.

Население.

19 665 белых; -39 132 негра и мулатов; -83 728 индейцев.

Остров Фернандо-де-Норронья находится в ведении вышеупомянутого правительства.

Основные города.

Олинда, столица Фернамбуки, построена на возвышенности на берегу моря; в ней есть несколько прекрасных фонтанов, и она расположена в прекрасной местности. Население исчисляется двенадцатью тысячами. В этом городе есть фабрика по изготовлению клинков для мечей, который, как и Сент-Антуан-де-Ресиф, имеет хороший порт и защищен несколькими крепостями. На острове Фернандо-де-Норронья есть две хорошие открытые гавани, в которых могут безопасно заходить суда самой большой грузоподъемности, если только ветер не дует с севера или запада.

Коммерция.

Побережье Фернамбуки протяженностью шестьдесят пять лье производит небольшое количество хлопка. Равнины покрыты плантациями прекрасного сахарного тростника, а горы покрыты выводками рогатого скота, шкуры которого очень продуктивны. Основной отраслью торговли в этом правительстве является производство отборных сортов бразильской древесины, используемой для окрашивания в красный цвет. Эта древесина настолько превосходного качества, что нет необходимости использовать и половину того количества, которое потребовалось бы из древесины кампече для той же цели. Ежегодное потребление этой превосходной древесины в Европе в течение длительного времени составляло от двадцати до тридцати тысяч центнеров. В 1783 году два английских купца заключили контракт с португальским правительством на эксклюзивную продажу этого дерева при условии, что указанное правительство возьмет на себя расходы по его вырубке. Эти купцы приобрели древесину за восемьсот тысяч французских ливров (33 333 6,8 млн. фунтов стерлингов), продали ее в Лиссабоне за миллион (41 666 13,4 млн. фунтов стерлингов); их расходы составили сто двадцать восемь тысяч ливров (5333 6,8 млн. фунтов стерлингов); следовательно, они получили прибыль в размере семидесяти двух тысяч французских ливров (3000 фунтов стерлингов).

IV. БАИЯ, или ТОДОС-САНТОС,

Ограничен на севере рекой Сан-Франческо, на юге рекой Дольче, а на востоке рекой Прету, одним из притоков реки Верде.

Население.

39 784 белых; -49 693 индейца; -68 024 негра.

Главный город.

Столица Баии - Сент-Сальвадор, вход в который осуществляется через залив Тодос-Сантос: ширина этого залива составляет две с половиной лиги. По обе стороны от входа есть крепости, предназначенные скорее для предотвращения высадки на берег, чем для препятствия проходу через залив, который имеет тринадцать или четырнадцать лиг в длину и изобилует маленькими островками, на которых растут хлопковые деревья. Бухта узкая по направлению к городу, который возвышается над ней, и построена на склоне крутого холма; однако это очень хороший порт, безопасный и способный вместить большой флот. В Сан-Сальвадоре насчитывается более двух тысяч домов, большая часть из которых - великолепные здания.

Коммерция.

Сахар и хлопок составляют лишь небольшую часть торговли Баии. Табак и китобойный промысел являются основными. Годовой продукт последнего двадцать лет назад составлял

3530 тюбиков масла, что при цене ста семидесяти пяти французских ливров каждый (7 ф. ст. 5.6 ф. ст.) равнялось шестистам семнадцати тысячам семистам пятидесяти французским ливрам (25 739 ф. ст. 11.8 ф. ст.); и двум тысячам девяноста центнерам китового уса, которые при цене ста пятидесяти ливров (6 ф. ст. 5. ст.) за квинтал составляют триста тринадцать тысяч пятьсот ливров (13 062 л. 10с.). Общая сумма двух сумм составила девятьсот тридцать одну тысячу двести пятьдесят французских ливров (38 802 1 шилл. 8д.), из которых лица, занятые в этой торговле, выплатили правительству триста тысяч ливров (12 500 шилл.); расходы не превысили двухсот шестидесяти восьми тысяч семисот пятидесяти ливров (11 197 18 шилл. 4д.), следовательно, они получили прибыль в размере трехсот шестидесяти двух тысяч пятисот ливров (15 1043 шилл. 4д.). Табак, хотя и выращивается по всей Бразилии, является весьма незначительным предметом торговли везде, кроме Баии. Он чрезвычайно успешен на участке протяженностью 90 лиг и особенно хорош в районе *Кашуэйра*. Десять тысяч центнеров табака низшего сорта ежегодно отправляются из Бразилии к берегам Африки, которые продаются по восемнадцать французских ливров за сотый вес, что составляет сто восемьдесят тысяч ливров (7500 фунтов стерлингов); пятьдесят восемь тысяч пять сотен центнеров также ежегодно отправляются в Португалию и продаются при въезде в эту страну по сорок ливров (1 л. 13 ш. 4д.) за сотый вес, что составляет два миллиона триста сорок тысяч французских ливров (97 500 фунтов стерлингов). Общая сумма двух сумм - два миллиона пятисот двадцать тысяч ливров (105 000 фунтов стерлингов). Самый лучший табак экспортируется в Геную, табак второго качества - в Испанию и Португалию, а еще более низкого сорта - во Францию и Гамбург. Потребление этого продукта на Мадейре и Азорских островах не превышает 740 000 тонн. для курения; и 528 000 тонн. при производстве нюхательного табака. Продажа этих различных сортов табака приносит правительству не более пяти миллионов четырехсот восьмидесяти одной тысячи двухсот пятидесяти ливров (228 383 фунта 18 шилл. 4д.). Прибыль, получаемая от продажи нюхательного табака в Ост-Индии и Африке, принадлежит королеве Португалии. Количество, обычно отправляемое в вышеупомянутые страны, составляет около ста пятидесяти центнеров, что приносит четыреста пятьдесят тысяч ливров (18 750 фунтов стерлингов). Золотые рудники Якобина и Риу-дас-Контас были отработаны и расположены в Баии.

V. RIO JANEIRO.

Это государство простирается почти на всю длину побережья от реки Дольче до реки Рио-Гранде-де-Сан-Пьетро. Внутренняя страна ограничена огромной горной цепью, которая простирается от Уны до Минас-Жерайса.

Население.

46 290 белых; -54 091 негр; -32 126 индейцев.

Основные города.

Рио-жанейро - столица Бразилии и резиденция вице-короля. План этого города хорошо запечатлен в издании мемуаров Гая Труэна "кварти". Хорошо известно, что этот автор захватил Рио-Жанейро в 1711 году. Хотя с тех пор укрепления были значительно усилены, взять город не стало труднее, потому что подход к нему с другой стороны легкодоступен, и вскоре была произведена высадка десанта. Большая часть домов состоит из двух этажей и построена либо из свободного камня, либо из кирпича; крыши выложены прекрасной черепицей, и каждый дом украшен балконом, окруженным решеткой. Улицы широкие и прямые, заканчивающиеся

часовнями. Монетный двор и большой акведук, снабжающий город водой, - единственные общественные здания, достойные внимания. Гавань - одна из прекраснейших в мире; у устья она узкая, но постепенно становится шире. Суда всех размеров без труда входят в эту безопасную и просторную гавань с десяти-двенадцати часов дня до вечера при постоянном и умеренном морском бризе: они бросают якорь на превосходном илистом дне глубиной пять-шесть морских саженьей.

Кабу-Фриу - богатый город благодаря своей торговле солью. Сент-Катрин - остров, важный своим положением: здесь постоянно бывает весна, и климат везде очень чистый, но в порту, который окружен холмами, циркуляция воздуха не такая свободная; следовательно, он влажный и вредный для здоровья.

Коммерция.

Рио-Жанейро - главный пункт сбора всех богатств, доставляемых из Бразилии в Португалию; и самые значительные флотилии, нагруженные припасами для нового света, заходят в этот порт. Расходы правительства ежегодно составляют три миллиона французских ливров (125 000 фунтов стерлингов), за исключением случаев, когда строительство военных кораблей считается политической мерой, что значительно увеличивает расходы. Долгое время земледелием в этой прекрасной провинции пренебрегали, но теперь оно с каждым днем становится объектом все большего и большего внимания. Хотя выращивание табака не особенно преуспело, выращивание сахарного тростника было чрезвычайно успешным, особенно на равнинах Гватакасес. В 1783 году было двенадцать плантаций индиго, самого лучшего сорта; сейчас их количество значительно увеличилось. Кофе преуспевает очень хорошо. Южные районы, вплоть до Рио-Гранде, дают очень много шкур, немного муки и хорошего соленого мяса; а в лесах произрастает четырнадцать или пятнадцать различных пород древесины для крашения и четыре или пять сортов камеди. Торговля кошенилью была налажена на острове Святой Екатерины несколько лет назад.

VI. СВЯТОЙ ПАВЕЛ.

Эта провинция ограничена на севере рекой Сапукачи и горами; на юге рекой Парнагуа и другими горами, которые простираются до истока реки Игассу; на западе реками Парана, Рио-Гранде и Рио-данс-Морт; а на востоке морем.

Население.

11 093 белых; -8 987 негров и мулатов; -32 126 индейцев.

Главный город.

Сент-Пол, столица одноименного государства, находится в тринадцати милях от моря, в восхитительном климате, посреди сельской местности, почва которой одинаково благоприятна для произрастания растений обоих полушарий.

Коммерция.

Это правительство не ведет никакой другой торговли с Европой, кроме торговли небольшим количеством хлопка, и его единственная внутренняя торговля заключается в поставках в Рио-Жанейро муки и соленого мяса. Лен и конопля очень хорошо растут в Сент-Полсе, как и

шелковичные черви, при должном внимании. Сент-Пол содержит множество железных и оловянных рудников, расположенных между реками Текте и Могьяссу, а также в кордильерах Паранан и Пьякаба, в четырех лигах от Сорокобы. Золотые прииски Парнагуа и Тибоги разрабатываются в этом правительстве.

VII. МИНАС-ЖЕРАЭС.

Это правительство и два последующих простираются с востока на запад, от 319-го градуса западной долготы до 334-го градуса той же широты. Они занимают в центре Бразилии ту огромную возвышенную поверхность, с которой берут начало все реки, впадающие в Парагвай, реку Амазонку и океан. Это самая высокая точка в Португальской Америке.

Население.

35 128 белых; -103 406 рабов; -26 075 индейцев.

Главный город.

Столица штата Минас-Жераэс - Вилья-Рика.

Коммерция.

Минас-Жераэс - самое важное государство из трех, на территории которых расположены шахты. Горы в разных направлениях пересекают весь этот район, который называется Страной Рудников, потому что в каждой его части находят золото. Жители Сент-Пола впервые обнаружили золотые прииски близ горы Жакара в 1577 году. Другие рудники того же металла также были обнаружены в 1588 году на высотах Якобина, в районе Рио-дель-Вельяс. Разрешение на разработку некоторых из них было получено, хотя и с некоторыми трудностями, от короля Испании в 1603 году; а в 1699 году несколько предприимчивых людей обнаружили очень большое сокровище в провинции Минас-Жераэс. Три года спустя Лиссабонский суд сформировал необходимые учреждения, чтобы сделать их прибыльными. Названия мест, где было найдено золото и где, действительно, его продолжают находить в настоящее время, следующие: *Сабара, Риу-дас-Мортес, Кашуэйра, Паракату, Ду-Карму, Риу-дал-Вельяс, Риу-Дольче* и *Ору-Прато*.

VIII. ГОДЖИ.

Население.

8 931 белый; -34 104 негра; -29 622 индейца.

Главный город.

Вилья-Боа - столица Гохаса.

Коммерция.

Шахты правительства Гохаса были открыты только в 1726 году и расположены в районах *Сан-Феликс, Мейя-Понта, О-Фанардо, Мокамбо* и *Нативидаде*.

IX. МАТОГРОЗО, или МАТТО-ГРОССО,

Это самая западная часть португальских владений, ограниченная горами Чикитес и Моксос. Эти люди подчинились испанскому игу благодаря неустанным трудам иезуитов, действующих в качестве миссионеров в этой части мира.

Население.

2 035 белых; -7 351 раб; -4 335 индейцев.

Главный город.

Столица Матогрозо, называемая Вилла-Белла, представляет собой всего лишь большую деревню.

Коммерция.

В 1735 году были обнаружены рудники в правительстве Матогрозо, в *Шападе Святого Винсента*, *Куаде Святой Анны*, и в *Араесе*.

Наблюдения.

Следует отметить, что добыча золота в Новом Свете не является ни опасной, ни трудоемкой, поскольку самый чистый, отборный сорт часто встречается у поверхности земли. Они часто копают на три-четыре сажени, но редко, если вообще когда-либо, глубже; поскольку, когда рудокопы натываются на слой песчаной земли, они знают, что искать на большей глубине - ненужный труд. Жилы, которые текут наиболее правильно и в одном направлении, являются самыми богатыми; однако было замечено, что те, которые дают наибольшее количество золота, обычно находятся в местах, где поверхность наиболее усеяна кристаллами. В горах и каменистых бесплодных скалах находят куски покрупнее, чем в долинах или на берегах рек; но откуда бы они ни были взяты, в чистом виде они достигают двадцати трех с половиной карат при извлечении из рудника, за исключением того, что они должны быть смешаны с железом, серебром, ртутью или серой, что, однако, случается редко, разве что в Араесе или Годжасе. Каждый человек, обнаруживший мину, обязан заявить об этом правительству. Если жилка окажется незначительной, после осмотра лицами, назначенными для оценки ее стоимости, она становится собственностью общества; но если она окажется богатой, налоговые инспекторы позаботятся о том, чтобы оставить одну долю для себя, в то время как другая передается коменданту, третья - интенданту, еще две - первоначальному открывателю шахты, а остальное - шахтерам района. Эта последняя часть делится в соответствии с различным состоянием этих людей, которое определяется количеством рабов, которыми они владеют. Рудокопы обязаны выплачивать королю Португалии пятую часть чистой прибыли от добытого золота, которая раньше составляла значительную сумму; и даже сейчас ежегодно добывается в среднем 300 000 фунтов стерлингов. В 1781 году все металлы, как чеканные, так и в слитках, находившиеся в обращении в Бразилии, оценивались не более чем в миллион фунтов стерлингов, и что еще более примечательно, в 1752 году в Португалии в обращении находилось не более трети указанной суммы^[51] и в 1754 году, и даже это было в легированных серебряных деньгах.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ БРАЗИЛИИ

Четвероногие, используемые в пищу.^[52]

Тапиерете (Р. 101, М. 229) размером почти с телку в возрасте шести месяцев, но без рогов. Мясо напоминает по вкусу мясо быка. Бразильцы готовят его так же, как пираты готовят мясо или рыбу.

Кукасу-Эте (Стр. 98). Это животное - разновидность оленя, которого *Лери* *коровой-ослом*. Он меньше европейского оленя, у него более короткие рога и шерсть длиной примерно с козью.

Таясу (Стр. 89, М. 229) - местный дикий кабан; у него на спине есть отверстие, через которое он дышит; в других отношениях он похож на европейского кабана. Крик, который он издает через свое необычное отверстие, является (по словам автора, который *наверняка* никогда его не слышал) самым ужасным.

Агути, или *Акути* (Стр. 102), представляет собой рыжеволосое животное размером с месячную свинью. Мякоть очень вкусная. Существует другой вид того же животного, который называется *тапети*.

Крыса. В лесах водится разновидность крысы размером с белку, ее мякоть очень нежная.

Пака (Стр. 101, М. 224). Это животное размером с собаку среднего размера. Мякоть по вкусу напоминает телятину.

Jacaré (Р. 282, М. 242). Небольшой вид *каймановых островов*. Бразильцы особенно любят их есть.

Тейугуаку, или *Теджу* (Стр. 283, М. 273). Серая ящерица длиной в четыре или пять футов. *Лери*, который их ел, говорит, что при правильной заправке они становятся нежными, белыми и такими же вкусными, как крылышко каплуна.

Необходимо отметить, что бразильцы едят не только ящериц и некоторые виды змей, но и крупных жаб, зажаренных по-пиратски, с головами и внутренностями.

Домашняя птица, используемая в пищу.

Индейки. Раньше бразильцы разводили их скорее из-за их перьев, особенно белых, чем с целью употребления в пищу. Они упрекали европейцев в обжорстве за то, что они едят их яйца.

Утки, которых существует множество видов; но бразильцы никогда не едят их, полагая, что медленная походка этих птиц может сделать тех, кто ими питается, тяжелыми и неспособными бегать с надлежащей степенью активности. По той же причине они воздерживались от употребления в пищу всех животных, которые передвигались медленно, и даже некоторых видов рыб, особенно конька, который плавает не так быстро, как другие.

Nota. Европейские куры, доставляемые в Бразилию, прекрасно уживаются в этом климате, хотя, вырастая крупнее, чем в их собственной стране, их вкус становится менее нежным; напротив, гуся и утки становятся еще вкуснее.

Дичь, используемая в пищу.

Джакупема (Стр. 81, М. 198). Фазан, которого существует три вида. Оперение каждой из этих птиц черно-серое; разница между ними только в размере. Бразильцы заявляют, что ни в одной стране невозможно произвести что-либо более нежное, чем мясо этих птиц.

Муту-Муту (Стр. 80, М. 194) превосходен в употреблении, но не так распространен, как *жакулема*. Граф де Бюффон относит его к *кокосовым орехам*.

Джамбу, (Стр. 81. М. 192). Разновидность куропаток размером с наших гусей.

Мангурис, *Пегасовый*, *Пекакаус* (*История рода*). Эти три птицы также могут быть отнесены к разряду куропаток. Они разного размера; первая размером с обычную куропатку, вторая - с лесного голубя, а третья - с горлицу.

Рыба, употребляемая в пищу.

Манатус (*Hist. Gen. Voy.*) особенно хорош в Бразилии.

Кататьсянаконьках. Те, что в реках *Жанейро* и *Маревескона*, которые Теве называет *Инэвоана*, имеют гораздо больший размер, чем у нас. Внутренности одинаково хороши с остальной рыбой.

Акарапеба (стр. 69 и 161) - крупная плоская рыба, которую *Лери* называет удивительно нежной. Он дает ему имя *Акарапеп*.

Беюпира или *Сейшупира* (Стр. 48, М. 158). Европейцы сравнивают эту рыбу с осетром. В Бразилии она высоко ценится. Говорят, что она жирная и сезонная круглый год.

Бупес (*Его. генерал. армии.*). Это название дали ему португальцы, потому что его глаза похожи на глаза быка. Размер и форма не очень отличаются от таковых у тунца, но вкус у него другой, и он гораздо жирнее; из его жира получается что-то вроде растительного масла.

Камарипугасу или *Камарупи* (Стр. 65, М. 179). Эта рыба очень почитаема: ее тело усеяно шипами, и она такая большая, что двое мужчин едва могут поднять ее.

Пираумбу (Стр. 70, М. 167) - рыба того же сорта, что и *карпио*, но вкус у нее лучше. В челюстях есть два камня, которыми он разбивает панцири, служащие ему пищей.

Амайен (*его. генерал Вой.*) - разновидность морской лягушки с коротким телом различной окраски. Он очень полезен в пищу, но сначала с него нужно тщательно снять кожуру и очистить от яда, который находится под кожей. Есть еще два вида амайенов, один из которых вооружен шипами и, хотя гораздо более ядовит, чем первый, употребляется в пищу в равной степени. Другой бразильцы называют *Итаэка*. Он имеет треугольную форму и содержит яд не только в коже, но и в печени и кишечнике: это, однако, не делает его более опасным после извлечения ядовитых частей.

Nota. Вся рыба на побережье Бразилии считается настолько полезной, что ее дают людям с высокой температурой в качестве лечебного средства. Во всяком случае, ее всегда можно есть без опасности для больного. Однако следует исключить акул, которых в этом море и даже в реках великое множество.

Побережье Бразилии также изобилует моллюсками, среди которых особенно ценится *апула*. (*Hist. Gen. Voy.*)

Существует несколько видов раков, самым почитаемым из которых является *Ука*. Это основная пища португальцев и негров, которые находят ее очень вкусной и полезной, если после употребления запивают холодной водой.

Растения и овощи, используемые в пищу.

Мангайба (Стр. 156, М. 76 и 122). Очень большое дерево, которое редко растет где-либо, кроме как в окрестностях залива *Тодос-Сантос*. Этот фрукт употребляют в пищу в два разных периода года: сначала, когда он только распускается, а затем, когда плоды достигают совершенства. В нем содержатся косточки, ядра которых полезны в пищу. Вкус этого фрукта восхитителен, и он настолько полезен, что его можно есть в огромном количестве без каких-либо опасностей. Он падает с дерева до того, как созреет, следовательно, необходимо хранить его до тех пор, пока он не станет достаточно сладким для употребления в пищу. Бразильцы делают из него что-то вроде вина; они извлекают горький, вязкий, молочный ликер из листьев и плодов еще до того, как они созреют.

Мурукуя (Стр. 274, М. 106 и 70) напоминает дикую грушу. Плоды собирают зелеными, но по мере созревания они становятся превосходными и легкими для переваривания. При надрезании ствола этого дерева получается молочный ликер, который после свертывания становится по консистенции похожим на воск.

Арака-Иба (Стр. 152, М. 74 и 105). Разновидность грушевого дерева, которое обильно плодоносит в любое время года. Существует несколько видов этого дерева, плоды которых красные, зеленые и желтые и обладают превосходным вкусом.

Умбу (Стр. 167). Невысокое толстое дерево, приносящее круглые плоды желтоватого оттенка, очень похожие на наш белый отвес, с той разницей, что они настолько вредны для зубов, что дикари, которые едят их в больших количествах, вскоре становятся беззубыми. Корень сладкий, полезный и освежающий.

Јасарисауа (Р. 135, М. 128). Говорят, что плоды этого дерева, если их есть сырыми, вызывают облысение; но если их поджарить, они уже не опасны.

Аратику (Стр. 141, М. 93). Это дерево приносит плоды размером с грецкий орех, и они так же приятны на запах, как и на вкус. Существует несколько видов этого дерева, среди которых тот, что называется *Аратиупанауйя*, приносит плоды настолько холодного происхождения, что при чрезмерном употреблении они оказывают действие яда.

Пупекия (Стр. 141). Есть два вида этого дерева, у одного плод похож на апельсин, сок которого подобен меду и сладок, как сахар: в нем также есть немного семян. Другая порода, называемая португальцами *Setis*, считается самой твердой древесиной в Бразилии и считается неподкупной.

Кабурейба (Стр. 119, М. 56) - чрезвычайно большое дерево, очень распространенное в древних капитанствах Сент-Винсента и чрезвычайно редкое в других местах. Бальзам, который из него получается, превосходен.

Сосны. Во внутренних частях Бразилии, за пределами Сент-Винсента и по направлению к Парагваю, есть леса, сплошь покрытые соснами, плоды которых напоминают европейские, только более округлые, крупные и полезные.

Примечание.— Нет страны, где корнеплодов и овощей было бы больше, чем в Бразилии. Бобы в этой части света более полезные, чем в Португалии; короче говоря, все, что португальцы пересадили в Бразилию, преуспело на удивление хорошо. В этой стране растет особый вид корня юкки, который называется *Айпи*; его можно безнаказанно есть сырым. Бразильцы используют обыкновенный корень юкки двумя способами; тот, который варят до тех пор, пока он не станет твердым, называется *Ouïenta*, а другой, менее вареный и, следовательно, более мягкий, - *Ouïrou*.

Бразилию можно по праву считать родиной кедровых яблок, которые растут в таком изобилии, что дикири откармливают своих свиней этим восхитительным плодом, который в этой стране отличается тремя особыми качествами: *во-*, the rind is so hard that it absolutely blunts the edge of a knife: *secondly*, the juice is used as a kind of soap to take spots out of cloths: *thirdly*, сам плод считается предохраняющим от морской болезни. В-

Клузиус упоминает двенадцать различных видов перца, производимого в Бразилии. Короче говоря, *Лери* замечает, что в Бразилии произрастает очень мало животных, похожих на европейских; как, впрочем, и растений той же природы, за исключением портулака, душистого базилика и вереска, которые растут в некоторых местах точно таким же образом, в той же форме и с теми же качествами, что и в Европе.

Лекарственные растения.

Копайба (Стр. 118, М. 56) напоминает фиговое дерево, только более прямое, толстое и большей высоты. В нем содержится очень большое количество масла, такого же прозрачного, как масло, получаемое из оливкового дерева. Для получения большого количества этого масла требуется всего лишь небольшой надрез: говорят, что оно не только лечит раны, но и предотвращает появление на них шрамов.

Амбайба (Стр. 147, М. 91) также напоминает фиговое дерево, а внутренняя пленка под кожурой, как говорят, столь же эффективна для быстрого заживления ран, как и самый знаменитый бальзам. Листья этого дерева настолько твердые, что их используют для полировки самой твердой древесины.

Амбайгтинга (Стр. 148, М. 92). Это дерево того же вида, что и первое, и растет в вышеупомянутых сосновых лесах. На крышке у него что-то вроде маленького пузырька, который, лопаясь, выделяет каплю за каплей восхитительный напиток, обладающий всеми свойствами бальзама и используемый для заживления ран, излечения золотушных выделений и болей в желудке; при последнем заболевании его принимают смешанным с небольшим количеством вина.

Игукамичи (*Hist. Gen. Voy.*) в изобилии растет в окрестностях Сент-Винсента и приносит плоды, похожие на айву, но наполненные семенами, которые являются мощным средством от дизентерии.

Ичиариба (Стр. 122, М. 59). Из этого дерева получается своего рода мастика с превосходным запахом. При растирании кожуры в ступке из нее выделяется белая жидкость, которая при сгущении используется как благовоние и считается эффективным средством для любой части тела, пораженной королевским злом.

Куруру-Обезьяна (Стр. 250, М. 114). Листья похожи на листья персикового дерева и выделяют беловатую жидкость, которая считается отличным средством от ран и прыщей.

Каароба (Стр. 143, М. 70). Древесина этого дерева, которое очень распространено в Бразилии, считается обладающей теми же свойствами, что и древесина гиакума, для лечения определенных заболеваний.

Джаборанди (Стр. 215, М. 97). Бразильцы также называют это дерево *Бетеле*, и обычно оно растет на берегах реки; листья являются специфическим средством при заболеваниях печени. Другой вид бетеле, меньше первого и с круглыми листьями, обладает той же силой в корне; он такой же едкий, как имбирь, и при нанесении на десны устраняет любые недомогания в этой части.

Анда (Стр. 148, М. 110). Американцы добывают масло из этого великого дерева, которым они натирают себя. Вода, в которой кожура была замочена на несколько дней, действует как снотворное на любой вид животных.

Аджуратибура (*Hist. Gen. Voy.*) - это просто кустарник с красными плодами, из которых бразильцы добывают масло того же цвета, которым они также умащивают себя.

Джанипаба (Стр. 138, М. 92) - одно из красивейших деревьев Бразилии с прекраснейшей зеленью; оно меняет листья каждые три месяца и приносит плоды, напоминающие апельсин, но по вкусу напоминающие айву, и считается превосходным средством от дизентерии.

Каапоба (Р. 261, М. 94) - это растение, которое является почти верным средством от укуса всех ядовитых животных, особенно змеи; его обычно называют *змеиным растением*. Предполагается, что корень, или, скорее, сучок, который его разделяет, обладает следующим свойством: сучок растирают и вымачивают в воде; и также считается отличным средством от ран, нанесенных ядовитыми стрелами.

Gobaura (*Hist. Gen. Voy.*). Это растение, измельченное в порошок и нанесенное на самые застарелые язвы, подсушивает их и обтягивает кожу.

Гуаракима (*Hist. Gen. Voy.*) напоминает португальский мирт. Он обладает несколькими достоинствами, в частности, лечит глистов; и не требует никакой другой подготовки, кроме выбора лучших листьев.

Туроки, или *Туроки*, или *Терероки* (*Hist. Gen. Voy.*). У этого растения листья, похожие на лапчатку, а корень разделен на несколько стеблей с очень тонкими ветвями. Оно растет в изобилии повсюду, и его главное достоинство - излечение от дизентерии. Бразильцы вдыхают дым этого растения при самых разных заболеваниях, и считается, что это эффективное средство от глистов - очень распространенной болезни в этой стране.

РАССКАЗ ОБ АЛМАЗАХ БРАЗИЛИИ.[53]

Основные районы, где находят алмазы.

Провинция Бразилия, где добываются алмазы, расположена в глубине страны, между 22½ и 16 градусами южной широты. Ее окружность составляет около 670 лиг. На востоке она ограничена капитанством, или провинцией Рио-Жанейро; на юге - капитанством Святого Павла; на севере - *Сертоэнсом*, или внутренней частью приморской провинции Залива Всех Святых, и частью рудников Гояреля; на западе, наконец, другой частью последней упомянутой провинции, а также теми пустынями и лесами, которые населены дикарями и простираются до границ Парагвая. На стороне, ближайшей к Сент-Полу, раскинулись обширные невозделанные равнины; внутренняя часть разделена горными цепями и холмами с великолепными долинами и роскошными плодородными равнинами. Он изобилует лесом и орошается множеством рек и ручьев, которые облегчают разработку золотых приисков, которые добываются промывкой в виде блесток из речного песка или из открытых днем жил. Эта провинция разделена на четыре *комарки*, или округа, которые, если считать с севера на юг, следующие: *Санто-Жуан-дель-Рей*, *Вилья-Рика*, *Сабара* и *Серо-Досрио*, или Холодная гора, называемая на языке дикарей *Иритаурай*. Алмазы находятся в этом последнем районе. Вся провинция очень богата рудами железа, сурьмы, цинка, олова, серебра и золота.

Алмазные рудники есть и в других районах Бразилии; особенно в Куябе, в стране Гуара-Пуара и в правительстве Сент-Пола; но эти рудники еще никогда не исследовались.^[54]

Открытие рудников.

Паулисты и жители древнего капитанства Сент-Винсент были первыми, кто обнаружил эти рудники, и заселили, по большей части, всю эту богатую провинцию, а также *Матто-Гросу*, *Куяхе*, *Гоярес* и *Рио-Гранде-де-Сан-Педро*. Антонио Соари, паулист, давший свое имя одной из этих гор, был первым, кто открыл и посетил *Серо-Досрио*. Искали только золото, но, наконец, алмазы были обнаружены в *Риачо Фундо*, откуда они были впервые добыты, а затем в *Рио-де-Пейре*; большое количество также было добыто из *Гигуитиньоньи*, очень богатого ручья; и, наконец, в конце 1780 и начале 1781 года банда из почти трех тысяч незваных гостей, по имени *Гримпейрос*, обнаружила алмазы и получила огромное количество из *Терра-де-Санто-Антонио*; но они не были найдены. были вынуждены уступить это место королевской ферме, которая завладела им. Тогда подтвердилось подозрение, что горы являются истинными *матрицами* алмазов; но поскольку работы в руслах рек и на их берегах менее утомительны, их можно вести в большем масштабе и добывать алмазы большего размера, ферма покинула горы и основала большие предприятия на реке *Туканбирнен*, которая протекает по долинам этой цепи и имеет около девяноста лиг в длину. В результате осмотра и раскопок было обнаружено, что вся поверхность почвы, непосредственно под растительным слоем, содержала в большей или меньшей степени алмазы, рассеянные и прикрепленные к матрице, в различной степени железистой и плотной, но никогда в прожилках или в разделении жеод.

Рисунок бриллиантов и способ их исследования.

Рисунок бриллиантов Бразилии разный. Некоторые из них восьмиэдрические, образованные соединением двух тетраэдрических пирамид. Это *Адамас октоэдрус турбинатус* из Валлериуса, или восьмигранный бриллиант из Роме-де-л'Иль. Они почти всегда встречаются в коре гор; другие имеют почти круглую форму либо в результате своеобразной кристаллизации, либо в результате скатывания. Они напоминают те восточные камни, которые португальцы и

уроженцы Индии называют *реболудос*, что означает "свернутый". Наконец, другие имеют продолговатую форму и, как мне кажется, это *Адамас гексаэдрус табеллатус* из Валлериуса. Два последних обычно встречаются в руслах рек и изломанных местах в их берегах.

Алмазы также встречаются, как я уже отмечал, в земной коре или внешнем покрове гор. Эти массы образованы слоем железистого песка с обкатанными кремнями, образующими охристую кашицу из разложения наждака и мутной железной руды; это называется *каскальо*, а слои, или пласты, - *таболейрос*. Эти *таболейро* носят разные названия, в зависимости от их ситуации или характера. Когда пласт горизонтален и находится в плоскости русла реки, его правильно называют *таболейро*; но если он поднимается берегами, его называют *гопиара*; наконец, если пудинг-камень содержит много наждака, тогда он называется по-бразильски *tabanhua sauga*, то есть черный камень или железный камень.

В некоторых местах *каскальо* обнажен, в других он лежит под чем-то вроде растительной илистой земли, *humus damascena*, Линни под красноватым жирным песком, в котором иногда содержатся округлые кремни. Это случается на склонах гор или на берегах больших потоков. Этот песок называется *писарра*. Берег, или пласт под *каскальо*, представляет собой либо шистус, скорее песчаный, либо твердую болотную железную руду. Подобным же образом в *каскальо* находят золото в блестках и в пиритах; первое из них, по моему мнению, образуется при разложении золотоносных пиритов; ибо золото в жилах имеет другую форму, и его матрицей является либо жирный кварц, либо мелкозернистый нежный *cos*, слюдистый гнейс, либо кварцевая железная руда, *tophus ferreus*. Linn.

Поиск алмазов производится путем изменения русла ручьев, чтобы можно было промыть песок или гравий и отобрать алмазы; или путем разрушения *каскальо* большими молотками, а затем промывки его в желобах. Эта промывка отличается от промывки золота тем, что для нее требуется небольшое количество очень чистой воды и очень мало *cascalho* за раз; пропорции, которые в точности противоречат тем, которые требуются при промывке золота. Чернокожие рабы, занятые в этом бизнесе, полностью обнажены, за исключением ткани вокруг талии, чтобы они не могли присвоить какие-либо алмазы; но, несмотря на все меры предосторожности и бдительность многочисленных инспекторов, они, тем не менее, находят способы спрятать их, которые они продают по очень низкой цене незванным гостям за табак и ром.

Оценка сумм, полученных португальским правительством от бразильских алмазов.

Алмазные рудники в Бразилии в разное время приносили португальскому правительству разные суммы. К середине прошлого века в Европу поступило такое большое количество бразильских алмазов, что стоимость бриллиантов любого вида настолько снизилась, что лондонские ювелиры отказывались покупать их ни за какие деньги. Автор *Трактата об алмазах*, по-видимому, сомневается в существовании алмазных копей в Бразилии и полагает, что огромное количество камней, продаваемых португальцами на различных рынках Европы, было произведено не их американскими, а азиатскими колониями. О размере прибыли, полученной португальским правительством в течение нескольких лет от продажи этих алмазов, будет легко судить по следующему заявлению. В эпоху ужасного землетрясения в Лиссабоне некоторые английские купцы заключили контракт с теми португальцами, которые непосредственно управляли алмазными рудниками в Бразилии, о выплате им 120 000 фунтов стерлингов. Основные условия вышеупомянутого контракта (согласно отчету, предоставленному мне английским джентльменом, который его подписал) были следующими: — португальские

директора обязались обеспечить английским торговцам эксклюзивную продажу бразильских алмазов; последние, со своей стороны, обязались получить 40 000 карат необработанных алмазов, за которые они должны были заплатить по ставке 3 ф.л. карат; общая сумма составляет 120 000 фунтов стерлингов. Также было достигнуто соглашение относительно покупки и выбора бриллиантов. Когда футляры, в которых они находились, были привезены из Бразилии, их нельзя было открывать, кроме как в присутствии английских купцов, после чего бриллианты были разложены на большом столе; и упомянутые купцы назначили специалиста по драгоценным камням, который отобрал самые ценные бриллианты, за исключением тех, что превышают двадцать карат (их очень мало), которые были зарезервированы для португальской короны. Первоначальных подрядчиков сменили другие, и цена была снижена до 2 ф. 1 шилл. 8д. стерлингов за карат; но с некоторых пор эта отрасль торговли была изъята из рук англичан и находится в исключительном владении короля. Точная сумма, полученная в результате этого нового соглашения, неизвестна, но у нас есть основания полагать, что она составляет в среднем около 60 000 фунтов стерлингов в годовом исчислении.

Оценка стоимости бразильских алмазов и т.д.

Белые бриллианты Бразилии, когда они весят всего от четырех до пяти карат, имеют одинаковую ценность с восточными бриллиантами того же веса; но когда они большего размера, последние ценятся гораздо больше из-за чистоты воды.

Бразильский топаз считается самым ценным после восточного: он светло-желтого цвета с оранжевым оттенком и очень хорошо поддается полировке. Этот топаз весом всего в один карат оценивается, если он в идеальном состоянии, в шесть французских ливров (5 шилл.), и его стоимость увеличивается в зависимости от его веса, который определяется следующим расчетом, сделанным для восточного топаза. Мистер Дютенс оценивает восточный топаз в идеальном состоянии в шестнадцать французских ливров (13 шилл. 4 шилл.) за первый карат. Чтобы узнать стоимость одного, весящего три или четыре карата, необходимо умножить одно на другое и умножить произведение на 16; те же правила следует соблюдать для топазов большего веса; так что восточный топаз совершенной формы, оцененный в шестнадцать ливров (13 шилл. 4д.). первый карат, весом в шестнадцать зерен, или четыре карата, стоил бы двести пятьдесят шесть французских ливров (10 ф. 13 шилл. 4д.), в то время как бразильский топаз, весящий также четыре карата, стоил бы всего девяносто шесть французских ливров. ливров[55] (4л.). В Бразилии есть также другой сорт топаза, очень специфической природы: он имеет очень изменчивый и необычный оттенок, и если его поместить в маленький тигель, наполнить золой, поставить на медленный огонь и снять, когда тигель покраснеет, он теряет свой желто-оранжевый цвет и меняется на цвет настоящего рубина Балас, оттенок которого, как правило, красив. Этот топаз часто бывает темного, дымчатого, грязно-желтого цвета, и его очень мало ценили, пока ювелир случайно не обнаружил вышеупомянутый процесс, который держался в строжайшем секрете, пока г-н Дюмель, ювелир-практик, не раскрыл его Парижской академии наук через г-на Геттара.[56] Многие люди придерживаются мнения, что рубины, привезенные в настоящее время из Бразилии, являются просто топазами, которые подверглись указанной операции. Тонкая кристаллизация восточного рубина имеет такую же восьмигранную форму, как и у алмаза. Бразильский рубин кристаллизуется в призмах неравных плоскостей, заканчивающихся пирамидками, есть также другие рубины более округлой формы, поскольку их обкатывали в воде. Предполагается, что этот камень приобрел свой красный цвет благодаря железу. Самые почитаемые рубины происходят с острова Цейлон и считаются более ценными,

чем даже рубины из Пегу. *Рубацелле*, или маленький рубин, очень распространенный в Бразилии, бледно-красного цвета с желтым отливом; это самый дешевый и наименее почитаемый из всех камней такого рода; они, однако, очень хорошо поддаются полировке; и самые совершенные из них иногда выдают за *Балас* рубины. Этот последний камень может быть оценен в тридцать французских ливров (1,5 фунта стерлингов) за один карат; камни в два карата - в шестьдесят французских ливров (2 10 фунтов стерлингов), в три карата - в девяносто ливров (3 15 фунтов стерлингов), в четыре карата - в сто двадцать ливров (5 фунтов стерлингов) и т. Д.

На рудниках Бразилии также добывают изумруды, которые имеют *бороздчатую* форму и заканчиваются тупой пирамидой. Они находятся в продолговатых призмах из 6, 8, 9, 10 и 12 неравных плоскостей; они темно-зеленого цвета с коричневатым оттенком и очень мелкой воды. Прекрасный изумруд весом в полтора карата может быть оценен в 5 фунтов стерлингов; изумруд весом в два карата - в 10 фунтов стерлингов; но сверх этого веса стоимость изумруда не увеличивается пропорционально его размеру, и даже самые крупные изумруды, если они безупречны, все равно подлежат произвольной оценке.

В Бразилии производят два вида хризолитов; один почти напоминает по цвету камень, называемый французскими ювелирами *Oriental Перидот*,^[57] за исключением того, что он немного темнее и с примесью желтого; поскольку этот хризолит не такой твердый, как *перидот*, полировка не такая блестящая. Другой бразильский хризолит соломенного цвета с красивым зеленым оттенком, что создает очень приятный эффект: он чрезвычайно твердый и отлично поддается полировке. Эти хризолиты яблочно-зеленого или соломенного цвета с зеленоватым оттенком могут оцениваться в 1 литр стерлингов за карат: 2 литра стерлингов за карат в два карата; 3 литра стерлингов за карат в три карата; и так далее, всегда из расчета 1 литр. карат.

ПРИМЕЧАНИЕ.

С тех пор как эта Работа появилась в печати, была опубликована "История Бразилии" мистера Гранта; и я с большим удовольствием отмечаю, что его рассказ о гражданском правительстве и положении в Стране часто черпается из тех же источников, что и мой собственный. Я льщу себя надеждой, что этот по-настоящему уважаемый автор простит мне то, что я обратил внимание на ошибку, которая вкралась в его Работу относительно Вильганьона, которого он упоминает на 42-й странице своей Истории как удалившегося (после возвращения из Бразилии) в монастырь своего собственного ордена и проведшего остаток своей жизни в писаниях против протестантов.^[58] Дело в том, что в Мальтийском ордене никогда не было мужских монастырей, и что Вильганьон, вскоре после возвращения из своей экспедиции, был назначен послом своего ордена в Париж, этот пост он занимал с 1568 по 1570 год, когда покинул свое посольство по состоянию здоровья и умер 9 февраля (а не в декабре месяце, как говорит *Лери*) 1571 года в своем командорстве в Бове.

КОНЕЦ.

Р. Жюинье, Печатник, ул. Маргарет, 17. Площадь Кавендиша

СНОСКИ:

[1] Предисловие к "Государственному управлению Португалии", стр. 17.

[2] Etat du Portugal, стр. 267.

[3] В 37-м томе "Философских трудов", № 421, страницы 199 и 201, есть письмо, касающееся алмазов, недавно найденных в Бразилии, от *Якоба де Кастро Сарменто*.

[4] Доминионы Испании называются Старая и Новая Испания.

[5] Теодор Годфруа в своем договоре о происхождении королей Португалии.

[6] Существует вульгарная традиция, связанная с доном Себастьяном, которого некоторые португальцы считают все еще живым. Это послужило поводом для смехотворной речи лорда Тайроули о том, что "что вообще можно сделать с нацией, одна половина которой ожидает Мессию, а другая - своего короля дона Себастьяна, который мертв уже двести лет?" Эта традиция также вызвала еще одну забаву, которая повлекла за собой очень ужасные последствия. Королева Португалии, стоявшая у окна в сопровождении своего двора, заметила, как в воздух поднялся огромный водяной фонтан. "Ах! " со смехом воскликнула она. " вот и король, дон Себастьян, вернулся к нам". "Этого не может быть, мадам, " ответил граф д'Обид, один из первых дворян Португалии, - поскольку в настоящее время нами правит дон Себастьян", имея в виду дона Себастьяна Карвалью, премьер-министра. Через два часа после этой несвоевременной шутки граф был заключен в темницу башни Святого Юлиана. -(См. Дюмурье, *Etat du Portugal*.)

[7] Голландцы и каталонцы.

[8] Первое собрание состоялось 12 октября в саду Антонио д'Альмада. Архиепископ Лиссабона не присутствовал на его открытии, и заговор был в самом разгаре еще до того, как он появился. Верто не всегда точен в описании этих различных сборок.

[9] д'Акунья.

[10] Дон Себастьян де Маттос де Норонья.

[11] Связь.

[12] Однажды возникший заговор никогда не ставил вопроса ни о республиканском правительстве, ни о передаче короны кому-либо, кроме герцога Браганца.

[13] Кардинал де Ришелье.

[14] *Ad hæc politicas artes, bonos et malos regiminis dolos, dominationis arcana, humani latibula ingenii non modò intelligere mulier, sed et pertractare quoque ac provehere; tam naturâ quam disciplinâ mirificè instructa fuit.* Каэтан. *Passar. de Bello Lusitan.*

[15] Некоторые авторы утверждают, что этот вопрос задал Паэс, секретарь герцога.

[16] Соуза де Македа упоминает Алмаду как хранителя архиепископа.

[17] Дон Хуан да Коста.

[18] Донна Мария де Ланкастро говорила с той же целью, хотя и в еще более сильных выражениях, двум своим сыновьям, дону Фердинанду Теллеру и Антонио Теллеру де Сильва: “Идите вперед, сыновья мои, идите и сражайтесь за свою страну; и будьте уверены, что, если бы слабость моего пола не помешала мне, я бы сама сопровождала вас к месту действия и либо победила бы вас”. или погибнуть за столь славное дело”.

[19] Для гражданского населения.

[20] Король, преклонив колени, принес коронационную присягу в следующих выражениях:—

“Здесь я обещаю и приношу клятву править этим королевством и вершить правосудие в меру своих сил, с благоразумием, мудростью и умеренностью; и поддерживать обычаи, привилегии и права нации, как они были предоставлены и подтверждены королями, моими предшественниками, во имя Отца, Сына и Святого Духа!”

Затем три сословия, состоящие из дворянства, духовенства и народа, принесли присягу на верность. Эту церемонию начал архиепископ Лиссабона: —

“Клянусь, ” сказал он, кладя руку на новый завет, “ что я принимаю и признаю своим истинным и законным господином и сувереном высокого, могущественного и великокняжеского короля дона Иоанна IV, которому я отдаю дань уважения как таковому, от имени всего духовенства”. Другие члены собрания принесли ту же клятву.

[21] Король и три сословия принесли ту же клятву, что и ранее при коронации; и генеральные штаты признали дона Феодосия, сына герцога Браганса, принцем Португалии и законным преемником короны.

[22] Мелло, которого король Португалии направил во Францию по этому случаю, был остроумен; и в разговоре с королевой Франции, сестрой Филиппа IV, он выразил опасение, что его посольство, должно быть, причинит боль ее величеству, поскольку оно имело тенденцию лишать короля, ее брата, королевства: на что королева ответила: “Это действительно правда, что я сестра Филиппа IV”. его католическое величество, но разве я в то же время не мать дофина?”

Королева, беседуя впоследствии с разными дворянами, сопровождавшими посла, на кастильском языке, Мелло позволил себе спросить, почему она не обратилась к нему на том же языке? “Из страха причинить тебе боль”, - ответила королева. “Так бы и было, - ответил Мелло, - если бы я считал тебя кастилькой, но как великую королеву эффект был бы другим”.

[23] Оливарес был прекрасно знаком с этим Баэсом, который был чрезвычайно полезен ему в различных случаях, он наградил его почетным орденом Христа. Португальская знать, оскорбленная таким унижением ордена, не могла не заметить, “что герцог должен либо возвысить его еще больше, либо приговорить к виселице”.

[24] Иоанн IV был среднего роста, но не очень хорошей формы. У него были светлые волосы, блестящие глаза, румяный и оживленный цвет лица, и выражение его лица было особенно приятным. Его прозвали *удачливым*, но он почти никогда не появлялся во главе своей армии; поэтому о нем можно сказать, как Эдуард II Английский сказал о французском короле Карле V, прозванном мудрым, “что ни один монарх никогда так редко не появлялся с оружием в руках и не одерживал так много побед”.

[25] Ее дядя из, т.е. двоюродный брат ее отца или матери.

[26] Смотрите Мемуары Фремона д'Эбланкура.

[27] Мемуары Фремона д'Эбланкура.

[28] Не совсем верилось, что это событие было результатом случайности.

[29] В Цинтре, 12 сентября.

[30] Мистер Ферран. See Esprit de l'Histoire, tom. IV. с. 181.

[31] Искусство верифье, лес дат.

[32] Генри, маркиз де Рувиньи, который выступал в качестве генерального агента протестантской знати во Франции, отправился в Англию после отмены нантского эдикта, где он натурализовался и стал графом Голуэй, титул которого он носил с тех пор.

Джеймс Фицджереймс, герцог Бервикский, был побочным сыном короля Якова II от Арабеллы Черчилль, сестры знаменитого герцога Мальборо. Монтескье отмечает, что в семье Черчиллей родились два человека, одному из которых было суждено *поколебать*, а другому одновременно *поддерживать* две величайшие монархии Европы.

[33] Это поражение было частично приписано маркизу де Фронтера и лорду Голуэю, которые отказались принять французских беженцев в качестве офицеров португальских полков, что вынудило их прибегнуть к услугам иностранных офицеров для пополнения кавалерийских и драгунских полков, которые были недавно набраны, для восполнения больших потерь, понесенных армией.

[34] Этот ответ напоминает благородный ответ кардинала де Флери (в бытность епископом Фрежюса) герцогу Савойскому, который, перейдя Вар, во главе значительной армии вошел в Прованс и попытался побудить епископа присягнуть ему на верность.

“Ваше королевское высочество, - сказал он, - должно быть, вы уверены, что я никогда не нарушу своего долга перед Людовиком Великим, моим законным и единственным сувереном; к тому же едва ли стоит прилагать усилия, чтобы признать ваше королевское высочество в течение того очень короткого времени, которое вы пробудете в Провансе”.

Это доказательство привязанности, представленное Людовику XIV, заложило основу будущего величия г-на де Флери.

[35] Он, однако, позаботился о том, чтобы разместить в этом монастыре большую коллекцию книг; но Мафра находится в четырех лье от Лиссабона, и эта библиотека могла принести мало пользы этому городу.

[36] Кьен де ла Нефвиль, автор хорошо написанной истории Португалии, находился в то время в Лиссабоне в свите аббата Морнэ, посла Франции, с которым его величество консультировался по этому поводу.

[37] Этат Дюмурье в Португалии.

[38] См. Etat de Portugal Дюмурье.

[39] См. Дюмурье.

[40] В оправдание столь сурового акта министр опубликовал работу, озаглавленную "*Краткий отчет о поведении и последних действиях иезуитов в Парагвае; и их интригах при Лиссабонском дворе*".

[41] Министр, тщательно изучив состояние мануфактур, обнаружил, что не хватает более двадцати очень необходимых. Созданные им впоследствии предприятия по производству хлопка, шелка и стекла вызвали самые ожесточенные споры между судами Лондона и Лиссабона. См. Администрацию маркиза де Помбала, тома. 2 и 3.

[42] Мы хорошо знаем, что это дело было связано по-другому; но мы предпочитаем последовать примеру автора *Государственного управления Португалии* привести тот же отчет об этой сделке, который был передан месье Фавье французскому суду.

[43] Дом общественных развлечений, принадлежащий иностранным купцам, которые в тот вечер давали бал в честь свадьбы дочери премьер-министра.

[44] Именно эти термины использовались в ордере на обеспечение безопасности их лиц. См. *администрацию маркиза де Помбаля*.

[45] Он был осужден как автор двух книг "Порождение неупорядоченного воображения", которые он написал в королевской тюрьме. Первая, на португальском, называлась "*Героическая и достойная восхищения жизнь славной святой Анны*"; а вторая, написанная на латыни, называлась "*Трактат о жизни и империи антихриста*".

[46] Королевский эдикт об изгнании иезуитов датирован 3 сентября 1759 года.

[47] Те, кто желает быть более конкретно информированным о военных операциях этой кампании и реформах, проведенных немецким принцем, графом де ла Липпе, могут обратиться к "*Государственному управлению Португалии*", Дюмурье.

[48] Король, не имевший потомства мужского пола, инфанта Мэри Фрэнсис Элизабет, его старшая дочь, родившаяся 17 сентября 1734 года, стала, согласно основным законам королевства, наследницей короны. Несколько иностранных принцев желали добиться ее руки, но король, желая угодить своему народу, отдал ее своему брату, дону Педро. See *l'art de vérifier les dates*.

[49] Маркиз де Помбаль собирался отправиться в Лондон, где для него уже был приготовлен дом, но королева воспротивилась его отъезду и пообещала защитить его от могущества его врагов. После его смерти она передала все его титулы и владения его сыну вместе с командорскими полномочиями, данными ему Джозефом Первым. Мы рады узнать, что он не оказался неблагодарным, поскольку маркиз де Помбал сопровождал ее величество в Бразилию.

[50] Общеизвестно, что римляне, не сумев покорить Вириата, подло убили его в 140 году до Рождества Христова; и что за 70 лет до христианской эры Серторий был убит за столом Перпенуа.

[51] *Etat du Portugal*, стр. 216.

[52] Этот небольшой очерк естественной истории Бразилии взят из *генеральной истории путешествий, написанной М. де ла Гарпом*. Буква Р. является сокращением от *Pison*, а буква М. — от *Marcgraf*; цифрами обозначена страница в работах указанных авторов, озаглавленная следующим образом: *-Guill. Pisonis de Indiæ utriusque re naturali, Amst. Lud. et Dan. Эльзев. in fol. 1658: Georg. Маркграфий, История. Naturalis Brasilie, edit. в fol. Lugd. Batav. et Amst. 1648.*

[53] Эта часть рассказа об алмазах Бразилии взята из выполненного Николсоном перевода воспоминаний Андрадо, прочитанных в Обществе естественной истории в Париже.

[54] Однако самые богатые и изысканные алмазные рудники находятся не в Америке; они расположены в Азии, в королевствах Голконда и Визиапур, на берегу Ганга, в Пегу и на острове Борнео.

[55] Согласно приведенному выше правилу, бриллиант короля Португалии весом 11 унций, 5 грошей, 24 карата, в идеальном состоянии стоил бы 224 500 000 фунтов стерлингов; но у этого бриллианта много недостатков, и он желтоватого цвета.

[56] См. Экономический журнал. 8 Октября 1751 года.

[57] Это название дано французскими ювелирами драгоценному камню желтовато-зеленого цвета. Г-н Леман представил любопытную и ученую диссертацию об этом камне, включенную в Мемуары Академии наук. Берлина. См. 1755 год, стр. 202.

[58] Смотрите Словарь Бейля.

Типографские ошибки, исправленные переводчиком электронного текста:

В Индии=> В Индии {стр. 290}

Inez de Casto=> Inez de Castro {pg xxiv}

превзойти=> удивить {стр. xxiv}

Viscu=> Визеу {стр. 5}

бразды правления=> бразды правления {стр. 9}

разубеждать=> разубеждать {стр. 11}

завоевание=> победа {стр. 13}

неизбежно=> неизбежно {стр. 31}

предпочтение=> предпочтение {стр. 28}

Peter de Mendoca=> Peter de Mendoça {pg 40, 48}

незаменимый=> незаменимый {стр. 46}

проверка=> проверка {стр. 49}

граждане=> citizens' {стр. 101}

независимый=> независимый {стр. 110}

Эстеварн д'Акунья=> Эстеван д'Акунья {стр. 70}

герцог Браганса=> герцог Браганса {стр. 94}

изгнанная Португалия=> изгнанный из Португалии {стр. 118}
верность мужчины=> верность мужчины {стр. 144}
Синдад-Реал=> Сьюдад-Реаль {стр. 146}
идеот=> идиот {стр. 167}
для приобретения сорта=> для приобретения сорта {стр. 214}
гарнизон=> гарнизон {стр. 272}
в в этом городе=> в этом городе {стр. 276}
particularу=> в частности {стр. 293}
являются продолговатыми=> являются продолговатыми {стр. 306}